

Жорес Трофимов

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ
СИМБИРСК
МОЛОДОГО
ЛЕНИНА

Жорес Трофимов
**ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ
СИМБИРСК
МОЛОДОГО
ЛЕНИНА**

на добрую
память
с любовью
Ю.Трофимов
28.6.87.

Саратов
Приволжское
книжное издательство
Ульяновское отделение
1984

Рецензенты: Н. А. КУЗЬМИНСКИЙ, кандидат исторических наук, Ф. Г. КУЗНЕЦОВ, кандидат педагогических наук.

Трофимов Ж. А.

Т76 Демократический Симбирск молодого Ленина.— Саратов: Приволж. кн. изд-во (Ульян. отд-ние), 1984. — 176 с.

Новая книга кандидата исторических наук Ж. А. Трофимова посвящена классовой борьбе и общественному движению в Симбирске и Симбирской губернии в 70-80-х годах XIX века. Особое внимание автор акцентирует на событиях и фактах, которые были известны членам семьи Ульяновых и являлись предметом раздумий молодого Ленина, истоком формирования его общественно-политических взглядов. Издание рассчитано на массового читателя.

Т 0505040000
153(1)—84

13.50

ОТ АВТОРА

Симбирск — родина великого Ленина. В этом волжском городе прошли его детство и юность — почти треть прекрасной и героической жизни. Здесь, как отмечается в научной биографии Владимира Ильича, «под влиянием семейного воспитания, под воздействием революционно-демократической литературы и соприкосновения с жизнью народа»¹, началось формирование его революционных взглядов.

Благодаря воспоминаниям, статьям и очеркам членов семьи Ульяновых и Н. К. Крупской, трудам советских ученых и литераторов читатель имеет возможность познакомиться с жизнью и деятельностью выдающегося педагога-демократа Ильи Николаевича Ульянова, с верной его спутницей Марией Александровной, с их сыновьями и дочерьми — плеядой пламенных революционеров. Однако о Симбирске 70—80-х годов XIX века мало что известно.

Нас интересует историческая среда, окружавшая Владимира Ульянова и его родных, во всей ее многогранности: архитектурный облик Симбирска, экономическая, культурная и литературная жизнь города и губернии, условия труда и быта различных слоев населения. Но особый и вполне понятный интерес вызывают те явления симбирской действительности, которые рождали чувства недовольства существующим строем, классовая борьба и общественное движение против остатков крепостничества и капиталистического гнета — все, что, с одной стороны, укрепляло любовь Ульяновых к многострадальному народу, а с другой — рождало ненависть к его угнетателям и непоколебимую решимость посвятить все свои силы и знания борьбе за светлое будущее Отчизны.

Книги, в которой бы освещались эти вопросы, пока еще нет. Этим объясняется то, что в произведениях о молодом Ленине и семье Ульяновых почти не показывается конкрет-

¹ Владимир Ильич Ленин. Биография. Изд. 5-е. М., Политиздат, 1972, с. 7.

ная социально-экономическая обстановка, в которой они жили, наблюдается разноречивой в характеристике Симбирска. Многие литераторы считают, как и автор «Обломова», что сама наружность Симбирска «не представляла ничего другого, кроме картины сна и застоя». При этом вольно или невольно упускается из виду, что это высказывание И. А. Гончарова относится к родному городу 40-х годов.

Ульяновы в своих воспоминаниях хотя и не восторгаются Симбирском, но и не говорят о нем с пренебрежением. Вот как рассказывала о нем Мария Ильинична советским ребятам: «Это был (в значительной степени он остался таким и теперь) небольшой провинциальный город, тихий и спокойный... Но с весны, с открытием навигации, Симбирск несколько оживал. Он лежит на большой судоходной реке, и когда она сбрасывала с себя ледяные оковы, на пристани города закипала жизнь, раздавались свистки пассажирских и буксирных пароходов, оживала торговля и сообщение с другими городами становилось более удобным — на пароходах»¹.

Навигация на Волге продолжалась с апреля по октябрь, и на эти полгода в Симбирске действительно «закипала жизнь». Большое оживление в жизнь города вносила и знаменитая «сборная» ярмарка, на которую в феврале — марте съезжались тысячи торговцев и покупателей со многих городов России.

Симбирск был типичным губернским центром, а не «глухим, заштатным городком», как это иногда представляется². Нельзя рассматривать его и как застывший в своем развитии город. Суждение о том, что «в 70—80-х годах XIX столетия в Симбирске насчитывалось около 30 тысяч жителей»³, — слишком неопределенно и ошибочно: за время жизни Ульяновых в городе его население выросло в полтора раза и в 1887 году составляло почти 40 тысяч человек.

Каким же был Симбирск в год рождения Ленина и ко времени расставания с ним Владимира Ильича, в 1887 году? Почему город начал отставать в развитии от соседних губернских центров? Что из симбирской действительности рож-

дало у Ульяновых чувства недовольства существующим строем? Как протекали здесь классовая борьба и общественное движение в первые пореформенные десятилетия? Поиск ответов на эти вопросы начали еще в 20-х годах В. Алексеев, А. Швер, Н. Рыжков. Опираясь на рассказы старожилов, печатные и рукописные источники, они впервые попытались хотя бы штрихами обрисовать революционный Симбирск молодого Ленина¹. Однако в то время местные архивы еще не были приведены в порядок, и авторы смогли познакомиться главным образом с одним фондом — Симбирского жандармского управления. Встречающиеся в их статьях пробелы и неточности объясняются неполнотой использованных источников.

После продолжительного перерыва, уже в 40—60-х годах, появляются новые краеведческие работы, в которых рассматриваются отдельные эпизоды из общественной жизни и революционного подполья Симбирска в годы жизни Ульяновых. Однако в тех из них, где интересующая нас проблема освещается более или менее подробно, при характеристике освободительного движения — заметно преувеличен его размах. А. Л. Карамышев, например, пишет, что «в 1877 году в Симбирске и его уезде проживало около 150 революционеров, высланных сюда за те или иные политические дела под надзор полиции», а в губернии якобы и тогда «находилось в ссылке более 500 революционеров»². Но эти цифры являются показателями общего числа поднадзорных, среди которых подавляющее большинство составляли уголовники, политических же ссыльных в губернии одновременно находилось не более десяти.

Отдельные страницы из истории общественной жизни Симбирска и губернии нашли отражение в публикациях П. С. Бейсова, М. Х. Валкина, А. Ф. Варламовой, Н. П. Гриценко, П. П. Евдокимова, Б. Н. Жаданова, Л. А. Жвакиной, Н. И. Никитиной, И. С. Ромашина, М. М. Савич и других краеведов Ульяновска, а также в трудах профессоров Казанского университета Г. Н. Вульфсона, Р. И. Нафигова.

¹ Алексеев В. Из пыли архивов (штрихи из истории революционного движения в Симбирской губернии). — Красная летопись. Симбирск, 1923, с. 9—11; Алексеев В., Швер А. Семья Ульяновых в Симбирске (1869—1887). Под ред. и с примеч. А. Н. Ульяновой-Елизаровой. М. — Л., 1925, с. 48, 51; Рыжков Н. Революционное подполье в Симбирске в 70 и 80-х годах. — Ульяновский общественник, 1927, № 3, с. 43—46.

² Карамышев А. Л. Симбирская гимназия в годы учения В. И. Ленина. Ульяновск, 1958, с. 89.

¹ Ульянова М. И. О В. И. Ленине и семье Ульяновых. Воспоминания. Письма. Очерки. М., Политиздат, 1978, с. 22—23 (в дальнейшем — Ульянова М. И.).

² Капивец В. Александр Ульянов. М., Молодая гвардия, 1964, с. 50.

³ Иванский А. Молодой Ленин. М., Политиздат, 1964, с. 19.

Все достоверные и наиболее ценные факты и суждения из трудов своих предшественников автор с благодарностью использовал в кандидатской диссертации «Классовая борьба и общественное движение в Симбирской губернии в 70—80-х годах XIX века», защищенной в 1967 году. В настоящей книге учтены краеведческие исследования и за последующие 15 лет.

Вместе с тем мне самому пришлось вести изучение широкого круга источников как печатных¹, так и преимущественно неопубликованных², в архивах, музеях и библиотеках Ульяновска, Казани, Москвы, Ленинграда, Пензы, Горького, Куйбышева и Саратова. На основании выявленных материалов было опубликовано в печати несколько десятков статей и сообщений («Революционный Симбирск молодого Ленина», «Идеи марксизма проникали в симбирскую глушь», «Симбирск, март 1881 года», «Под покровом благополучия», «Доктор Кадьян», «Последняя симбирская весна» и другие). Наиболее важные фрагменты из этих публикаций встречаются в моих книгах о В. И. Ленине и семье Ульяновых. В книгу «Демократический Симбирск молодого Ленина» вошли некоторые из них, но, разумеется, читатель познакомится и с новыми материалами. Особый интерес среди них представляют пять номеров рукописного журнала «Дневник гимназиста», выпускавшегося нелегально старшеклассниками Симбирской классической гимназии в 1885—1886 годах.

Не все удалось раскрыть в том объеме, как этого бы хотелось, поэтому в книге встречаются слова: «не исключено», «возможно», «наверное». Но предположение высказывается лишь в том случае, когда есть основания для уверенности в его закономерности; оно не возведено в ранг факта только из-за неполноты дошедших до нас источников. Хочется надеяться, что очерки помогут читателю представить обстановку, в которой рос, мужал и искал путь, ведущий к победоносной социалистической революции, Владимир Ульянов.

Выражаю глубокую благодарность за помощь в работе сотрудникам Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС Ю. А. Ахашкину, В. В. Аникееву, В. Н. Степанову, К. Ф. Богдановой, краоведам Н. И. Никитиной, А. Ф. Варламовой.

¹ Симбирские губернские ведомости, Симбирская земская газета, Воляжский вестник, Памятные книжки и календари Симбирской губернии.

² Фонды ЦПА ИМЛ, ЦГАОР, ЦГИА СССР, ЦГАЛИ, ЦГА ТАССР и др.

ПАДЕНИЕ КРЕПОСТНОГО ПРАВА

Симбирская губерния образована в 1796 году на территории бывшего симбирского наместничества. После исключения из ее состава Ставропольского, Самарского и части Сызранского уездов, отошедших в 1851 году к только что учрежденной Самарской губернии, она значительно уменьшилась и стала занимать по своим размерам 42 место среди 65 губерний России¹. В то же время по территории — 43 491 квадратная верста — Симбирская губерния была больше таких стран, как Греция, Голландия, Дания или Швейцария. Располагалась она, за исключением трех слобод Симбирска, в правобережье Волги, крутые лесистые возвышенности которого ослабляли горячие и сухие восточные ветры. Плодородные черноземные земли, богатейшие леса, умеренный климат издавна привлекали сюда землепашцев различных национальностей². Немаловажное значение имело и выгодное географическое положение: по территории губернии протекали судоходные реки Волга и Сура, проходили торговые пути из Заволжья, Средней Азии и с Каспия в центр и на северо-восток страны. Не случайно в этом краю были созданы крупнейшие имения царя и его приближенных. «Наши древние мироеды были не дураки, — писал Н. Флеровский о причинах засилья родовитых помещиков в Симбирской губернии, — они отмежевали себе лучшие части России»³.

Несмотря на благоприятные природные условия и выгодное географическое положение, Симбирская губерния уже в 60-х годах XIX века начала отставать от других губерний Среднего Поволжья по уровню развития промышленно-

¹ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Симбирская губерния. Часть 1. Составил генеральный штаба полковник Липинский. СПб., 1868, с. 46.

² По подсчетам Липинского, в губернии в 1861 году проживало 1 176 760 душ обоего пола; национальный состав в процентах выражался так: русские — 72,16, мордва — 11,76, чуваша — 8,37, татары — 7,71.

³ Флеровский Н. Положение рабочего класса в России. М., 1938, с. 220.

сти, численности городского населения, степени развития капитализма в сельском хозяйстве, объему товарооборота. Это обуславливалось ее отдаленностью от новых промышленных районов страны, отсутствием железнодорожных путей сообщения, что затрудняло сбыт хлеба — главного богатства губернии. Не было здесь и ценных полезных ископаемых. Но главной причиной такого положения было то, что здесь сильнее, чем во многих других местностях России, укрепилось истинно русское крепостничество¹ с характерными для него рутинными методами ведения хозяйства, экономическим и политическим произволом.

Симбирскую губернию современники часто называли «дворянской», и это не случайно: дворяне занимали в ней важнейшие государственные и общественные посты. Накануне крестьянской реформы 1861 года они владели более чем миллионом десятин лучших земель; им принадлежали 443 тысячи душ крепостных — около 39 процентов населения губернии², большинство которых было разделено «между 582 богатыми владельцами, составлявшими, так сказать, местную владельческую аристократию»³. Об экономическом могуществе некоторых помещиков говорят такие факты. Граф В. П. Орлов-Давыдов имел в Сенгилеевском уезде 6494, а в Сызранском — 76 828 десятин земли. Братья Мятлевы владели 39 965, графиня О. В. Левашева — 33 225 десятинами земельных угодий⁴.

Большинство помещиков основывало ведение хозяйства на применении барщины, которую отбывали, по официальным данным, почти 75 процентов крепостных. В действительности же на помещика работали почти все жители сел «от восьмилетнего до семидесятилетнего возраста»⁵. Подневольный труд, основанный на отсталой технике, был малопродуктивным, но дворяне упорно держались за него, пока не убедились во второй половине 50-х годов в невозможности даже силой сохранить крепостничество.

Реформа 1861 года в Симбирской губернии, как и во всей стране, готовилась и проводилась помещиками, и они сделали все, чтобы не только сохранить свои владения, но и приумножить их: увеличивали размер барщины и оброка, со-

кращали крестьянские запашки, переводили многих крестьян в разряд дворовых или переселяли их на негодные и отдаленные земли.

Этот грабительский произвол крепостников привлек внимание передовой русской общественности, а также К. Маркса и Ф. Энгельса. Герценовский «Колокол» в одной из статей отмечал, что помещики Симбирской губернии благодаря «грязным уловкам» за короткое время ухитрились увеличить число дворовых с 10 609 до 12 912 человек, то есть более чем на 20 процентов. Умысел их был ясен: дворовым земельные наделы не предусматривались¹.

Ф. Энгельс, конспектируя статью Попельницкого «Значение переоценки повинностей в крестьянском деле», сделал такую выписку: «Граф Михаил Сергеевич Ланской узнал, что крестьян предположено по закону оставить на той земле, на которой застанет их введение Положения, и сделал распоряжение переселить своих крестьян из Одоевщины Ардатовского уезда Симбирской губернии на другой берег реки, где имелась одна лишь никуда не годная песчаная и глинистая земля. Там они и остались с кануна февраля 1861 года и жили подающими»².

В ходе реформы 1861 года помещики отрезали у своих бывших крепостных почти треть земель. Если до «освобождения» крестьяне имели 787 тысяч десятин, то после него у них осталось на 257 тысяч меньше. Средний земельный надел при этом грабеже снизился с 3,9 до 2,7 десятины на «ревисскую душу»³.

Одной из важных особенностей реформы 1861 года в Симбирской губернии является огромное число — 40 тысяч — «дарственников», то есть крестьян, получивших от помещика без выкупа четверть «полного» (указного) надела. Такие «кошачьи», или «сиротские», наделы получила в губернии почти пятая часть бывших крепостных, а в Сызранском уезде — 42 процента⁴.

У симбирских крестьян не только отрезали значительную часть их земли, но и наделы дали на неудобной или негодной земле, часто чересполосицей с помещичьими полями, «чтобы легче было благородным дворянам кабалить крестья-

¹ Лепин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 233.

² В Казанской губернии крепостные составляли около 14 процентов, а в Самарской — немногим более 15 процентов.

³ Липинский И. Указ. соч., с. 304.

⁴ ГАУО, ф. 477, оп. 1, д. 77, л. 4, 19, 46, 81 об.

⁵ Липинский И. Указ. соч., с. 511.

¹ Колокол. Газета А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Факсимильное изд. М., 1962, вып. 2, № 68-69, 1860, 15 апреля, с. 572.

² Архив Маркса и Энгельса, т. XI. М., 1948, с. 164.

³ Вестник Московского университета. Серия IX. История, 1964, № 5, с. 53.

⁴ Там же.

ян, сдавать им землю за ростовщические цены»¹. Неудивительно, что такое «освобождение» обрекало многих крестьян на полунищенское существование. Характерный пример. Симбирская помещица княгиня Волконская выделила крестьянам деревни Люли Буинского уезда такую землю, что к 1887 году это вызвало «упадок хозяйств крестьян и нищету, при которой губернское земство должно было кормить их, чтобы спасти от голода»².

Бичом для крестьян были различного рода повинности, установленные Положением 19 февраля 1861 года в пользу помещиков, земств и казны. При высшем размере земельного надела, колебавшегося от трех до четырех десятин, отношение повинностей к доходности участка колебалось от 80 до 122 процентов. При низшем размере надела это отношение достигало 169—240 процентов, и даже у «дарственников» оно было также очень большим: от 116 до 179 процентов³. К. Маркс, обратив внимание на это, писал, что в Симбирской губернии различные поборы «не только поглощают у бывших помещичьих крестьян весь доход от земли, но и еще в придачу сумму свыше половины этого дохода...»⁴.

Очень обременительными были для крестьян выкупные платежи, нередко вдвое превышавшие рыночные цены на землю. Так, например, крестьяне села Чуфарово Карсунского уезда обязались выплатить своей помещице сумму в 2,5 раза выше рыночной цены: вместо 20 рублей — по 45 рублей и 11 копеек за десятину⁵. В целом земля, полученная крестьянами Симбирской губернии, стоила по рыночной цене 10,6 миллиона рублей, выкупная цена была установлена в 15 миллионов, а фактически крестьяне выплатили почти 30 миллионов рублей⁶.

Картина «освобождения» крестьян будет неполной, если не учесть того, что в одной из богатых лесными угодьями губерний бывшие крепостные почти не получили лесных наделов. Симбирские помещики, зная, что крестьяне обязательно будут обращаться к ним за дровами и строительным лесом, оставили лесные угодья за собой и постоянно спекули-

ровали на этой жизненной потребности. Тягостным пережитком крепостничества являлись «временнообязанные отношения». Согласно этим «указаниям» крестьяне в течение девяти лет должны были отбывать барщину и выплачивать оброк своему бывшему хозяину.

Отмена крепостного права оказала серьезное влияние на дальнейшее развитие промышленности губернии. Помещики, не сумевшие в новых условиях организовать производство на более широком применении техники и вольнонаемного труда, закрывали свои предприятия или отдавали их в аренду купцам и другим предпринимателям. В 1862—1863 годах почти все помещичьи сукопные фабрики значительно сократили свое производство, 3 — вовсе прекратили работу, а 13 были сданы в аренду «коммерческим людям»¹.

На втором месте по числу работающих и уровню развития производства в Симбирской губернии находилась винокуренная промышленность. Она в 1861 году «выкурила 805 599 ведер полугара, переработав при этом 831 584 пуда зерна». Из других заводов и фабрик, имевших более или менее промышленный характер, можно отметить две писчебумажные фабрики, чугунолитейный завод, семь стекловаренных, два химических, несколько кирпичных заводов.

Официальная статистика далеко не полно отражала состояние промышленности. Например, не упоминается судоремонтный завод общества «Пароходство на Волге», действовавший в селе Криуши (в 33 верстах от Симбирска). А насколько значительно было это предприятие, видно из заметки в «Симбирских губернских ведомостях» за 10 июля 1865 года. «При этом заведении, — говорилось в газете, — находятся две паровые машины — одна лесопильная, другая для слесарных работ. На заведении этом изготовляются корпуса к пароходам и чинятся пароходы не только «Волжского», но и других обществ. Литейной при заведении нет, а поэтому в случае надобности вещи отливаются на симбирском чугунном заводе г. Андреева. Многосложность и обширность работ требуют и большого числа рабочих, оттого по веснам в заведении проживают иной год до 1000 разного рода рабочих и мастеровых».

Положение рабочих губернии оставалось тяжелым. Большинство из них, будучи крепостными крестьянами, наряду с работой на фабрике были вынуждены заниматься земледелием. Барщину на фабрике они отрабатывали безвозмезд-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 173.

² Журналы Симбирского губернского земства сессии 1887 г. Симбирск, 1888, оп. 1, с. 127.

³ Гриценко Н. П. Указ. соч., с. 197.

⁴ Архив Маркса и Энгельса, т. XIII, с. 183.

⁵ Гриценко Н. П. Указ. соч., с. 203—205.

⁶ Ромашин И. С. Очерки экономики Симбирской губернии XVII—XIX вв. (В помощь учителю истории средней школы.) Ульяновск, 1961, с. 34.

¹ Липинский И. Указ. соч., с. 37.

но или же за значительно меньшее жалование, чем вольнонаемные рабочие. Труд был тяжелым, ибо паровые и водяные машины использовались далеко не везде. Рабочий день на фабриках продолжался обычно 12 часов. Фабричные казармы были тесными и убогими. Женский и детский труд, довольно широко применявшийся на сукожных фабриках, оплачивался гораздо ниже, чем мужской. Ребенок, например, получал не больше двух, женщина — от двух до шести рублей в месяц. Заработок мужчин редко превышал 8 рублей, и только мастера и механики получали сравнительно неплохо — от 15 до 40 рублей в месяц¹. Но и этих денег рабочие порой не видели, так как фабриканты старались расплачиваться продуктами и товарами по ценам, вдвое-втрое дороже их стоимости.

Реформа 1861 года еще более ухудшила положение крепостных рабочих. При «освобождении» у них также отрезали часть земли. Многие вообще остались безземельными. Для большинства фабричных наделы стали тягостью, так как за них приходилось платить помещику, да еще делать взносы в пользу земства. По-прежнему рабочий не имел свободы передвижения, выбора места жительства.

* * *

Крепостники Среднего Поволжья довели этот, по выражению Герцена, некогда «благословенный край» до того, что «мужик, сидя на черноземе, разорен и обобран как белорус; только еще не одичал подобно белорусу, а сохранил в душе довольно энергии на то, чтобы при первой оказии отомстить за себя. Там доселе жив для всех крестьян Пугачев и его сподвижники»².

В Симбирской губернии, которую Герцен тоже имел в виду, постоянно шла борьба угнетенных против своих работодателей. Крупные волнения крестьян здесь происходили в 40-х³, а затем и в середине 50-х годов⁴. Особенно обстановка накалилась накануне реформы 1861 года.

Как только 9 марта 1861 года в церквях был объявлен царский манифест об «освобождении» от крепостного права,

почти все крестьяне сочли его подложным и разделились, по выражению современника, «как горцы, на мирных и немирных». Но и «мирные», поняв, что поборы теперь возрастут и они по-прежнему должны подчиняться помещику, пока не выкупят земельные наделы, зароптали. «Немирные» же отказывались от выполнения любых повинностей в пользу барина, не стали подписывать уставные грамоты.

Волнения усилились в начале апреля 1861 года, когда дошли вести о восстаниях в селах Бездна Казанской и Кандиевка Пензенской губерний. «Во многих имениях Симбирской губернии, — доносил в своем рапорте симбирский жандармский штаб-офицер 12 апреля 1861 года, — крестьяне начали оказывать неповиновение, не хотят исполнять трехдневных барских работ и содержать установленные в деревнях караулы и вообще, считая себя уже совершенно вольными, стали не признавать над собою власти помещиков».

В конце апреля 1861 года вспыхнули волнения крестьян села Шигоны Сентилеевского уезда. Они отказались выполнять барщину и заявили исправнику, что «управляющего, бургомистра и старосты слушать не будут, хотя головы им отсеки, а желают выбирать своих старшин, что они теперь вольные, работать не должны... и начальников знать не хотят»¹.

Некоторые из крестьян-раскольников, писал А. Липинский брату, находятся «не только в оппозиции нашему настоящему обществу и Положению, но даже отвергают самодержавие. Власть помещиков они терпят как насилие, и никакие доводы не убедят их, что земля не крестьянская, а помещичья»². Отправившемуся в Шигоны флигель-адъютанту царя Эссену удалось взять зачинщика «беспорядков» крестьянина Трухлова лишь после того, как бывшие крепостные оказались окруженными двумя ротами. По распоряжению царя Трухлов получил 800 ударов шпицрутенами, а суд приговорил его к шести годам каторжных работ³.

Волнения крестьян в 1861—1863 годах происходили во всех уездах Симбирской губернии. В ряде случаев священникам, мировым посредникам, становым приставам или самому губернатору удавалось более или менее мирно урегулировать конфликты. Но самым действенным способом «наведения порядка» было введение войск в селения и порка

¹ Липинский А. Указ. соч., т. 2, с. 13.

² Колокол, вып. IV, № 108, 1861, 15 июня, с. 868.

³ Крестьянское движение 1827—1869 гг. Под ред. Е. А. Морозова, вып. 1. М., 1931, с. 57.

⁴ Липков Я. Очерки истории крестьянского движения в 1825—1861 гг. М., 1952, с. 12.

¹ Найденов М. Классовая борьба в пореформенной деревне (1861—1863 гг.). М., 1955, с. 200.

² ЦГАОР, ф. 109, оп. 3, д. 2127, л. 8.

³ Найденов М. Указ. соч., с. 218.

«зачинщиков». Только с июня 1861 по декабрь 1863 года войска для подавления крестьянских волнений в губернии применялись 27 раз¹. Столько же раз применялись войска в Казанской губернии, в Пензенской — 23, Нижегородской — 11, Самарской — 8 и лишь в одной губернии Среднего Поволжья — Саратовской — число вызовов воинских команд превосходило Симбирскую. Но несмотря на всяческие уловки помещиков, привлечение войск и полиции, к 1 января 1863 года около лишь 37 процентов крестьян подписали уставные грамоты².

Особенностью Симбирской губернии было то, что здесь находились крупнейшие имения царя, управлявшиеся департаментом уделов. Реформа для удельных крестьян, составлявших почти половину сельского населения губернии, проводилась в 1863 году, и на менее тягостных, чем для помещичьих крепостных, условиях. Удельные крестьяне переводились в разряд собственников не за девять, а за два года, и для них не предусматривались «дарственные» наделы. Но и у них отрезали часть земельных наделов, а оставшуюся землю заставляли выкупать по высоким ценам. Как и помещичьи крестьяне, удельные тоже лишались лесных угодий и рыбных ловель. Неудивительно, что сразу же после обнарождения этих грабительских условий начались волнения удельных крестьян, продолжавшиеся вплоть до 1866 года.

Помимо открытого неповиновения крестьяне всех категорий постоянно применяли и другие формы борьбы: поджоги, порубки и потравы в господских угодьях, отказ от барщины. Но среди них еще были сильны царистские иллюзии: редкое село, недовольное условиями «освобождения», не посылало ходяков в губернский центр или в Петербург. И хотя эти посланцы зачастую возвращались домой по этапу или попадали в тюрьмы, крестьяне продолжали верить, что царь-батюшка рано или поздно даст им землю и «настоящую волю».

Подобных взглядов придерживались и крепостные рабочие губернии, выступления которых тоже носили стихийный характер. И лишь стачка рабочих Старо-Тимошкинской суконной фабрики купца А. С. Акчурина, возникшая в 1863 году под руководством московского ткача И. Афанасье-

ва, прошла более или менее организованно. Но и она не подняла сознания рабочих выше понимания ими своих артельных интересов и окончилась высылкой зачинщиков по этапу на место постоянного жительства¹.

Борьба народных масс не была безрезультатной. Властям пришлось удовлетворять некоторые требования крестьян и рабочих: ускорить перевод с барщины на оброк, пересмотреть уставные грамоты с целью уменьшения повинностей, выполнить желания ряда сел о предоставлении им дарственной десятины. Вместе с тем эта борьба способствовала падению престижа властей в глазах крестьян и рабочих, оживлению деятельности демократической интеллигенции.

* * *

Потребности экономической жизни, развитие науки и техники, культуры и просвещения объективно способствовали росту рядов разночинной интеллигенции и усилению ее роли в общественной жизни Симбирской губернии. Лучшие ее представители, воодушевленные освободительными идеями, делали все возможное для того, чтобы оживить обстановку в Симбирске и других городах губернии. Они ведут занятия в воскресной школе для ремесленников, организуют учебно-литературные вечера для учащейся молодежи, активизируют деятельность губернского статистического комитета, общественных библиотек, публикуют в «Симбирских губернских ведомостях» и «Памятных книжках Симбирской губернии» исторические, этнографические и статистические материалы.

В период революционной ситуации 1859—1861 годов все явственнее прослеживается наличие в России двух враждебных культур — реакционной, которая обслуживала интересы господствующих классов, и демократической, защищавшей интересы трудящихся. Эта противоположность обнаруживалась по всем важнейшим проблемам развития страны, но с особой силой она проявлялась в отношении к остаткам крепостничества, к борьбе народных масс за свое освобождение.

Реакционеры считали, что сам факт получения крепостными личной свободы и части наделной земли является уже таким «благоденствием», за которое бывшие холопы должны чуть ли не вечно благодарить господ дворян и, как выразился симбирский помещик П. М. Мачеварианов, «воздвигнуть

¹ Зайончковский П. А. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 года. М., 1958, с. 78.

² Отмена крепостного права. Доклады министров внутренних дел. М., 1950, с. 287.

¹ Ромашин И. С. Указ. соч., с. 199.

монумент дворянству выше огромнейших пирамид египетских»¹.

Разночинцы, под влиянием крестьянских волнений, могучей проповеди герценовского «Колокола» и руководителей «Современника», особенно Н. Г. Чернышевского, умевшего, по словам В. И. Ленина, и подцензурными статьями воспитывать настоящих революционеров, критиковали крепостнические условия «освобождения» крестьян, разоблачали уловки местной знати, боролись за просвещение народа и улучшение условий его жизни².

Симбирские власти бдительно следили за теми шестидесятиниками, которые по роду своей службы соприкасались с народом. В число таких «неблагонадежных» попал судебный чиновник А. Баев, который, по агентурным сведениям, «был замечен в пристрастии своих мнений в пользу низшего сословия против высшего и даже в одном деле о неповиновении крестьян ободрял находившихся в тюрьме подсудимых... чем и поддерживал их упорство в непринятии ими уставной грамоты»³.

Судебный следователь А. Гельшерт был уличен в том, что при производстве следствия в делах о крестьянских волнениях тоже пытался восстановить их против помещиков. Ему, в частности, было поставлено в вину то, что он убеждал крестьян в законности отказа от принятия уставных грамот, так как «это зависит от их доброй воли, ибо условие грамоты — не что иное, как договор»⁴.

Передовая интеллигенция с пристальным вниманием следила за злободневными общероссийскими событиями и чутко реагировала на них. Когда 17 ноября 1861 года скончался один из властителей дум демократической России Н. А. Добролюбов, уже через две недели симбирский врач М. М. Синцов сообщает письмом Н. Г. Чернышевскому, что он и его товарищи собрали 32 рубля серебром на памятник так рано сошедшему в могилу «замечательному таланту» и просят его, Чернышевского, как «ближайшего из сотрудников покойного... принять присылаемые деньги от нижепоименованных лиц и присоединить их к сумме, назначенной для постройки памятника Николаю Александровичу Добролюбову». В конце письма Синцов заверил Н. Г. Чернышевского в своем ува-

жении к нему и «искреннем сочувствии ко всякому народному делу»¹.

Из списка, приложенного к этому письму, видно, что большинство из 22 участников подписки на памятник Н. А. Добролюбову хорошо знали друг друга. И это не случайно. Ведь среди подписавшихся трое преподавали в губернской гимназии, десятеро учились в ней, а несколько других являлись ее недавними выпускниками. Душой этого кружка и примыкавших к нему других разночинцев были братья Михаил и Федор Арнольдовы. Первый из них, старший учитель русской словесности, пропагандировал среди гимназистов сочинения «Некрасова, Кольцова, Тургенева, Марко Вовчка и Лермонтова». Старшеклассникам он давал для прочтения очередные номера «Колокола»². Когда об этом стало известно жандармам, М. Арнольдов чуть было не подвергся репрессиям. Только ходатайство 42 авторитетных жителей Симбирска (в том числе и поэта Д. И. Минаева) позволило ему остаться в гимназии.

М. Арнольдов оказался не из пугливых. Он вместе с молодými чиновниками Н. М. Соковниным и Н. М. Соколовским, как это видно из доноса директора гимназии И. В. Вишневого, «принял роль корреспондента «Русского слова» и «Гудка» — усердно каррикатурит всех, кто не сходится с ними в убеждениях»³.

Среди друзей первую скрипку играл Соколовский. «Будучи любимцем своих школьных товарищей, — говорилось в допесении жандармского штаб-офицера в Петербург, — он составил из них особый кружок, члены которого величали себя «нигилистами» и «обличителями». Этот кружок, в котором, кроме Соколовского, были гг. Минаев, Соковнин, Репьев, Барляев и др., враждебно смотрел на высшее дворянство и высших чиновников и, чтоб чем-либо повредить им, не останавливался пред клеветой и пасквилью, — доказательства сего рассыпаны во многих газетных и журнальных статьях и в особенности в «Русском слове», где Симбирск описывался под именем Приволжска или Городка. Противная сторона, конечно, не могла оставаться равнодушною к постоянно встречаемым ею незаслуженным оскорблениям, и вот начало войны, в которой обе стороны ищут случая вредить друг другу»⁴.

¹ ГАУО, ф. 257, оп. 1, д. 20, л. 4.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 29.

³ ЦГАОР, ф. 109, экзп. 1, д. 7, ч. 40, л. 17.

⁴ Там же, л. 27.

¹ Шестидесятые годы. М. — Л., АН СССР, 1940, с. 75.

² ЦГА ТАССР, ф. 92, оп. 1, д. 8216, л. 1.

³ Там же, л. 2.

⁴ ЦГАОР, ф. 109, 1 экзп., 1864, д. 187, л. 37, 38.

Сведения жандарма не совсем точны. На самом деле главным обличителем Симбирска — своего родного города — с 1861 года стал Дмитрий Дмитриевич Минаев. Это он в «Губернских этюдах» со страниц журнала «Гудок», а затем и в «Губернской фотографии», получивших широкое распространение в списках, ярко и зло высмеял симбирских чичиковых, ноздревых, плюшкиных, все высшее общество¹. Впрочем, Н. М. Соколовский тоже с успехом публиковал свои критические статьи и фельетоны в столичной печати. Его, как публициста, ценили Г. Е. Благовосветлов, Д. Л. Мордовцев и Ф. М. Достоевский.

К кружку братьев Арнольдовых с 1862 года присоединился учитель математики гимназии Н. В. Гине и его жена, а также надзиратель акцизного управления Н. И. Попов. «Отчаянный либерал, — говорилось в жандармском донесении о Попове, — он имеет огромное собрание всяких запрещенных изданий, брошюр собственноручно написанных; враг порядка и всех правительственных распоряжений, жаждущий уничтожения властей. Весьма умный, владеющий даром слова, весьма опасен для молодежи, которую легко завлекает в свои сети»². Этот сигнал был получен из Казани, где Николай Иванович в свое время служил инспектором первой гимназии, правителем канцелярии попечителя учебного округа и отдельным цензором. Когда же в его симбирской квартире был произведен обыск, жандармы обнаружили собственные политически крамольные статьи Попова, нелегальные издания, такие, как «Колокол», «Великорусс с адресом государю императору», рукописное стихотворение «Долго нас помещики душили»³.

Дело Н. И. Попова рассматривалось в судах Симбирска, Казани и Петербурга. Защищался он очень умело и поэтому отделался недельным арестом. Небезынтересно, что при обсуждении дела Попова Симбирская палата уголовного суда признала уменьшающим его вину то обстоятельство, что «о найденных у него сочинениях, как, например, о «Колоколе» и «Великоруссе», постоянно говорилось в издаваемых в России газетах и журналах, а потому в положении г. Попова очень естественно было желание прочесть то, что служило предметом рассуждений в дозволенных цензурою изданиях».

¹ Бейсов П. С. Д. Д. Минаев в Симбирске. — В кн.: Д. Д. Минаев. Стихотворения. Куйбышев. 1947, с. 315.

² ЦГА ТАСР, ф. 95, оп. 1, д. 94, л. 145.

³ ГАУО, ф. 340, оп. 5, д. 104, л. 9.

Приостановка в июне 1862 года правительством издания «Современника», арест 7 июля Н. Г. Чернышевского, польское восстание 1863 года и провал «Казанского заговора» — эти и другие события свидетельствовали об окончании революционной ситуации и наступлении реакции в стране. В Симбирске часть либералов отошла от активной общественной деятельности, другие переметнулись в стан правых, третьих местные реакционеры вынудили покинуть город. Именно в это время переезжает в Саратов, а затем в Вятку автор письма к Н. Г. Чернышевскому врач-демократ Матвей Матвеевич Синцов¹, а за ним и некоторые другие сторонники некрасовского «Современника».

В 1863 году в Симбирске появляется большая группа политических ссыльных. Первыми, после отбытия тюремного заключения по делу московского кружка П. Запчневского — П. Аргиропуло, сюда прибыли студенты-москвичи Я. Сулин, А. Новиков, М. Сваричевский и И. Гольц-Миллер. Все они занимались распространением запрещенных литографированных и печатных изданий и, в частности, сочинения Н. П. Огарева «Разбор книги барона Корфа «14 декабря 1825 года». Сулин, кроме того, обвинялся в печатании воззвания «К барским крестьянам». Сваричевский — за «недопосылку правительству о присылке в университет воззвания «Великорусс», а Гольц-Миллер — за хранение журнала «Колокол», портретов декабристов и польских революционеров². Наконец, эта же четверка студентов, через Н. А. Некрасова, сыграла важную роль в снятии ложных обвинений с Н. Г. Чернышевского.

Опасаясь «вредного» влияния ссыльных студентов-революционеров на гимназическую молодежь Симбирска, правительство запретило им проживать в губернском центре, и они были поселены в уездных городах: Сулин — в Буинске, Новиков — в Алатыре, Сваричевский — в Курмыше и Гольц-Миллер — в Карсуне. Усердие полицейских, надзиравших за запчневцами, доходило до абсурда. Так, карсунский исправник запрещал Гольц-Миллеру заниматься художественным творчеством, вообще какой-нибудь работой, держал кругло-

¹ Синцов М. М. умер в 1910 году, сохранив до последнего дня любовь к трудовому народу, верность идеалам демократического лагеря 60-х годов XIX века. Его внук — один из героев «Молодой гвардии» А. Фадеева — вместе с другими героями-молодогвардейцами Краснодона был сброшен в шурф шахты № 5.

² Лемке М. Политические процессы в России 1860-х гг. по архивным документам. М. — Л., 1923, с. 47.

суточный караул у дома поднадзорного. Неудивительно, что Гольц-Миллер просил заменить ссылку заключением «в Петропавловскую или одну из финляндских крепостей на любой срок...»¹.

Только после вмешательства Петербурга, куда жаловался отец Гольц-Миллера, и дружеского участия в судьбе ссыльного местных либералов, условия жизни как его, так и других ссыльных москвичей, были улучшены. Здесь, в Карсуне, Иван Иванович Гольц-Миллер написал многие из своих лучших стихотворений, часть которых печаталась в «Современнике», «Русском слове» и «Отечественных записках». Здесь же одаренный поэт создал знаменитое стихотворение «Слушай», ставшее одной из любимых песен революционеров. В 1865 году, уже очень больной, И. И. Гольц-Миллер выехал в Одессу, где продолжал оставаться под надзором полиции до своей смерти в 1871 году.

Материалов о жизни и деятельности Я. Сулина и А. Новикова в Симбирской губернии в архивах не удалось обнаружить, но о М. Сваричевском они имеются. Проживая у матери, он, по сведениям губернатора, вел себя в начале ссылки «скромно». Но в середине 60-х годов стал публично критиковать «все меры и распоряжения правительства» и предсказывать «скорое падение установленного порядка». Неудивительно, что за такое «поведение» Сваричевский не получал разрешения продолжать университетское образование до конца 60-х годов².

Отбывая ссылку в Симбирской губернии, заочники, в частности И. И. Гольц-Миллер, находились в дружеских отношениях с участниками «Казанского заговора» и польского восстания 1863—1864 годов, которых здесь оказалось около 40 человек. Кстати, один из участников «Казанского заговора» студент-поляк Е. И. Госцевич был арестован 29 апреля 1863 года в Симбирске за то, что разбрасывал листовки с подложным царским «Манифестом». Через год Госцевич был приговорен к расстрелу, который заменили пятнадцатилетними каторжными работами в рудниках с поселением навечно в Сибири. Большинство ссыльных поляков уехало на родину в 1867—1868 годах, а некоторые из них настолько привыкли к новым местам, что остались здесь жить. Жандармы продолжали вести за ними слежку. Так, И. Ко-

щанский, работавший в Сызрани на строительстве железнодорожного моста через Волгу, даже в 1881 году еще находился под политическим надзором.

Настоящим бедствием для Симбирска стал грандиозный пожар в августе 1864 года, истребивший значительную часть города — более полутора тысяч жилых и казенных зданий, унесший 130 человеческих жизней. Собственно говоря, это было несколько пожаров, бушевавших с 13 по 19 августа. Двоих солдат, заподозренных в поджогах, публично расстреляли. Прибывший после казни сенатор С. Р. Жданов за два года следствия заполнил все тюрьмы Симбирска предполагаемыми поджигателями, но так и не сумел выяснить действительной причины бедствия. И только 1 августа 1869 года Правительствующий сенат решил предать дело забвению¹.

Еще не улеглись среди симбирян страсти, связанные с пожарами, как 4 апреля 1866 года Россию потряс выстрел Д. Каракозова в Александра II. Реакция использовала это неудавшееся покушение как повод для репрессий против демократов, для травли и запугивания либералов. В это трудное время, вошедшее в историю эпохой «белого террора», классовая борьба и общественное движение в Симбирской губернии, как и по всей стране, ослабевают. Но ненадолго.

Голод 1867—1868 годов, резко ухудшивший и без того тяжелое положение народных масс, с новой силой поставил вопрос о необходимости ликвидации остатков крепостничества. Немаловажную роль в новом подъеме освободительного движения стали играть «Отечественные записки», которые в начале 1868 года возглавили руководители запрещенного «Современника» Н. А. Некрасов и М. Е. Салтыков-Щедрин. Именно в этом журнале появился трактат Н. К. Михайловского «Что такое прогресс?», в котором «критически мыслящие личности» призывались к активной борьбе за равноправные отношения между людьми. Прямым призывом к интеллигенции прозвучали «Исторические письма» П. Миртова (П. Л. Лаврова), появившиеся в 1868—1869 годах в «Неделе». Обращаясь к передовой интеллигенции, которую, как и Михайловский, Лавров считал двигателем прогресса, автор напомнил, что она нравственно обязана бороться за прогресс. Ведь образование меньшинства приобретено за счет порабощения огромного большинства. Эта лавровская идея долга интеллигенции перед простым человеком сыграла нема-

¹ Ученые записки Ульяновского пединститута им. И. Н. Ульянова. Т. XVIII, вып. 3, 1963, с. 154.

² ЦГАОР, ф. 109, 1 экзп., д. 7, ч. 40, л. 28.

¹ Мартынов П. Город Симбирск за 250 лет его существования. Симбирск, 1898, с. 341—344.

ловажную роль в судьбе будущих участников «хождения в народ». К этому призывало и вышедшее в журнале «Дело» исследование В. В. Берви (под псевдонимом «Н. Флеровский») «Положение рабочего класса в России».

«Властиители дум», выступавшие в легальной литературе, сами не имели четкой программы радикального переустройства общества. Они советовали бороться против произвола местных властей и «мироедства» кулаков, оказывать содействие крестьянам в организации потребительских лавок, касс взаимопомощи, артелей, показательных ферм, сельских больниц и фельдшерских пунктов, юридических и агрономических консультаций. И конечно, они призывали к массовому открытию народных школ. В полемике о целях, путях развития и методах преподавания в народных училищах приняли участие Л. Н. Толстой, К. Д. Ушинский, Н. А. Корф и другие видные писатели и педагоги того времени.

«Сознание необходимости работать в народе и для народа, которому надо было «заплатить долг», который нужно было просветить и вывести из темноты и бесправия, широко охватило передовое мыслящее общество России в эту эпоху» — так характеризовала М. И. Ульянова обстановку, в которой ее отец, «одушевленный лучшими идеями», летом 1869 года решил оставить преподавание физики и математики в Нижегородской гимназии. Ему хотелось, по словам Анны Ильиничны, «поля работы пошире и хотелось применять ее не для более обеспеченных учеников гимназии, а для самых нуждающихся, для тех, кому всего труднее получить образование, для детей вчерашних рабов»¹.

Благородное стремление Ильи Николаевича было близко и понятно его жене Марии Александровне. Вот почему, когда у него появилась возможность занять должность инспектора народных училищ Симбирской губернии, Мария Александровна без колебаний оставила четырехкомнатную казенную квартиру и отправилась в незнакомый, более провинциальный Симбирск, где предстояло жить на частных квартирах, долгими неделями ждать возвращения любимого человека из нелегких поездок по селам.

22 сентября Ульяновы с детьми Аней и Сашей отплыли от Нижегородской пристани, а уже через два дня с палубы парохода с интересом вглядывались в город, живописно раскинувшийся на высоком берегу Волги.

В ГОД РОЖДЕНИЯ ЛЕНИНА

Поселились Ульяновы на Стрелецкой улице, протянувшейся у самой бровки крутого и высокого волжского косогора. Начиналась она с центра города — сразу за домом губернатора, а полукаменный флигель вдовы дьякона Прибыловской, который снял для Ульяновых их старый знакомый по Пензе и Нижнему Новгороду Владимир Александрович Ауновский, находился в конце улицы у Завьяловской площади. Это место считалось окраиной.

В отличие от дворянской части Симбирска Стрелецкая была пемощенной. Деревянные тротуары и восемь фонарей с десятилинейными керосиновыми лампами — вот и все свидетельства забот городской думы о ее благоустройстве. Улица еще не оправилась после пожара 1864 года: здесь было восстановлено только семь домовладений.

Народ на Стрелецкой проживал разночинный: унтер-офицер П. А. Жарков, мещанин В. Е. Кулаков, мелкие чиновники К. Н. Виноградов, Д. Ф. Страхов, Ф. В. Каврайский, священник П. Ф. Эпиктетов. В домовладениях кроме хозяйских семей жили и квартиранты. Учитель-француз П. А. дю Трессель снимал квартиру в доме А. С. Прибыловской, акушерка А. Д. Ильина — у Д. Ф. Жарковой, у В. И. Кулакова постоянно ютился кто-то из учеников его иконописной мастерской.

Первые три месяца Ильи Николаевич находился в Симбирске безвыездно: налаживал делопроизводство, знакомился с деятелями, па чью поддержку можно было рассчитывать в деле подъема народного образования, вникал в социально-экономическую и культурную жизнь города и губернии.

И только в январе 1870 года он отправился на село с первым осмотром начальных училищ.

В Симбирске в то время проживало 26 822 человека. Это значительно меньше, чем в Нижнем Новгороде, население которого составляло 44 180 человек, и весьма близко к числу жителей Пензы, где насчитывалось 30 462 жителя. Следовательно, Симбирск не являлся каким-то маленьким «заштатным» городком, скажем, как Царицын с населением 11 826 человек.

¹ Ульянова М. И., с. 231.

Девять десятых из 3882 построек в Симбирске были деревянными. Лишь церкви, казенные учреждения, земство, суд, городская управа, средние учебные заведения размещались в каменных зданиях. Да на главной улице Большой Саратовской (ныне Гончарова) и пересекающих ее Дворцовой (К. Маркса), Московской (Ленина) и Покровской (Л. Толстого) преуспевающие купцы и родовитые дворяне имели каменные дома. Такой же характер носила застройка и в других губернских городах. Однако центральная часть Симбирска выгодно отличалась от других крупных городов Поволжья широкими улицами, оригинальной архитектуры зданиями (после пожара 1864 года город строился строго по генеральному плану), обилием садов.

Торговая часть, в которой размещались гостиный двор, ярмарочные ряды, постоянные дворы, трактиры, различные мастерские и заведения, где проживали купцы, приказчики и ремесленники, находилась в западной части города, в основном за глубоким оврагом, по дну которого протекал приток Свияги — речушка Симбирка.

Мещанскую, бедную и неблагоустроенную часть города, составляли окраины: на севере ютились так называемые «кирпичные сараи»¹, многие жители которых жили в землянках, на юго-западе — Конная слобода и набережная Свияги, на юге — слобода Туть, а на востоке — спускавшееся к Волге Подгорье и завожские слободы Часовня, Канава и Королевка. Здесь жили рабочие, отставные солдаты, ремесленники и крестьяне. Многие горожане занимались не только садоводством и огородничеством, но и хлебопашеством.

Социальный состав Симбирска подробно отражен в ведомости, составленной И. Н. Ульяновым в 1870 году. Из нее видно, что мещане, крестьяне и отставные солдаты со своими семьями составляли около 86 процентов населения. Остальные 14 процентов приходились на потомственных и личных дворян (чиновников), черное и белое духовенство, купечество, почетных граждан и других лиц, не принадлежащих к основным сословиям². Эти данные показывают, что подавляющее большинство населения являлось трудящимся, и определение «дворянский город», которое часто употребляется в литературе при характеристике Симбирска 70-х годов,

верно лишь отчасти, хотя засилье дворян в государственных учреждениях и общественных организациях здесь было особенно заметным.

Находясь на перекрестке путей, с одной стороны — волжского, а с другой — тракта, связывавшего Центральную Россию с завожскими степями и Средней Азией, город долгие годы был важным торговым центром. В гостином дворе и на базарной площади имелось около 600 лавок, магазинов, различных «заведений» и погребов, в которых местные и приезжие купцы торговали москательными, галантерейными, пушными, бумажными, шорными, суконными, «панскими», «колонияльными», фарфоровыми, бакалейными и другими товарами.

Крестьяне и ремесленники продавали скот, рыбу, зерно, муку, сало, мед, глиняную посуду, корзины, лапти, валяную обувь, свечи, картузы. Здесь, как и везде на Руси, были мясные, соляные, ценные, «обжорные» и другие ряды, в которых торговали мелочные торговцы — владельцы небольших лавок, «столов», «мест», «шкафов».

Особенно оживленной становилась торговля в Симбирске во время ярмарок, которых проводилось три в году. Самой большой из них была «сборная», проходившая ранней весной, в первые две недели «великого поста». В 1870 году на нее приехало из Симбирской и соседних губерний, из Москвы, Петербурга, Казани, Оренбурга 1440 купцов. Общая стоимость привезенных товаров ярмарочная комиссия городской думы оценила почти в семь миллионов рублей. Однако значительная часть их не была реализована. «Плохая торговля на ярмарке, — отмечал в связи с этим репортер «Симбирских губернских ведомостей», — объясняется безденежьем крестьян Симбирской губернии... В 1869 году урожай был плохой, да и на следующий, 1870 год, по словам крестьян, трудно ждать хорошего урожая».

Промышленность в губернии была развита слабо. Как видно из «Журнала генеральной проверки торговых и промышленных заведений Симбирска в 1870 году», в городе значилось более 800 таких объектов, но «фабрик» — ни одной, «заводов» лишь два — водочный и пивоваренный. Правда, в число «заведений» наряду с питейными домами, извозническими артелями и фотографиями попали «механическое и чугунолитейное» производства.

Более близкую к истине картину промышленного развития города дает в своем отчете за 1870 год симбирский губернатор.

¹ Здесь было около двух десятков небольших кирпичных заводов.

² ГАУО, ф. 99, оп. 1, д. 1333, л. 9—10.

№ п/п	Вид фабрик и заводов	Число фаб- рик и за- водов	Объем произво- дства (в руб.)	Число рабочих
1	Сальносвечные	2	10 000	5
2	Воскосвечные	1	49 000	3
3	Картофелепаточные	2	4652	16
4	Канатные	1	6000	15
5	Пиво- и медоваренные	2	5900	15
6	Винокуренные	2	16 500	35
7	Водочные	4	72 200	28
8	Солодовенные	1	1200	5
9	Чугунолитейные	1	23 600	74
10	Кирпичные	10	10 963	47
11	Горшечные	1	1000	4
12	Механические	1	6500	24
	Итого:	28	207 515	271

Из таблицы видно, что большинство «фабрик и заводов»¹ города представляли собой кустарные предприятия, на которых вручную трудились мастер-хозяин и несколько рабочих. Однако эти данные не говорят о том, что промышленность Симбирска была менее развита, чем в других губернских центрах. В Казани, например, в то время был один чугунолитейный завод с 13 рабочими, вырабатывавшими продукции всего лишь на 14 400 рублей. В Самарской, Саратовской и Нижегородской губерниях в 1870 году имелось по пять подобных заводов, на которых работало по 17—36 человек, а объем валового производства составлял 12 600—26 370 рублей в год².

Согласно тому же отчету губернатора рабочих в городе было всего 271 человек. Но стоит обратиться к уже нам зна-

¹ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 67, д. 131, л. 140.

² Военно-статистический сборник. Выпуск IV. Россия. СПб., 1871, вып. 1, с. 340—341.

комому «Журналу генеральной проверки торговых и промышленных заведений Симбирска в 1870 году» и станет ясно, что дело обстоит иначе. Во многих «заведениях», не численными к заводам и фабрикам, было немало тружеников, которые тоже относятся к рабочим. Например, в кузнице Жильцова работало 11 человек, в каретных мастерских Голубкова и Красниковой — по 12—18, в столярной мастерской Алквиста и в артели маляров Семенова — по 15, в крупообдирке Красникова — 10 человек и т. д. А разве не были пролетариями десятки слесарей, типографских рабочих, переплетчиков, кровельщиков, пильщиков, грузчиков, сапожников, портных? Фактически в Симбирске было около четырех тысяч рабочих и ремесленников.

Был ли Симбирск 1870 года глушью? Да, но не большей, чем центры окружающих его губерний, за исключением Казани и Нижнего Новгорода. Телеграфная связь позволяла симбирянам быть в курсе событий российской и международной жизни. Что касается грузовых и пассажирских сообщений, то из волжских городов только Нижний Новгород имел (с 1862 года) железнодорожную линию. Поэтому во время навигации на Волге Симбирск находился в более выгодном положении, чем Самара, Саратов, Астрахань или Пенза. А зимой добраться из Симбирска в Москву на лошадях можно было быстрее, чем из любого города, стоящего ниже по Волге.

В пореформенное десятилетие в губернии отмечается рост интеллигенции. В Симбирске, к приезду Ульяновых, работали сотни людей с высшим образованием: учителя, врачи, агрономы, землемеры, архитекторы, лесоводы, чиновники различных ведомств. Здесь жили и принимали участие в общественной жизни поэт и переводчик Д. П. Ознобишин, преподаватель гимназии, брат знаменитого романиста, Н. А. Гончаров, писатели В. Н. Назарьев и Г. Н. Потанин, поэт Д. И. Минаев, Н. А. Языков — племянник поэта пушкинской плеяды Н. М. Языкова, историк и этнограф В. А. Ауновский, ученый-лесовод и краевед А. Ф. Белокрысенко, будущий просветитель чувашского народа И. Я. Яковлев, известный петрашевец адвокат В. А. Головинский.

В городе было несколько библиотек, старейшая из которых — Карамзинская, едва ли не крупнейшая в Поволжье, имела в своих фондах в 1870 году 13 766 томов. Сотни книг хранили автографы Н. М. Карамзина, И. А. Гончарова, Н. М. Языкова, других известных литераторов. Библиотека считалась общедоступной, но пользоваться книгами на дому

могли лишь те, кто оставлял денежный залог, поэтому многие читатели пользовались читальным залом.

В Симбирске имелось театральное здание, принадлежавшее частному лицу. Почти каждую зиму приезжие труппы ставили спектакли с участием известных актеров России. С особым успехом шли пьесы А. Н. Островского.

Важную роль в общественной жизни Симбирска играл губернский статистический комитет, насчитывавший 67 членов. Благодаря энергичной деятельности В. А. Ауновского, И. Н. Ульянова¹, А. Ф. Белокрысенко, И. Я. Христофорова он организовал сбор краеведческих и этнографических материалов, сумел привлечь внимание общественности к злободневным социально-экономическим проблемам края. Результатом плодотворной деятельности этого комитета явился том «Симбирского сборника», отпечатанный в 1870 году в местной типографии. Этот труд, где помещены ценные материалы по истории, этнографии и статистике, в том числе первый отчет инспектора народных училищ И. Н. Ульянова о состоянии народного образования в Симбирской губернии в 1869 году, высоко оценила столичная пресса.

Уровень народного образования в Симбирске был типичным для губернского города. Здесь, как в Самаре, Саратове или Пензе, имелись мужская и женская гимназии, уездное и приходское училища с педагогическими при нем курсами, фельдшерская школа, несколько частных училищ. Делала первые свои шаги чувашская школа, возникшая по инициативе И. Я. Яковлева, но с лета 1870 года полностью находившаяся в ведении И. Н. Ульянова. Всего же в народных училищах Симбирска обучалось 294 мальчика и 111 девочек, что не могло удовлетворить передовую общественность.

По инициативе И. Н. Ульянова делается важный шаг в улучшении начального образования. Это ясно видно из «приговора», который 23 марта составило собрание городского общества, где говорилось: «В г. Симбирске для первоначального обучения детей существует только одно приходское училище и предположено к открытию еще одно женское училище, — этих двух училищ для г. Симбирска весьма недостаточно, почему многие из бедных жителей 2-й и 3-й частей города лишены возможности обучать своих детей, жители же заводских слобод вовсе не имеют училища».

¹ И. Н. Ульянов был избран в действительные члены комитета в 1869 г. См.: Симбирские губернские ведомости, 1870, 21 марта.

Безотрадным было состояние народного образования в губернии (как и повсеместно в пореформенной России). На ее территории в 1546 населенных пунктах проживал один миллион триста тысяч человек. По учетным данным, в губернии значилось 460 начальных училищ, из них 430 — сельских. Одно училище приходилось на 3,6 населенных пункта. Как потом выяснит И. Н. Ульянов, только 89 из 460 училищ «были более или менее хорошо организованы, все же прочие или числились только на бумаге, или, если существовали, то в самом жалком виде»¹.

И это не случайно. Правительство почти не отпускало средств на сельские училища, земство тоже скупилось. Главным источником их существования служил сбор с крестьян от 10 до 20 копеек с души в год. На эти скудные средства невозможно было построить спосное школьное здание и пригласить хорошего учителя. А в плохо устроенную школу крестьяне старались вообще не отдавать своих детей. Сказывалось, естественно, и невежество бывших крепостных. Но страшнее всего были голод в неурожайные годы, эпидемии и пожары, приносившие неисчислимые бедствия крестьянам, подрывавшие дело народного просвещения.

Злободневным оставался вопрос о медицинском обслуживании населения. В деревне оно только зарождалось. В Симбирске функционировала единственная на всю губернию больница, в которой работало четыре врача и две акушерки. В 1870 году по инициативе передовых врачей «на частные пожертвования и на пособие от города» была, наконец-то, открыта «лечебница для приходящих больных», то есть поликлиника. Но лечение было платным, лекарства — дорогими, а вспышки бешен, кори, дифтерита, дизентерии и тифа были настолько частыми и сильными, что в отдельные годы смертность превышала число рождений, и Симбирск иногда называли в печати «вымирающим городом».

Власти объясняли это печальное явление тем, что в число умерших в городе статистики включали крестьян, находившихся на излечении в губернской больнице. Но демократическая общественность указывала на социально-экономические причины народных бедствий — темноту и невежество, нищету, голод и болезни, малоземелье крестьян и непосильные подати, взимавшиеся с них, согласно условиям «освобождения» от крепостной зависимости, низкую оплату труда

¹ Журнал министерства народного просвещения, 1880, № 5, с. 89.

земледельца и рабочего, их бесправное положение в обществе. Уместно в связи с этим привести смелое высказывание В. А. Ауновского о действительных причинах высокой смертности тружеников-симбирян: «...поденщики и беднейшие классы, как-то рабочие, ремесленники, фабричные и т. п. средним числом живут едва от 25 до 30 лет, тогда как средняя продолжительность жизни зажиточных и высших сословий доходит от 50 до 60 лет». Болезни, эпидемии и ранняя смертность, по словам автора, «находятся в таком же точном и прямом отношении к жизненным условиям, как барометр к тяжести воздуха...». Народ живет в плохих жилищах, в нужде, обремененный непосильным трудом. «Даже молоко, изнуренной работой кормилицы-матери, делается не пищей, а почти отравой»¹.

* * *

В Симбирске, как и во всей России, напряженно ждали 19 февраля 1870 года — день, когда истекал предусмотренный реформой 1861 года срок так называемых «временно-обязанных отношений», согласно которым крестьяне оставались почти в полном подчинении у своих прежних господ.

Часть крестьян, как это видно из донесения симбирского губернатора в Петербург, надеялась, что «в связи с окончанием 9-летнего срока, они могут продать выкупленные наделы и с вырученными деньгами переселиться на казенные земли и другие губернии»². О переселении в Заволжье, на Урал и в Сибирь мечтали многие из сорокатысячной армии крестьян-«дарственников». Крестьяне Шиловки, Старого Тухтина и некоторых других сел усилили в это время борьбу за право выкупа у помещика одной только усадебной земли, «без полевого надела». А крестьяне деревни Люли заявили, что вообще «оброк платить не будут и отведенную им в надел землю пахать не станут».

Волнения отмечались почти повсеместно, но они были стихийными, разрозненными, и властям удавалось с ними справиться. Попытки искать «правду» в столице обычно завершались так, как это случилось с крестьянами села Шиловки: они за подачу прошения «великому князю Константину Николаевичу по приказанию его высочества арестованы и отданы под суд»³.

¹ Памятная книжка Симбирской губернии на 1869 г. Отд. 4, с. 14, 18.

² ГАУО, ф. 76, оп. 2, д. 192, л. 2.

³ ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 12, л. 10.

Бывали случаи, когда в волновавшихся селениях полиция обнаруживала прокламации. О том, как власти опасались распространения нелегальных изданий, можно судить по письму помещика села Красная Сосна.

Сообщая приятелю о возбуждении своих бывших крепостных, он радовался тому, что «прокламации сюда не достигли, а то они наделали бы много хлопот... Как же министр, — восклицал помещик, — мог думать, что люди, ожидавшие с таким нетерпением окончания 9 лет, удовлетворятся его молчанием?»¹.

Отзвуки борьбы народных масс проникали на страницы «Симбирских губернских ведомостей». Здесь помещались сообщения о бегстве крестьян в другие губернии, о поджогах помещичьих имений, дезертирстве солдат. Так, 4 августа 1870 года газета информировала читателей о том, что 5 августа на базарной площади Симбирска будет совершен обряд над рядовым И. Ксенжиком, «судившимся в главном суде за выражение преступного образа мыслей относительно долга верноподданничества и значения верховной власти и присужденном в каторжную работу на заводах на восемь лет».

В этот же день, опять-таки по сообщению газеты, состоялся на базарной площади обряд над Н. Федосеевым, И. Чистобаевым и В. Поляковым, приговоренными к каторжным работам в рудники на 15 лет «за побег из арестантской роты и разные противозаконные проступки».

В 1870 году симбирские власти впервые были вынуждены заняться и рабочим вопросом. «В начале текущего лета, — сообщал губернатор сенгилеевскому уездному исправнику, — вольнонаемные фабричные люди, занимающиеся работами на одной из самых обширных фабрик близ Петербурга, устроили между собой стачку для того, чтобы вынудить хозяев увеличить заработную плату». Подчеркнув, что эта стачка рабочих Невской бумагопрядильни явление совершенно новое, привлечшее внимание самого царя, губернатор приказал усилить наблюдение за рабочими и всеми теми «неблагонадежными личностями, которые могут иметь влияние на толпу». Если стачка все-таки возникнет, исправнику надлежало тотчас же лично производить на месте самое тщательное дознание и представлять таковое губернатору «с нарочным, арестовав открытых по дознанию подстрекателей...»².

¹ ЦГАОР, ф. 109, оп. 3, д. 2127, л. 2.

² ГАУО, ф. 264, оп. 1, д. 434, л. 1—2.

А поводы для беспокойства у губернатора были. В ночь с 28 на 29 января 1870 года на суконной фабрике купца Акчурина «сторе́ло рабочего народа, оставшегося для ночлега в прядильном корпусе, 38 человек»¹. Почти в это же время «от небрежного надзора фабриканта» в селе Карлинском погибло от пожара 35 рабочих-суконщиков². 30 июня симбирским жандармам стало известно, что на фабрике купца Алтева рабочих кормят «вредной пищей»³.

Рьяно выполняя правительственные предписания о недопущении к рабочим подозрительных лиц, симбирские жандармы, как только узнали, что на винокуренном заводе Щеглова поселился студент Тутомлин, тотчас же вызывают его в губернское управление для выяснения его «образа мыслей»⁴. Бдительная слежка велась в 1870 году за политическими ссыльными С. Глинкой, Н. Гернетом, И. Рипманом. Но как ни старались симбирские охранители, не все им было ведомо. Они, в частности, не знали, что находившийся в селе Каменка Курмышского уезда политический поднадзорный, друг И. Н. Ульянова, Владимир Иванович Захаров, управлявший имением О. С. Левашевой, выслал ей в Женеву тысячу рублей, а та передала эти деньги Русской секции I Интернационала для издания журнала «Народное дело». Эта секция 22 марта 1870 года избрала К. Маркса своим представителем в Генеральном Совете Международного Товарищества Рабочих.

Примечательно, что именно в «Народном деле» 15 апреля появилось знаменитое письмо К. Маркса к членам Русской секции, в котором он заявил: «Такие труды, как Флеровского и как вашего учителя Чернышевского, делают действительную честь России и доказывают, что ваша страна тоже начинает участвовать в общем движении нашего века. Привет и братство»⁵.

Сыну Марии Александровны и Ильи Николаевича Ульяновых Владимиру в момент появления пророческого письма К. Маркса было всего пять дней.

¹ ГАУО, ф. 108, оп. 1, д. 82, л. 11.

² ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 15, л. 6.

³ Там же, д. 12, л. 17.

⁴ Там же, д. 14, л. 10.

⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., изд. 2, т. 16, с. 428.

«ХОЖДЕНИЕ В НАРОД»

Подъем освободительного движения в России, бурные события в Европе — франко-прусская война, вооруженные восстания мадзинистов в Италии, появление легендарного Д. Гарibaldi во Франции, деятельность I Интернационала и его Русской секции, героическая Парижская коммуна 1871 года — все это вдохновляюще действовало на умы и сердца прогрессивной интеллигенции Симбирска. Видное место в ее среде занимал Владимир Александрович Ауновский — инспектор мужской гимназии, являвшийся одновременно секретарем губернского статистического комитета. Выпускник Петербургского главного педагогического института, учившийся там в те же годы, что и П. А. Добролюбов, Владимир Александрович был энциклопедически образованным и талантливым преподавателем естественных наук, неутомимым исследователем-этнографом¹, историком и краеведом и при этом — страстным пропагандистом. Редактируемые им «Памятные книжки» Симбирской губернии, «Симбирский сборник» и другие издания ценились столичной общественностью. В. А. Ауновский ратовал за подъем начального народного образования, особенно среди нерусских национальностей, за строительство новых заводов и фабрик, улучшение системы земледелия, более широкую разработку полезных ископаемых, использование каменного угля вместо дров, развитие ремесел и кустарных промыслов.

Владимир Александрович немало сделал для улучшения преподавания естественных наук в гимназии. По его инициативе для библиотеки выписывается новая литература, создается довольно богатый естественный кабинет. Немало усилий приложил он и для внедрения в педагогическую практику передовых принципов обучения и воспитания, убеждая учителей отказаться от наказаний и только «гуманными отношениями содействовать умственному и нравственному развитию учеников»².

Стремясь оживить культурную жизнь города, В. Ауновский организует «учено-литературные вечера», где пропаган-

¹ Ауновский, в частности, составил и издал «Историческую карту Симбирской губернии».

² ЦГА ТАСР, ф. 92, оп. 1, д. 9976, л. 36.

дирует естественной исторические знания, лучшие новинки литературы. Так, в марте 1872 года на вечерах, где помимо гимназистов «присутствовало более двухсот горожан», состоялись лекции о ледниках, рациональном питании, гальванизме. Читались здесь отрывки из произведений Н. В. Гоголя и Д. Д. Минаева, стихи гимназиста Д. Расторгуева о суровой русской природе и «трудовой жизни нашего крестьянина»¹.

В конце 60-х — начале 70-х годов большой популярностью среди учащейся молодежи пользуется семья отставного полковника А. И. Глазова. Душой собиравшихся в его доме была дочь Александра Ардалионовна. Она была очень начитанной девушкой и свободно цитировала любимых авторов, особенно Д. И. Писарева и Н. Г. Чернышевского. Здесь горячо обсуждались самые злободневные вопросы международной и внутренней жизни, и в частности дело народного образования. В дискуссиях принимал участие гимназист, а затем и студент Иван Яковлевич Яковлев — будущий просветитель чувашского народа. В его знакомстве с демократическими идеями определенную роль сыграл учитель словесности гимназии А. И. Виноградов, знакомивший лучших своих питомцев в неофициальной обстановке со статьями Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского, Д. И. Писарева и других публицистов-демократов². Все это укрепило мечту юного Яковлева посвятить свою жизнь просвещению чувашей.

Видную роль в оживлении общественной жизни Симбирска начала 70-х годов сыграл делопроизводитель губернской земской управы Василий Иванович Малинин. Еще в студенческие годы он был руководителем нелегального кружка в Казанском университете. Под влиянием призывов А. И. Герцена и Н. П. Огарева «идти в народ, к народу» В. Малинин оставил университет и отправился учительствовать в народную школу одного из сел Курмышского уезда Симбирской губернии. Оказавшись впоследствии в Симбирске, он по-прежнему поддерживал тесные связи с демократическими кружками Казани, особенно с тем, который возглавлял редактор «Волжско-Камской» газеты Н. Я. Агафонов³.

Вокруг В. Малинина образуется, по его выражению, «очень

тесный кружок», в который помимо жены Марии Петровны — одной из первых в России ученых женщин-фельдшерш, считавшей Д. И. Писарева «своим духовным отцом», — входили врачи И. С. Покровский и В. П. Кармазинский, другие интеллигенты Симбирска. Супруги Малинины писали обличительные статьи в поволжские и столичные газеты, вели просветительскую работу среди молодежи, вербовали подписчиков на «Волжско-Камскую газету», пытались создать потребительскую женскую ассоциацию.

Василий Иванович был опытным конспиратором и поэтому далеко не все факты из его нелегальной деятельности известны. Что касается публицистических выступлений, то особое значение имели его большие статьи о народном образовании в Симбирской губернии, печатавшиеся в «Волжско-Камской газете» и поддерживавшие дело, начатое И. Н. Ульяновым. Вот, например, как он отзывался в письме в редакцию на сызранский съезд сельских учителей, происходивший с 28 декабря 1871 по 4 января 1872 года под руководством И. Н. Ульянова: «Уроки шли так оживленно, что не только учителя, даже дети проникались живым интересом к новой постановке дела, к новым приемам обучения»¹.

Да, многогранная подвижническая деятельность И. Н. Ульянова на ниве народного просвещения вызывала к нему симпатии всех тех, кому были близки и дороги дела и заботы простых тружеников. Вот какое впечатление произвел Илья Николаевич на симбирского писателя и земского деятеля В. П. Назарьева: «Новый инспектор оказался человеком решительно не способным ужиться с формальным, исключительно бумажным отношением к школе... Он то и дело разлезжал по губернии, чтобы, возвратившись в город, тотчас же звонить у дверей, будить председателя и членов (училищного. — Ж. Т.) совета и возмущать их спокойствие тревожными известиями о том, что большинство училищ существует только на бумаге, а батюшки и матушки не бывают в школах... Отделаться от беспокойного педагога оказалось невозможно: за дверьми, у которых он не переставал звонить, уже стояли лучшие люди того времени, увлеченные искренним желанием добра и блага темному люду...»²

К числу этих «лучших людей» можно отнести и самого Валериана Никаноровича. Дворянин по происхождению, юрист по образованию (Назарьев учился в Казанском уни-

¹ Симбирские губернские ведомости, 1872, 11 марта.

² Василенко М. Д. Просветитель чувашского народа И. Я. Яковлев. — Ученые записки Владимирского пединститута, вып. IV, 1958, с. 266.

³ См.: Вульфсон Г. Н. Из истории разночинно-демократического движения в Поволжье и на Урале. Казань, 1968, с. 28—29.

¹ Институт русской литературы, ф. 13, л. 296, л. 20.

² Симбирские губернские ведомости, 1894, 11 мая.

верситете на одном факультете с Л. Н. Толстым), он с конца 60-х годов начал печататься в столичных журналах. К нему с симпатией относились Добролюбов и Некрасов. Болезнь и денежные затруднения вынудили В. Н. Назарьева вернуться в родные края. Поселившись в селе Ново-Никулино Симбирского уезда, он увлекается делом народного образования и открывает начальную школу, в которой преподает его жена — Капитолина Валериановна, впоследствии известная писательница.

Знакомство с И. Н. Ульяновым, этим «идеальным инспектором», как потом не раз называл В. Назарьев его в своих очерках, укрепило убеждение Валериана Никаноровича в том, что без «хорошей, правильно поставленной школы» невозможно серьезное улучшение жизни народа. И он надолго связал свою жизнь с народной школой Симбирской губернии. Для овладения новейшей педагогикой В. Назарьев ездил в Петербург, где то и дело бегал в учительскую семинарию, присутствовал на педагогических собраниях, записывая выступления известного теоретика и практика народной школы барона Н. А. Корфа, приобретал новейшие учебники и пособия. Возвращаясь домой, он делился новостями с И. Н. Ульяновым и под его руководством вводил прогрессивные методы обучения в Ново-Никулинской и других школах Симбирского уезда. Илья Николаевич высоко ценил бескорыстное увлечение В. Н. Назарьева делами народного просвещения и в своих «Отчетах» отмечал эту полезную деятельность.

В очерках «Современная глушь», печатавшихся с 1872 года в «Вестнике Европы», В. Назарьев довольно ярко и правдиво рисовал процесс «раскрестьянивания», бичевал кулаков-мироедов, симбирских чичиковых, ноздревых, плюшкиных и других истых крепостников. Вместе с тем публицист создал и запоминающиеся образы наиболее либеральных и гуманных земских деятелей. Особенно тепло В. Назарьев рассказывал о председателе Симбирского уездного училищного совета Николае Александровиче Языкове.

Н. А. Языков с первых дней знакомства с И. Н. Ульяновым внимательно прислушивался к его предложениям по подъему народной школы и оказывал ему посильную поддержку, особенно в борьбе за увеличение земских ассигнований на дело народного образования. Нередко бывал он и в доме инспектора.

Рисую портрет этого образованного и гуманного человека, В. Назарьев подчеркивал его кристальную честность, «сочувствие развитию народного образования, ссудосберегательных

товариществ, процветанию Карамзинской библиотеки, водворению правды, искоренению сословных предрассудков и диких проявлений зарождавшегося хищничества и отживающего крепостничества». Добродушный и скромный по характеру, Николай Александрович был интересным собеседником. О доброжелательном отношении Ильи Николаевича и Марии Александровны Ульяновых к нему говорит и то, что в августе 1874 года они пригласили Языкова быть воспитателем своего сына Дмитрия.

Часто в доме Ульяновых бывал управляющий губернской удельной канцелярией А. Ф. Белокрысенко, крестьянин отец их сына Володи. Это был видный представитель местной интеллигенции. Хорошо зная и любя свой край, он страстно занимался его историей и собрал 224 летописи, на материалах которых напечатал несколько трудов. Арсений Федорович постоянно ратовал в губернском земстве за развитие промышленности, постройку железных дорог, разработку полезных ископаемых, поощрение народных промыслов. Не чужды были А. Белокрысенко и либеральные веяния. В эпоху падения крепостного права, по наблюдению симбирских жандармов, он «держал сторону крестьянского сословия». Арсений Федорович был лично знаком с В. И. Далем и Т. Г. Шевченко; многие годы состоял членом Литературного фонда России. Не боялся брать на службу пострадавших за политическую деятельность. Вместе с И. Н. Ульяновым он участвовал в работе комитета Карамзинской библиотеки и губернского училищного совета. Как влиятельный гласный земского собрания Арсений Федорович помогал Илье Николаевичу в открытии учительской семинарии в селе Порецком, а позже защищал ее, как и в целом народную школу, от нападок реакции.

Сердечные отношения сложились у Ильи Николаевича с активным земским деятелем и членом уездного училищного совета Н. А. Анненковым. Потомственный дворянин, Никанор Александрович по выходе в отставку с военной службы жил в своем родовом имении в селе Анненково Карсунского уезда. Он живо интересовался делом народного образования и оказывал ему разностороннюю помощь. Илья Николаевич высоко ценил это бескорыстное увлечение гуманным и высокообразованным человеком, неоднократно отмечал его «пожертвования и заботливость» в своих «Отчетах». Анненков же буквально благоговел перед неутомимым инспектором народных училищ и в воспоминаниях писал, что и мечтать не может «приблизиться к тому идеалу человека и гражданина,

какой воплощал в себе Илья Николаевич Ульянов и его ближайшие питомцы», и искренне сожалел, что «редко дарит нас мате́ха-судьба такими выдающимися деятелями...»¹.

В числе «ближайших питомцев», выпестованных Ильей Николаевичем во время их двухлетнего пребывания на педагогических курсах при Симбирском уездном училище, были А. С. Кабанов, В. А. Калашников, Н. Я. Лукьянов, П. П. Малеев и другие юноши из крестьянских и мещанских семей. Эти «новые, идейные учителя» по примеру своего наставника глубоко овладевали наследием К. Д. Ушинского, произведениями Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Некрасова и Д. И. Писарева. Но сильнее всего на формирование их гражданских идеалов и стремление сеять «разумное, доброе, вечное» повлиял Илья Николаевич, его наставления и душевные беседы со слушателями курсов.

«Нам говорили, — вспоминал впоследствии в своей «Автобиографии» Андрей Кабанов, — столько безобразного о волостных писарях и старостах, о дьячках, что иначе и не воображали себе, как чудовищами, с которыми придется воевать. Наслушавшись различных ужасов, я так горячо принял школьное дело, что весь отдался ему; с нетерпением ждал я окончания курса. Но вот мы кончили курс, каждый получил право быть учителем, и все заволновались еще сильнее. Осенью (1873 года, под руководством И. Н. Ульянова. — Ж. Т.) земство сделало учительский съезд. На съезде нас, новиков, разгорячили еще больше. Большинство из нас поехали воевать с попами, писарями и другими воротилами сел и деревень. Я принадлежал к этой партии»².

* * *

Всеобщее общественное возбуждение и начавшееся в стране «хождение в народ» побудило лучшую часть учащейся молодежи Симбирска и губернии к созданию подпольных кружков, принимавших в то время окраску народничества — господствующей идеологии революционных разночинцев.

Один из них в 1872 году сгруппировался вокруг Сергея Михайловича Чугунова, сына преподавателя классической гимназии, и его одноклассников В. П. Соколова, П. П. Викто-

рова и А. Д. Беклемишева. Через год активными членами этого кружка стали выпускница местной Марининской гимназии Н. П. Николаева и ее подруги О. Пашанина, М. Рождественская, А. Фурне, В. Шилкова, В. Пекерова, гимназисты В. Нольде, П. Тюбукин, П. Урусов, К. Веселицкий, П. Черниговский, учительница С. Н. Фейерштейн, акушерка Р. Шестоперова, чиновник окружного суда Э. Савинов.

Мировоззрение большинства кружковцев складывалось под влиянием произведений Белинского, Писарева, Чернышевского, «Исторических писем» П. Л. Лаврова, «Социально-педагогических условий умственного развития русского народа» А. П. Щапова и поэзии Н. А. Некрасова.

На литературно-музыкальных вечерах, устраивавшихся кружковцами, читались и собственные стихи, порой далекие от совершенства, но искренне выражавшие их устремления. С. Чугунов писал:

Душа рвется в мир труда,
Чтобы насладиться борьбой за рабочих людей,
Истомленных трудом,
За несчастных детей, изнуренных кнутом...¹

Летом 1874 года из Петербурга приехали в Симбирск студенты П. Виктор, П. Соколов, В. Михайлов, братья Владимир и Федор Милеевы. В ходе жарких дискуссий выяснилось, что С. Чугунов и другие кружковцы намерены облегчить участь народа тем, что каждый из них «в своей сфере — медика, ученого и прочего будет действовать честно». П. Виктор и братья Милеевы считали такую деятельность явно недостаточной и призывали земляков агитировать за «политический переворот, средством которого должна служить социальная революция».

Сам П. Виктор слов на ветер не бросал. Он вскоре уезжает в село Базарный Сызган Карсунского уезда, где устраивается ренетитором детей владельца суконной фабрики. Осмотревшись, студент ведет пропаганду среди ткачей, конторских служащих и даже в семье помещика А. Бурского. Он горячо доказывал слушателям, что в бедности и бесправии «виноваты эксплуататоры-капиталисты и что поэтому было бы справедливым разделение богатств между всеми поровну». Что касается крестьян, то Виктор заявлял, что они «обижены наделом земли и что земля должна быть отобрана у помещиков и отдана крестьянам». По доносу Бурских по-

¹ Алексеев В., Швер А. Семья Ульяновых в Симбирске (1869—1887), с. 20.

² Ученые записки Ульяновского пединститута им. И. Н. Ульянова, т. XVIII, вып. 3. Ульяновск, 1963, с. 185.

¹ ЦГАОР, ф. 109, 1874—1880, д. 144, ч. 93, л. 84.

лиция произвела обыск у Викторова, а затем и в симбирской квартире его единомышленника — студента В. Михайлова, который в это время давал уроки сыну управляющего удельной конторой А. Ф. Белокрысенко. На допросах друзья держались умело, отрицая причастность к «тайному обществу» и ведение пропаганды. Дело кончилось тем, что после кратковременного тюремного заключения их отпустили с подчинением «бдительному надзору своего учебного начальства».

Жандармам не удалось обнаружить связей П. Викторова и В. Михайлова с кружком Чугунова — Николаевой, и он просуществовал до их отъезда осенью 1875 года в Казань. Во время учения Чугунова в университете полиция изъяла у него книги, привезенные из Симбирска, в том числе первый том «Капитала» К. Маркса¹.

В начале 70-х годов в селе Топорнино Сызранского уезда учительница В. Н. Эдемova и бывший учитель И. П. Монстров под влиянием романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» и статьи М. Л. Михайлова «О рабочих ассоциациях» решили основать коммуну, с тем чтобы содействовать равномерному распространению «знаний и богатств» среди народа. Постепенно в нее они вовлекли бывших воспитанников Самарской духовной семинарии В. Л. Сафотерова, В. А. Германова и Н. Е. Петропавловского (будущего писателя-народника Каронина), секретаря сызранского съезда мировых судей П. В. Виноградова, учительницу частной школы В. Ф. Дроздову, учителей духовного училища Е. С. Архангельского и А. С. Травина.

На своих собраниях они читали произведения А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, Ф. Лассалья, популярные народнические издания, обсуждали трактаты И. Монстрова «Программа коммуны» и «Коммуна и ее цель». Но на практике затея с «коммуной-ассоциацией», включавшая в себя создание своей кассы и открытие лавочки со съестными припасами на артельных началах, провалилась.

В. Эдемova, ставшая в 1873 году слушательницей Петербургской медико-хирургической академии, сблизилась с известным кружком «чайковцев». Она высылала «с оказией» И. Монстрову лавровский журнал «Вперед!» и другую нелегальную литературу, склоняла его к активной политической деятельности. К этому призывал его и Н. Е. Петропавловский, который, в частности, рассказал о пропаганде П. И. Войнаральского и В. А. Осташкина в плотничьей артели симби-

рий, а также сообщил, что «на Рождество нынешнего года в Санкт-Петербурге» съедутся «выборные от всех лиц, разъехавшихся по России»¹.

Усилия друзей-революционеров не пропали даром. В том же июле И. Монстров, В. Эдемova (ставшая его женой), ее брат — гимназист В. Эдемov, В. Германов и В. Сафотеров «пошли в народ». К сожалению, полиция, получив чей-то донос, арестовала пропагандистов в городе Хвалынске и изъяла у них массу различных изданий, в том числе такие, как «Митюха», «Дедушка Егор», «Мирской учет», «Крестьянские выборы», «Сборник новых песен», «Сказка о четырех братьях», «Положение рабочего класса в России» Н. Флеровского, «Искандер Герцен», а также рукописные стихотворения, оскорбляющие императоров Николая I и Александра II, фотографии А. И. Герцена и Н. П. Огарева, выписки из книг «характера коммунистического»².

Все изъятые нелегальные издания В. Эдемova (Монстрова) признала своими, но откровенных показаний на следствии она не дала — приобрела-де у разносчика, переписала у человека, фамилии которого и не знала.

Отбыв полугодичное заключение в Саратове, Монстров, Сафотеров и Германов вернулись в Сызрань, Эдемova была отправлена в Петербург, а оттуда выслана в город Нолинск. Но еще долгие годы члены монстровского кружка будут жить в Сызрани на положении политических поднадзорных.

В 1872—1873 годах в уездном городке Ардатове тоже сложился народнический кружок. В отличие от симбирского и сызранского ядро его составилось из людей бывалых, принимавших участие в революционных организациях Москвы и Петербурга и попавших в Симбирскую губернию уже в качестве поднадзорных полиции.

И. А. Герпет, например, до приезда в Ардатов «за прикосновенность к злодейскому покушению 4 апреля 1866 года» (то есть к делу Дмитрия Каракозова) находился одно время в Петропавловской крепости. Ссылку он отбывал в Вологодской губернии, где сблизился с П. Л. Лавровым и его знаменитые «Исторические письма» читал еще в рукописи³.

Сестры Екатерина и Серафима Жиркевич были высланы в Ардатовский уезд (к себе на родину) за участие в революционных кружках А. В. Долгушина. Серафима Жиркевич,

¹ ЦГАОР, ф. 109, 1874—1880, д. 144, ч. 93, л. 86.

² ЦГАОР, ф. ОПНС, оп. 1, д. 266, л. 6.

³ Там же, л. 12.

⁴ ЦГАЛИ, ф. 285, оп. 1, д. 4, л. 4.

в частности, обвинялась в переписке с эмигрантами, организации кружков самообразования и распространения в Москве прокламаций и воззваний¹.

В ардатовский кружок входили и такие «политически неблагонадежные» лица, как отставной лейтенант флота М. В. Всеволожский, мировой судья Н. М. Филатов, учитель уездного училища В. Г. Шапошников — всего около 15 человек. На их собраниях читались, по сведениям жандармов, «сочинения Лассалья, Шевченко, Некрасова», а также собственные стихи Е. Жиркевич, в которых она «хотела охарактеризовать бедность и вообще быт русского мужика». Осенью 1873 года властям удалось обнаружить связи долгушинцев с ардатовским кружком, последний был разгромлен, и лишь через год некоторые его члены получили разрешение вернуться в Ардатов.

Репрессии запугали одних, а других заставили быть настолько осторожными, что их деятельность уже не прослеживается по жандармским документам.

В Курмышском уезде в начале 70-х годов также сложился небольшой кружок, группировавшийся вокруг политического поднадзорного В. И. Захарова и его жены Ольги Сергеевны. Здесь бывали чиновник Н. М. Соковнин, участвовавший еще в 60-х годах в волнениях студентов Казанского университета, землевладелец В. Н. Левашев, привлекавшийся также раньше по делам политического характера. А в 1873 году приехала в Каменку и хозяйка имения жена Левашева — Ольга Степановна, член Русской секции I Интернационала.

Воля этих людей уже была подорвана репрессиями, и они вели себя очень осторожно. Практическая их деятельность ограничивалась посильной помощью крестьянам — юридическими, агрономическими и медицинскими советами, поддержкой сельских школ. И все-таки в 1874 году В. И. Захаров по требованию симбирского губернатора высылался на некоторое время как политически неблагонадежное лицо в Костромскую губернию. Но демократические убеждения он сохранил навсегда, и его пример долголетнего пребывания в глухом селе был тоже своего рода агитацией.

В Симбирской губернии побывало немало так называемых «летучих пропагандистов». В июле 1874 года здесь «странствовал» известный революционер-пародник П. И. Войнаральский. Причем успешно. Это видно из его письма в Мос-

кву, в котором он сообщал товарищу, что в Сызранском и Исарунском уездах уже был, «настроение отличное, завел два наших пункта...»¹.

19 июля этого же года в Симбирске был арестован другой видный семидесятник студент И. Н. Чернявский. В ходе следствия было установлено, что, несмотря на кратковременное пребывание в городе, он все же успел передать каким-то рабочим запрещенные брошюры². После отбытия заключения в симбирском тюремном замке И. Чернявский был отправлен в Петербург, где по громкому «Процессу 193-х» был приговорен к девяти годам каторги.

В этом месяце произошло еще одно событие, надолго оставшееся в памяти горожан. Студент Н. С. Тютчев, бунтарь по натуре, решил показать «пропаганду действием». Подойдя к партии арестантов, он сделал несколько выстрелов из револьвера, а потом, указывая на конвой, сказал: «Вот как надо ребята с ними обращаться!»³ В этом пападении участвовали трое других юношей. Полицейские зверски избили Н. С. Тютчева. «Слух об этом деле, — доносил представитель прокуратуры, — точно пожаром охватил весь Симбирск, всех волновал вопрос: кому больше достанется».

Только благодаря влиятельным связям отца Н. Тютчеву удалось избежать длительного тюремного заключения. Но уже в следующем году он вновь был арестован в Симбирске. На этот раз — за участие в пропаганде среди крестьян Киевской губернии вместе с Н. И. Кибальчицем, будущим героем «Народной воли».

В последующие годы ввиду массовых арестов пропагандистов в Симбирской губернии они появляются значительно реже. Летом 1875 года в Сызрани ведет пропаганду среди железнодорожных рабочих студент-революционер А. Л. Теплов. При аресте у Теплова изъяли 32 экземпляра нелегальных брошюр, и среди них — «История развития Интернационала» и «Парижская коммуна». Часть этой литературы он получил из рук В. И. Засулич, с которой встречался в Пензе незадолго до ареста.

В середине 70-х годов немало пропагандистов прошло через Симбирскую губернию по Волге: одни ехали пассажирами на пароходах, другие шли в составе артелей бурлаков и грузчиков. Известно, что здесь бурлачили или ходили под видом рабочих Д. Рогачев, К. Милоглазкин, Е. Лазарев,

¹ ЦГАОР, ф. 109, 3 экз., 1872, д. 414, ч. 2, л. 27, 63, 104, 120.

¹ Процесс 193-х. С предисловием В. Калаша. М., 1906, с. 168.

² Там же, с. 23.

³ Тютчев Н. С. Статьи и воспоминания, ч. 1. М., 1925, с. 10.

Н. Бух, Д. Клеменц и другие. В 1875 году с пропагандистскими целями поселился в Симбирской губернии А. Хотинский, один из будущих учредителей «Земли и воли»¹.

В это же время в губернии работали подруга С. Перовской О. Кафiero-Кутузова — ученица доктора, близкий знакомый А. Кадьяна аптекарь В. Штембелин, врач М. Симанович, укрывавший у себя бежавшую из ссылки революционерку Н. Сметскую. О нелегальной деятельности этих народников власти не знали и в своих донесениях утверждали, что пропаганды в губернии не было, что «бог хранил молодое поколение Симбирской губернии от окружающей со всех сторон ее заразы»².

Однако столь благодушная оценка обстановки была не совсем искренней, ибо не учитывала даже деятельности кружка Чугунова — Николаевой. А ведь осенью 1874 года гимназисты Н. А. Александров, В. Д. Волков и Н. Розов создают новый нелегальный кружок, в котором изучают народническую литературу и труды западноевропейских «социалистических писателей». Кто-то из студентов-симбирян, знавших об этом, прислал из Петербурга по почте Н. Александрову две прокламации, призывая в сопроводительном письме возбудить ненависть к правительству и к самому царю, так как «иго монархизма — основная причина страданий народа»³. Он также советовал распространять с помощью своих товарищей «содержимое в прокламациях между разными классами народа, в особенности между крестьянами, живущими вблизи города»⁴.

Жандармы узнали от директора мужской гимназии И. В. Вишневого о получении Н. Александровым этих прокламаций и писем, но, поверив в чистосердечность раскаяния юноши, оставили его на свободе. В 1876—1877 годах у Н. Александрова еще несколько раз обнаруживали запрещенную литературу, но он, ссылаясь на то, что не знает, кто присылал ее, отводил от себя подозрения в нелегальной деятельности, а между тем поддерживал связи с другим кружком, которым руководил гимназист шестого класса Алексей Хохлов.

Кружок А. Хохлова вначале был кружком саморазвития. В него кроме Алексея входил его двоюродный брат

Кузьма Хохлов, бывший гимназист С. Кашширов и некоторые другие юноши. Осенью 1876 года А. Хохлов и его товарищи перешли к пропаганде среди крестьян окрестных сел и мещан города Симбирска. В сентябре этого же года братья Хохловы пытались распропагандировать отставного солдата С. Маркина. Они читали ему народническую брошюру «Хитрая механика», советовали разъяснять ее содержание «другим умным и грамотным людям». Но с помощью Маркина полиция узнала о попытках Хохловых вести пропаганду в Симбирске. Однако ей не удалось уточнить характер их антиправительственной деятельности на селе, как не удалось расшифровать фамилии 16 лиц, обнаруженных в записной книжке А. Хохлова. На допросах А. Хохлов держался стойко и скрыл не только соучастников, но и источники получения им нелегальной литературы.

О популярности А. Хохлова среди знавших его людей можно судить по следующему факту. Крестьянин Н. Мокшин, встретив предателя Маркина после заключения братьев Хохловых в тюрьму, заявил ему: «Мне сказывал один человек из гимназистов, что они собираются перевернуть Конную Слободу (район Симбирска, где жил Маркин. — Ж. Т.) и доберутся до того человека, который это дело доказал...»¹

Весть об аресте Хохловых дошла до директора гимназии И. В. Вишневого. Он, не посоветовавшись с жандармами, желая напугать учащихся, сообщил о случившемся, и некоторые из них, например Н. Александров, тут же постарались избавиться от нелегальщины. Информирова своего шефа в Петербурге о деле Хохловых, начальник Симбирского губернского жандармского управления полковник фон Бадке писал: «...запрещенные книги были не только у одного Хохлова, а и у других лиц, преимущественно у воспитанников классической гимназии, следовательно, корень пропаганды должен существовать в Симбирске», и что только неумелые действия Вишневого и полиции помешали вскрыть всех участников нелегальной деятельности². В апреле 1878 года, после полуторагодичного тюремного заключения А. Хохлова (С. Кашширов к этому времени застрелился), правительствующий сенат рассмотрел дело Хохловых. Кузьма был оправдан, а Алексей был приговорен к трем неделям ареста с последующим подчинением гласному надзору полиции в Симбирске. Сюда он приехал летом, но власти несколько

¹ Аптекман О. В. Общество «Земля и воля» 70-х гг. Петроград, 1924, с. 151.

² ЦГАОР, ф. 109, оп. 84, д. 116, л. 16.

³ ЦГА ТАСР, ф. 89, оп. 1, д. 1626, л. 1, 3.

⁴ Там же, л. 2.

¹ ЦГАОР, ф. 112, оп. 1, д. 424, л. 47.

² ГАУО, ф. 76, оп. 8, д. 281, л. 39.

раз пытались удалить ссыльного юношу как лицо, могущее иметь «вредное влияние на воспитанников гимназии»¹.

А в гимназии брожение продолжалось. На сей раз одним из организаторов нелегальных кружков стал преподаватель русского языка и словесности Владимир Иванович Муратов. Характеризуя его деятельность, близкий знакомый Ульяновых И. Н. Чеботарев писал: «Кружки эти были насаждены в Симбирске среди учащихся и взрослых в 1877 и 1878 годах главным образом бывшим преподавателем русской словесности в гимназии Муратовым, энергичным, смелым чернопередельцем, под влиянием которого находились несколько преподавателей гимназии и духовной семинарии, а также местная штатская и военная молодежь. Года через полтора он был удален из гимназии и из Симбирска, но социалистические кружки оставались, и многие гимназисты принимали в них участие»².

Мемуарист допустил неточности: на самом деле В. И. Муратов стал преподавателем Симбирской классической гимназии в феврале 1878 года и уволился в декабре этого же года. Чернопередельцем в это время он быть не мог, так как раскол революционного общества «Земля и воля» на «Народную волю» и «Черный передел» произошел в августе 1879 года.

И. Чеботарев в своих воспоминаниях, помимо В. Муратова, не назвал ни одной фамилии участников кружков, не раскрыл их деятельности. В архивах же сохранились лишь отрывочные сведения о политической неблагонадежности словесника. Он, как это видно из отношения начальника губернского жандармского управления полковника фон Брадке от 29 декабря 1878 года к директору Симбирской классической гимназии И. В. Вишневскому, будучи в 1876—1877 годах учителем словесности Порецкой учительской семинарии, «вселял воспитанникам вредные идеи», вследствие чего некоторые из них были «исключены из семинарии».

И. Вишневский признал, что В. Муратов и во время службы в гимназии под всяческими предлогами уклоняется от посещения богослужений и, видно, продолжает оставаться нигилистом и атеистом. Директору гимназии было известно также, что некоторые учащиеся бывают дома у В. Муратова и берут у него какие-то книги для чтения, но вряд ли они, по его мнению, были «неуместного характера». В качестве

примера он указал на И. Н. Чеботарева, который получил у словесника для прочтения «Исторические рассказы Шипкова»¹.

Жандармский полковник, более осведомленный о деятельности В. Муратова, заверил И. Вишневского, что поднадзорный учитель и в Симбирске продолжает оставаться человеком «вредного направления, которое уже отразилось на воспитанниках гимназии...»². Как только Владимир Иванович понял, что за ним усиленно следят, то немедленно подал прошение об увольнении со службы, прекратил посещение уроков, а вскоре и переехал в Казань. Но созданные или, скорее всего, реорганизованные им кружки не распались — в России начиналась вторая революционная ситуация.

ВТОРАЯ РЕВОЛЮЦИОННАЯ СИТУАЦИЯ

В 1879—1881 годах в России сложилась новая революционная ситуация, главными признаками которой В. И. Ленин считал: «1) Невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство; тот или иной кризис «верхов», кризис политики господствующего класса, создающий трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов. Для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы «низы не хотели», а требуется еще, чтобы «верхи не могли» жить по-старому. 2) Обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов. 3) Значительное повышение, в силу указанных причин, активности масс, в «мирную» эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых, как всей обстановкой кризиса, так и самими «верхами», к самостоятельному историческому выступлению»³.

Возникновение новой революционной ситуации, как и той, которая имела место в эпоху падения крепостного права (1859—1861 годы), обусловлено большим комплексом социально-экономических процессов, происходивших в пореформенной России. Одной из непосредственных причин явилось

¹ ЦГАОР, ф. 112, оп. 1, л. 426, л. 32.

² Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г. М. — Л., 1927, л. 230.

¹ ЦГА ТАССР, ф. 92, оп. 1, д. 13535, л. 13.

² Там же, л. 4.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 218.

обострение нужды и бедствий угнетенных классов во время русско-турецкой войны 1877—1878 годов.

Положение симбирского крестьянства, ограбленного в ходе реформы 1861 года, в последующие десятилетия значительно ухудшилось вследствие разложения общинных отношений, роста цен на землю. Во время войны тысячи мужчин были призваны в армию и ополчение. Появились новые налоги, выросли цены на продукты первой необходимости. Как на беду, один за другим следовали неурожаи.

Вот как характеризовало сложившуюся обстановку симбирское уездное земское собрание 27 сентября 1877 года: «В Симбирском уезде считается 751 семейство чинов запаса, призванных на действительную службу, в каковых семействах 2221 лицо обоего пола... из числа означенных семейств, судя по прошлому и нынешнему неурожайным годам, очень мало найдется таких, которые имели бы свои собственные средства к жизни».

Ардатовский уездный исправник в рапорте от 8 июля 1877 года на имя симбирского губернатора приводил более печальные факты: крестьяне некоторых селений Жаренской и Неклюдовской волостей «хлеб едят пополам с мякиной», целые семьи уходят просить милостыню и все же «нередко остаются голодными до трех суток». Расследование показало, что крестьяне бедствуют «не столько от неудовлетворительного урожая хлебов, сколько от безвременного по обстоятельствам и строгого взыскания повинностей»¹.

Хроническое недоедание сопровождалось ростом эпидемических заболеваний, снижением рождаемости и увеличением смертности. Если, например, в 1875 году прирост населения Симбирской губернии составил 25 253 человека (при общей численности в 1 274 033 человека), то в 1878 году — только 4460. Причем в самом Симбирске родилось 1573, а умерло 2894 человека. «Такое падение роста населения, — отмечал местный публицист, — нельзя не приписать влиянию турецкой войны...»²

В то время, когда усердствующие урядники отбирали у крестьян последнее и заставляли их за бесценок продавать скот и пожитки, среди симбирских интендантов и купцов нашлись дельцы, наживавшие состояния на военных поставках. Начальнику губернского жандармского управления хватило работы, когда 16 апреля 1879 года поступило из Пе-

тербурга секретное предписание о содействии «высочайше учрежденной комиссии для расследования действий Полевого интендантства и Товарищества по продовольствию Действующей Армии»¹.

И. Н. Ульянов хорошо знал о тех последствиях, которые породила война: ухудшилось и без того бедственное положение трудящихся, пострадало и народное образование (в частности, уменьшилось на пять количество школ в губернии, снизилось «приращение численности учащихся»). В одном из отчетных документов он так охарактеризовал эти неблагоприятные явления в 1878 году: «Первым из этих обстоятельств был неудовлетворительный урожай хлебов в прошедшем 1876 году и в отчетном 1877 г., отозвавшийся уменьшением материальных средств как обществ, так и частных лиц, содержащих училища. И еще более важным обстоятельством явились военные события, которые отвлекали не только материальные средства, но отчасти и деятелей народного образования в иную сторону»².

Симбирский губернатор, докладывая царю о большом разmere недоимок в 1878 году, оправдывал это «бедностью крестьян», пострадавших от неурожая хлебов, падежей скота, пожаров, эпидемий и других стихийных бедствий. В них он видел и основную причину того, что за отчетный год «во всех городах Симбирской губернии количество умерших превышало число родившихся»³.

Ухудшение экономического положения крестьян, естественно, вызывало обострение классовой борьбы, правда, на новой основе и в других формах.

В эпоху «освобождения» волнения крестьян проявлялись главным образом в отказе подписывать навязываемые им грабительские уставные грамоты и в связи с нежеланием помещиков отпустить их на «волю» с одной только «дарственной» десятиной. В конце же 70-х годов брожение на селе выражалось прежде всего в требованиях «справедливого» передела земель, недовольстве теми стеснениями, которые устанавливали власти для желающих переселиться в восточные районы страны, а также в протестах против жестокого взимания податей и недоимок. Имели место и столкновения с властями в связи с отказом помещиков удовлетворить тре-

¹ ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 36, л. 15.

² Ульянов И. Н. Отчет о состоянии начальных народных училищ Симбирской губернии за 1877 гражданский год. Симбирск, 1879, с. 35.

³ ГАУО, ф. 76, оп. 8, д. 310, л. 7.

¹ ГАУО, ф. 76, оп. 2, д. 161, л. 1, 16.

² Календарь Симбирской губернии на 1880 г. Симбирск, 1880, с. 59.

бования крестьян о пересмотре некоторых невыгодных для них условий уставных грамот или ускорения ликвидации временнообязанных отношений.

Если в 60-х годах в Симбирской губернии имели место десятки случаев открытого неповиновения целых сел и даже волостей и правительству только с помощью армейских подразделений удавалось навести «порядок», то теперь массовые выступления крестьян почти прекратились. Сказывалось расхождение деревни.

Самыми распространенными формами протеста крестьян против остатков крепостничества стали самовольные потравы и порубки на принадлежащих помещикам полях и лесах, а также поджоги их имущества.

О том, насколько упорный и ожесточенный характер принимала эта борьба, можно судить по событиям, происходившим в Жигулевской вотчине графа Орлова-Давыдова. Здесь многие годы крестьяне производили потравы, порубки и поджоги. Когда же помещик усилил охрану своих владений, бывшие его крепостные стали жечь барские постройки, лес, стога сена. Только в 1878 году они сожгли 300 возов сена, принадлежавшего графу. Тогда управляющий вотчиной набрал для охраны лесных угодий сторожей из отборно жестоких отставных солдат. Эти полесовщики зверски избивали крестьян за порубки, задерживали их скот на господских полях и возвращали только после уплаты огромных штрафов. Крестьяне сжигали дома полесовщиков, убивали их лошадей, выносили на сходе приговоры о запрете сдавать им квартиры. Они добивались того, что полесовщики отказывались от должностей, а желающих занять их место долго не находилось¹.

Положение в симбирских селах характеризуется не только выступлениями крестьян против своих угнетателей. «Необходимо иметь в виду также и ту напряженную обстановку, — подчеркивает П. А. Зайончковский, — которая складывалась в деревне в 1878—79 годах под влиянием массовых слухов о «черном переделе». Эти слухи вызывали у властей большую тревогу, чем те или иные локальные крестьянские волнения»². Стремясь как-то ослабить эти опасные толки, министр внутренних дел Л. С. Маков написал от имени царя «Объявление», подтверждавшее незыблемость частной собственности на землю. Летом 1879 года это «Объявление»

было прочитано в волостях, на сходах, выставлено на видных местах в волостных правлениях, прибито на стенах у входов в церкви, а в Симбирске и уездных городах вывешено на всех рынках, торговых и базарных площадях.

Представители власти и духовенства старались поподробнее разъяснить крестьянам причины появления маковского циркуляра. Ардатовский исправник выделил при этом последние акты народовольцев против правительства. Он, в частности, напомнил «о сделанных выстрелах в государя императора» 2 апреля А. К. Соловьевым, а затем зачитал приговор Верховного уголовного суда над ним. Потом, как видно из рапорта исправника симбирскому губернатору, он пояснил, что «подобных лиц, как Соловьев, в настоящее время является весьма немало и что три личности, подобных Соловьеву, явились в Киевскую губернию, назывались там комиссарами от государя императора, где до тысячи человек крестьян разных волостей ввели через обман в заблуждение, которые записались в тайную дружину действовать насильственным образом против правительства»¹.

Однако самые усердные увещевания далеко не всегда оказывали на крестьян желаемое для властей воздействие. Дело в том, что слухи о неминуемом «черном переделе» распространялись не столько пришлыми из городов «злопамеренными людьми», как это указывалось в маковском циркуляре, сколько теми из крестьян, которые еще не пришли к соглашению со своими бывшими помещиками и надеялись получить землю безденежно. Слухи о переделе земли, судя по донесениям исправников, распространялись уволенными «из действующей армии в запас армии и в отставку и преимущественно теми из них, которые находились в действующей армии в пределах Турецкой империи»².

Борька продолжала контролировать обстановку на селе, правительство с помощью штатных и добровольных «охранителей порядка» особо бдительно следило за политическими стычками и брожением среди местных разночинцев. По-прежнему в поле их пристального наблюдения были народные учителя. Симбирские реакционеры обнаружили в жизни народной школы, руководимой И. Н. Ульяновым, нежелательные и якобы даже опасные явления. Одним из важнейших объектов их нападок стала Порецкая учительская семинария — детище Ильи Николаевича и единственная кузница кадров для народных училищ Симбирской губернии.

¹ ГАУО, ф. 76, оп. 8, д. 345, л. 1.

² Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880 годов. М., 1964, с. 13.

¹ ГАУО, ф. 76, оп. 8, д. 345, л. 27.

² Там же, л. 25.

Выше приводилось высказывание жандармского полковника о том, что преподаватель словесности В. Муратов в 1876—1877 годах «вселял воспитанникам вредные идеи», вследствие чего некоторые из них были «исключены из семинарии». Действительно, такой факт имел место. Более того, после переезда В. Муратова в Симбирск некоторые семинаристы и даже их учителя были уличены в атеизме и вольнодумстве. Реакция поспешила воспользоваться этим. Одним из первых публично стал чернить земскую школу и учительскую семинарию влиятельный протоиерей А. Баратынский. Так, в «Докладной записке о положении народного образования в Буйинском уезде», появившейся 6 августа 1879 года в «Симбирской земской газете», он сетовал на снижение уровня религиозности в начальных училищах и упрекнул пореченских учителей в шаткости их собственного «религиозно-нравственного направления».

Достойную отповедь священнику дал через две недели в той же газете преподаватель Порецкой семинарии А. И. Анастасиев. Он убедительно показал, что Баратынский отстаивает в вопросах народного образования «узкие сословные интересы». Илья Николаевич наверняка с одобрением читал эти строки в статье подчиненного ему педагога, где он резко критиковал выпускников духовных семинарий за то, что те, как правило, недолго служат в сельских школах и неоправданно «часто пользуются учебным временем для посторонних делу личных целей, например, на разъезды по окрестным местностям, смотрение невест и обычные при этом попойки». Разделял он и убеждение А. И. Анастасиева, что выпад протоиерея против учителей-поречан при «нынешнем возбужденном умонастроении» имеет «в общественном мнении значение доноса» и ставит задачей «до известной степени подрывать доверие к целому учреждению со стороны правительства и местного земства».

Баратынский 21 сентября выступил в газете с новой статьей, в которой, по существу, сделал новый донос на выпускников Порецкой семинарии, продолжающих гордиться «своим бывшим учителем Муратовым, который развивал их особым образом». К сожалению, воинствующий протоиерей был не одинок. Алатырский предводитель дворянства А. Д. Пазухин, как это видно из его конфиденциального письма к попечителю Казанского учебного округа, выразил твердое убеждение, что из Порецкой семинарии выходят «нигилисты, атеисты и вообще неблагонадежные в политическом отношении, что он как председатель училищного совета и на

порог школы не допустит учителей, вышедших из этой семинарии».

Анонимный автор статьи «Земское дело», опубликованной «Симбирской земской газетой» 2 декабря 1879 года, считал серьезным изъяном народных школ Симбирской губернии то, что в них «развивают ум разъяснением разных предметов чтения, относящихся к естествоведению, географии, истории, общественной жизни», но почти ничего не говорится о «великих реформах Александра II» и других «деяниях царя». Автор считает, что «настоящее положение наше исключительно: царь призывает всех и каждого бороться с появившимся злом», с «лжеучителями», то есть народовольцами, и общество не должно мириться с аполитичностью учителей в школах.

Обозреватель другой симбирской газеты характеризовал народных учителей как людей «в высшей степени отзывчатых на всякое либеральное заявление». Чтобы революционерам не удалось привлечь учителей для пропаганды среди крестьян, он требовал возвратить священникам былую главенствующую роль и вообще «приурочить школу к храму»¹.

* * *

За полной драматизма героической схваткой народовольцев с правительством напряженно следили во всех уголках России.

Симбиряне буквально «до дыр» зачитывали газеты с сообщениями о покушении 31 января 1878 года В. И. Засулич на жизнь петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова (побочного сына Николая I), убийстве С. М. Степняком-Кравчинским 4 августа того же года шефа жандармов империи Н. В. Мезенцева, выстреле А. К. Соловьева 2 апреля в Александра II, сильном взрыве, осуществленном 5 февраля 1880 года С. Н. Халтуриным в Зимнем дворце, и других важных событиях политической борьбы.

Но был еще один источник информации — рукописные, гектографированные и печатные прокламации, распространявшиеся местными или приезжими подпольщиками. Много толков возникло в связи с обнаружением властями в апреле 1880 года невдалеке от здания классической гимназии, где учились Александр и Владимир Ульяновы, приклеенного кем-то на фонарном столбе «возмутительного» листка, призывав-

¹ Волжский вестник, 1879, 14 марта.

шего пролетариат разрушить буржуазное государство и вместо него построить «новый мир — мир труда»¹.

Илья Николаевич время от времени получал из учебного округа секретные циркуляры с изложением взглядов революционных кружков и организаций, списки неблагонадежных в политическом отношении студентов и учителей, которых запрещалось допускать к преподаванию в народных училищах. Довелось ему читать и подлинные нелегальные издания, причем, возможно, и в домашней обстановке. В частности, 18 января 1880 года штатный смотритель сызранских училищ К. Добролюбский получил по почте прокламацию Исполнительного комитета «Народной воли», в которой рассказывалось о напумевшей попытке революционеров взорвать царский поезд 19 ноября 1879 года на линии Московско-Курской железной дороги, и поспешил переслать ее Ульянову.

Особо впечатляющей была та часть прокламации, где народовольцы, обращаясь «ко всем честным русским гражданам, кому дорога свобода, кому святы народная воля и народные интересы», обосновывали необходимость казни царя: «Царствование Александра II с начала до конца — ложь, где пресловутое освобождение крестьян кончается маковским циркуляром, а разные правды, милости и свободы — военной диктатурой и виселицами... Нет деревушки, которая не насчитывала бы несколько мучеников, сосланных в Сибирь за отстаивание мирских интересов, протест против администрации и кулачества. В интеллигенции — десятки тысяч человек пескончаемой вереницей тянутся в ссылку, в Сибирь, на каторгу, исключительно за служение народу, за дух свободы, за более высокий уровень гражданского развития. Этот гибельный процесс истребления всех независимых гражданских элементов упрощается, наконец, до виселицы. Александр II — главный представитель узурпации самодержавия, главный столп реакции, главный виновник судебных убийств; 14 казней тяготеют на его совести, сотни замученных и тысячи страдальцев вопиют об отмщении; он заслуживает смертной казни за всю кровь, им пролитую, за все муки, им созданные. Он заслуживает смертной казни. Но не с ним одним мы имеем дело. Наша цель — народная воля, народное благо. Наша задача — освободить народ и сделать его верховным распорядителем своих судеб». Будучи убежденным, что в ликвидации самодержавия и в передаче власти всенародному Учредительному собранию заинтересованы все

русские граждане, Исполнительный комитет заявлял в конце прокламации: «Для того чтобы сломить деспотизм и вернуть народу его права и власть, нам нужна общая поддержка. Мы требуем и ждем ее от России».

Как только жандармский генерал фон Брадке узнал, что эта прокламация попала к И. Н. Ульянову, он дал нагоняй своему сызранскому помощнику: «Вы имели полное право потребовать, чтобы он (Добролюбский. — Ж. Т.) вам представил прокламацию... Подобные возмутительные воззвания не должны быть известны никому, кроме как жандармскому ведомству».

О том, что прокламация «Народной воли» попала к директору народных училищ И. Н. Ульянову, фон Брадке тут же доложил своему шефу в Петербург. «Имея в виду, что прокламация будет в руках директора народных училищ, — писал он, — я нашел пужным попросить г. директора народных училищ Симбирской губернии дать мне прокламацию для снятия копии и представления таковой вашему превосходительству». Как видно из дальнейшей переписки по этому делу, Брадке просил директора в дальнейшем не подшивать в свой архив подобные подлинники, а сразу же по поступлении передавать ему. Илья Николаевич прекрасно понимал причины беспокойства генерала. Но это были, как говорится, напрасные хлопоты: о программных целях революционных народников и методах борьбы за их осуществление он давно и в достаточной степени уже знал, как и другие люди его круга.

Между тем реакционеры продолжали атаковать последователей К. Д. Ушинского, по существу возлагая на них ответственность за то, что некоторые учителя и даже воспитанники сельских школ поддались влиянию революционной пропаганды. Не упоминая по фамилии И. Н. Ульянова и его питомцев, аноним в своих «Письмах земца» сетовал, что до недавнего времени обучение в народных школах «шло рука об руку с религией», а ныне «благодаря людям, посвятившим себя народному образованию», этот союз ослабел. Подчеркивая опасность этого явления для судеб отечества, благонамеренный обыватель вместе с тем призвал читателей-единомышленников предпринять меры к тому, чтобы сельская школа «не отвлекала воспитывающееся поколение от отцовских и дедовских занятий».

Вот в такой сложной обстановке, 11 ноября 1880 года, Илья Николаевич встретил двадцатипятилетие своей службы. В этот же день согласно правилам того времени он от-

¹ ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 1395, л. 21.

правил попечителю Казанского учебного округа прошение об оставлении его на службе еще на пять лет.

Попечитель округа П. Д. Шестаков наложил на прошение благоприятную резолюцию: «Представить во внимание к его весьма полезной и усердной службе». Однако новоназначенный министр просвещения А. А. Сабуров согласился оставить «директора народных училищ Симбирской губернии действительного статского советника Ульянова на службе только на один год...». Много лет спустя Анна Ильинична, комментируя это жестокое решение министра, писала: «Деятельность Ильи Николаевича стала подпадать под подозрение... Это косвенное неодобрение его деятельности было очень тягостно для Ильи Николаевича. Предстояло быть оторванным от дела всей жизни, тревожила, кроме того, перспектива остаться с большой семьей без заработка»¹.

Представить тягостное состояние Ильи Николаевича к началу 1881 года нетрудно. Одиннадцать лет он трудился в Симбирске с полной отдачей всех сил и способностей. А в награду — неодобрение его службы самим министром. Но этот неожиданный удар не сломил его воли. Зимой, как обычно, Илья Николаевич осматривал сельские школы, затем готовил к печати годовой отчет о состоянии народного образования в губернии.

В воскресенье 4 марта в Петербурге произошло событие, ошеломившее всю Россию: был убит Александр II.

КОГДА ИЛЬИЧУ БЫЛО ОДИННАДЦАТЬ

Правительственное сообщение об убийстве Александра II поступило в Симбирск по телеграфу через несколько часов после этого, небывалого для России, события. Горожане узнали о нем из печатных объявлений, расклеенных в людных местах и продававшихся в киосках.

Как видно из письма В. Н. Назарьева известному литератору П. В. Анненкову в Германию, эта весть пришла в «Симбирск во время ярмарки, при огромном стечении народа...

¹ Юбилейный сборник памяти Ильи Николаевича Ульянова (1855—1925 гг.). Пенза, 1925, с. 9 (в дальнейшем — Юбилейный сборник).

Мужики всячески старались добыть первое роковое объявление, платили бог знает какие деньги и увозили домой». «На гостинном дворе, во многих местах базарной площади и на некоторых частных домах, — сообщали «Симбирские губернские ведомости», — развевались печальные флаги из белой и черной материи на древках, увенчанных крестом».

Весть о гибели царя, по словам генерала фон Брадке, «как громом поразила все население», а многие недоумевали, «как могло случиться такое ужасное происшествие в столице, среди белого дня... Население впало в уныние, пошли различные толки, боялись за будущее, говорили, что будет, если и ныне благополучно царствующего государя ожидает такая же участь. Все эти предположения рождались потому, что население еще не знало, что предпринято в Петербурге. Все ждали газеты, чтобы знать подробности случая, наконец, какие приняты меры на будущее».

О том, как отнесся Илья Николаевич к покушению на императора, Анна Ильинична вспоминает так: «Помню его в высшей степени взволнованным по возвращении из собора (4 марта. — Ж. Т.), где было объявлено об убийстве Александра II и служилась панихида. Для него, прошедшего лучшие молодые годы при Николае I, царствование Александра II, особенно его начало, было светлой полосой, он был против террора».

Анна Ильинична хотела завязать разговор на эту важную тему с Сашей, но он предпочел отмолчаться. О причинах несостоявшегося откровенного обмена мнениями она пишет так: «...либо Саша определенно не согласился с отцом, либо он о своем, может быть, не вполне сложившемся мнении (ему не минуло еще в то время 15 лет) умолчал. И тогда либо он молчал со мной по той же причине, что и с отцом, либо, не согласившись с отцом, он молчал об этом по указанию отца, что говорить о своем несогласии ни дома, ни в гимназии не следует. Мог он, конечно, молчать и по собственной инициативе, как вообще его характеру было свойственно»¹.

Правительство почти каждый день рассылало сообщения о ходе расследования обстоятельств покушения. Так, 4 марта в Симбирске были вывешены «Объявления» о том, что уже арестован «главный распорядитель злодейского преступления 4 марта» (А. И. Желябов. — Ж. Т.), что первый снаряд в царя бросил мещанин Н. И. Рысаков, а второй — «неизвестный человек, смертельно раненный на месте взрыва»

¹ Ульянова-Елизарова А. И., с. 68.

(И. И. Гриневицкий. — Ж. Т.). Через день горожане узнали об аресте в Петербурге активного участника подготовки покушения Т. М. Михайлова.

Не ограничившись «Объявлениями», правительство обязало руководителей всех ведомств организовать устные разъяснения своим подчиненным. В соответствии с этим попечитель Казанского учебного округа в предписании от 4 марта директору классической гимназии, где учились Александр и Владимир Ульяновы, установил порядок проведения панихид по покойному монарху: «В девятый, двадцатый, сороковой, полугодишный и годичный дни со дня кончины». О чем говорили духовные наставники, дает представление «Слово», произнесенное законоучителем женской гимназии, а затем опубликованное в «Симбирских губернских ведомостях». Предав проклятию революционеров, проповедник к «печальному» явлению последнего времени отнес развитие религиозного неверия в обществе, холодность многих к вере и, напротив, излишнее пристрастие к разнообразным светским увлечениям и удовольствиям». У многих, по словам священника, наблюдается апатия к чтению «книг религиозно-нравственного содержания» и вместе с тем увлечение чтением «романов, светских журналов и книг», интерес к «изучению и усвоению всевозможных, попадающихся в этих книгах, модных теорий».

По-разному реагировали дети на разговоры взрослых о покушении на Александра II. Вспоминая об играх, в которых участвовал Володя Ульянов, сын инспектора народных училищ М. В. Фармаковский привел такой пример. Как-то, играя с товарищами, он, показывая на свой рисунок, воскликнул: «А вот убивают царя, вот летит рука, погнал...» Старушка няня остановила его словами: «Что ты, что ты, бабьюшка! теперь и стены слышат...»

Второго апреля А. Желябов, С. Перовская и их соратники были казнены. Генерал фон Брадке, информируя о реакции на это известие, отметил, что общество все еще не пришло «в нормальное состояние спокойствия, оно ждет новых открытий, так как предполагает, что многие из участников преступлений 1-го марта еще не разысканы...». В майском отчете он вновь заявил, что общество «еще не успокоилось», что его, в частности, волнуют сведения об аресте в Петербурге офицеров и найденных там минах и подкопах. «Все газетные сообщения, — продолжал генерал, — не могут не повлиять на все слои общества, которые видят, что социально-революционная партия, как ни преследует ее правительство,

все-таки еще сильна и пользуется всякими удобными случаями, чтобы принести вред правительству».

Большинство крестьян губернии считало, что царя убили помещики, и якобы за то, что он хотел дать мужикам «настоящую» волю. «Убеждение это, — писал неизвестный в плехановском «Черном переделе», — так сильно взволновало население, что во многих селах крестьяне намерены убить ближайших помещиков, как своих заклятых врагов»¹. Однако в одном из сел близ Симбирска крестьяне верно поняли дело 1 марта и отказались явиться на панихиду, а смельчаки заявили: «Зачем мы будем молиться за того, кто не дал и не хочет дать нам настоящей воли... Мы уж лучше будем молиться о студентах, которые хотят для нас настоящей воли»².

Под влиянием мартовских событий заволновались и жители слобод Симбирска. Они производили самовольные порубки леса, отказывались платить подати, избивали сторожей. Представители думы в сопровождении полицейских пытались навести «порядок», но слобожане заставили убраться их своими и отсрочить взимание налогов.

Пануганые симбирские жандармы проявляли рвение в «искоренении крамолы». Весной они произвели несколько обысков у политических поднадзорных, а 26 июня стражам порядка удалось задержать на улице воспитанника Самарского городского училища К. А. Глевовер-Беклевского, расклеивавшего в Симбирске собственноручно написанные прокламации революционного характера. Местные крепостники клялись в преданности трону, метали гром и молнии в адрес революционеров. Об этом свидетельствует и «грозная» статья. Авторы ее прославились тем, что предложили свои средства для выдачи 100 рублей в награду каждому, кто «задержит злоумышленника», распространяющего «слухи о переделах и даровых наделах крестьянам земли».

Этот позорный почин привлек внимание М. Е. Салтыкова-Щедрина. Предупреждая одного из своих знакомых о грозящей опасности демократам со стороны крепостников, объединившихся в тайную «Священную дружину» для «истребления нигилизма», великий сатирик спрашивал его: «...читали ли Вы в «Порядке» (газете М. М. Стасюлевича. — Ж. Т.)

¹ Черный передел. Орган социалистов-федералистов. 1880—1881 гг. М.—П., 1928, с. 349—350.

² Там же, с. 350.

об учреждении в Симбирске тайного общества, выдающего 100 р. за каждого превратного толкователя?» Опасаясь, что желающих заработать на доносах «радужную бумажку» найдется немало, Михаил Евграфович с горечью написал: «Ах, эта Симбирская губерния! В старину ее странюю отставных корнетов называли. И были эти корнеты невежественные и жестоковейные и держали свое знамя высоко, за что и бывали нередко сечены крепостными людьми. А теперь народились у них потомки и тоже хотят высоко знамя держать...»¹

В Симбирске и губернии после убийства царя широкое распространение получило знаменитое «Письмо Исполнительного комитета «Народной воли» Александру III». В апреле 1881 года его получили по почте алатырский уездный предводитель дворянства А. Д. Пазухин, командир расквартированного в Симбирске «5-го пехотного Калужского Его Императорско-Королевского Величества, Императора Германского, Короля Прусского полка» полковник В. Л. Обер, крестьянин села Криуши С. Кузнецов и многие другие².

Прокламации обычно получались из Казани и Петербурга. Иногда они распространялись и из Симбирска. Казак Донской области Т. Косолапов получил прокламацию «Народной воли», обращенную к казачеству. Дознание установило, что его фамилия была известна рабочим-симбирянам, приехавшим на лето в хутор Калач, где жил Косолапов³.

Немало разноречивых слухов носилось относительно внутренней политики, которую изберет новый царь. Александр III в манифесте от 29 апреля внес ясность, заявив, что будет твердо охранять самодержавную власть «для блага народного от всяких на нее поползновений». Генерал М. Т. Лорис-Меликов, являвшийся более года фактическим диктатором России, был вынужден уйти с поста министра внутренних дел и шефа жандармов. Вслед за ним ушли в отставку некоторые другие министры, в том числе А. А. Сабуров. Новым министром народного просвещения стал А. П. Николай.

Учитывая смену начальства, Илья Николаевич 1 ноября отправил попечителю округа П. Д. Шестакову новое прошение об оставлении на службе на пять лет. Попечитель обра-

тился к А. П. Николаю: «Принимая во внимание, что директор народных училищ Ульянов постоянно отличается примерным усердием к службе и пользуется вполне заслуженным доверием местного общества, он заслуживает оставления на службе в занимаемой должности еще на четыре года, с 11 сего ноября».

Полтора месяца не было известно о судьбе прошения. 19 декабря Илья Николаевич просит попечителя округа о выдаче удостоверения в том, что, состоя на службе, не лишен права на получение пенсии за двадцатипятилетнюю выслугу. И только 30 декабря П. Д. Шестаков сообщил Ульянову, что приказом министра он оставлен на службе.

Так относительно благополучно завершился для Ульяновых этот тревожный год. Но он оставил неизгладимый след в их сознании. «Ильичу было тогда только одиннадцать лет, — писала Н. К. Крупская, — но такие события, как убийство Александра II, о котором все кругом говорили, которое все обсуждали, не могли не волновать и подростков. Ильич, по его словам, стал после этого внимательно вслушиваться во все политические разговоры»¹.

Всех волновало тяжелое положение симбирской деревни. Спустя два десятилетия после реформы 1861 года больше 16 тысяч бывших крепостных все еще считались «временно-обязанными» по отношению к своим господам. С естественным ростом населения росло число малоземельных семей, вынужденных арендовать землю у помещиков. Вместе с ростом спроса на землю поднимались и арендные цены на нее. Если в 1864 году за съём десятины земли крестьянин платил 3 рубля в год, а в 1872 — 7, то в 1881 — уже 25 рублей и выше². Большинству безземельных и малоземельных крестьян такие расходы были не под силу, и они шли батрачить к богатым односельчанам, помещикам или подавались на заработки. Согласно официальной статистике в 80-х годах «свидетельства» на право отлучки для заработков вне места постоянного жительства получало 60—70 тысяч симбирских крестьян.

Часть из них, нередко с женами и детьми, нанимались на черную работу на близлежащие суконные фабрики, другие, в одиночку, шли в город, третьи устраивались матросами на волжские суда. Но особенно много крестьян уходило

¹ Щедрин Н. (М. Е. Салтыков). Собр. соч., т. 9. М., Правда, 1951, с. 281.

² ЦГАОР, ф. 103, 3-е дел-во, 1881, оп. 77, д. 32, ч. 2, л. 6, 86, 128, 231.

³ Там же, оп. 78, д. 590, л. 1.

¹ Крупская Н. К. О Ленине, с. 32.

² История народного хозяйства СССР. Курс лекций, М., 1960, с. 258.

на заработки в Самарскую губернию, где цены на рабочие руки в страдную пору были гораздо выше. Поэтому иногда случалось так, что бедняки Симбирской губернии в конце лета бросали несжатыми свои крохотные поля, а сами устремлялись в завожские степи. Но когда приток работников сюда бывал слишком большим и предприимчивые дельцы резко снижали расценки, симбирские крестьяне возвращались домой почти без заработка. Такая неудачная попытка поправить свои дела работой на стороне окончательно разоряла бедняка.

Тяжелое положение в деревне часто ухудшалось вследствие пожаров, засух, градобитий, эпидемий, появлением на полях вредных насекомых и т. п. Констатируя рост недоимок по губернии в 1884 году, симбирский губернатор в отчете объяснял причины этого следующим образом: «Увеличение недоимок, — писал он, — главным образом произошло от обеднения крестьян, вследствие плохого урожая хлебов в 1880, 1881 и 1882 годах и почти полного неурожая в 1883 году. Урожай же в отчетном году хотя и подавал надежды на успешное поступление в казну окладных сборов, но отсутствие сбыта продуктов сельского хозяйства и установившиеся вследствие того низкие цены на хлеб вынудили землевладельцев уклоняться от своевременного взноса сборов. Крестьянское же население, хозяйство которого подорвано плохими урожаями последних лет, обязано было одновременно с казенными сборами выплачивать долги»¹.

Но одной из важнейших причин обеднения крестьян была эксплуатация их помещиками и кулаками. Крестьянин «С—в» в статье «По поводу кулачничества» так рассказывал об этом: «Люди, приобретшие себе звание кулаков, завелись чуть ли не в каждом крестьянском обществе. Деятельность кулаков в большинстве случаев не ограничивается одной скупкой крестьянских наделов: они эксплуатируют общественное достояние всевозможными средствами и, между прочим, денежными ссудами на общественные надобности», которые они ссужают обществу за огромные проценты². По мнению другого автора, благодаря кулачеству появился сельский пролетариат. «Каждый крестьянин, случайно ли обедневший или разорившийся по своей вине, — пишет он, — попадает в руки местному кулаку, скупщику земельных наделов, который вносит от его имени выкуп и укрепляет за собой законным

порядком выделенную землю, а обедневший и уже обезземельный крестьянин с своей семьей ложится тяжелым бременем на сельское общество, членом которого он остается и которое обязано отвечать за него платежом всех повинностей»¹. Многие из кулаков-мироедов, указывалось еще в одной заметке, скупили за последнее время по 50—200 десятин, разбогатели «и стали настоящими помещиками»².

Для предотвращения дальнейшего разложения общины местные ее защитники требовали ввести запрет на выкуп наделов отдельными крестьянами, тогда, мол, и кулаки не смогут скупать земли, тогда и община сохранится, и пролетариат не будет образовываться. Слово пугая читателей, один из анонимных защитников общины писал: «Развитие пролетариата породило коммунизм. Общеизвестно, что мы ограждаемся от пролетариата единственно общинным земельным владением, следовательно, необходимо всеми имеющимися средствами укреплять это владение»³.

По поводу намерения симбирских земцев ходатайствовать перед правительством об ограничении права крестьян продавать свои наделы в столичной газете появилась заметка, в которой корреспондент язвительно заметил, что земцы «забыли указать на самих себя, как на главных эксплуататоров крестьянского труда». По словам автора, хорошо знавшего местные дела, имения симбирских помещиков держатся на том, чтобы, «пользуясь нуждой крестьянина, подешевле сдать ему обработку своих полей. Подобная систематическая эксплуатация может выйти поважнее покупки нескольких усадеб кулаками»⁴.

«Симбирская земская газета» расценила эту публикацию как либерализм «самой низшей пробы», но опровергнуть фактами обвинение в эксплуатации крестьянства местными privilegiрованными владельцами она даже и не попыталась.

Несколько решительнее и реалистичнее были споры о преобразовании крестьянских учреждений. Либералы, воспользовавшись известным апрельским циркуляром министра внутренних дел, приглашавшим земства высказать свое мнение по этому вопросу, требовали коренной перестройки не только сельского управления, но и других учреждений и расширения полномочий земств, ликвидации сословных выборов, боль-

¹ ГАУО, ф. 76, оп. 8, д. 493, л. 78.

² Симбирская земская газета, 1881, 9 августа.

¹ Симбирская земская газета, 1881, 8 февраля.

² Там же, 22 февраля.

³ Там же, 23 августа.

⁴ Там же, 11 октября.

шей гласности в рассмотрении всех злободневных вопросов и даже — создания общероссийских земских органов хотя бы с совещательными правами.

Протоиерей А. Баратынский в статье «О крестьянском самоуправлении» писал: «Всем бросается в глаза чрезвычайная сложность губернских учреждений, не только по крестьянским учреждениям, но и по всем делам общего губернского управления». Участие губернатора во многих учреждениях, по мнению протоиерея, подает ему повод «действовать в оных в качестве начальника губернии», а от этой излишней опеки «часто нарушается, тормозится самостоятельность и независимость их действий»¹. Некто «Х» в «Открытом письме в общую комиссию по крестьянскому делу» высказал еще более радикальные взгляды: «В деле благоустройства крестьян весьма существенное значение имеют всеобщие выборы; верная постановка их дает большую гарантию успеха всего дела. Во всесословных учреждениях выборы сословные — нелепость». Если дворянские выборы, пояснял он, «широки и доступны», то крестьянские выборы — «опутаны, ограничены»².

В такой обстановке общественного возбуждения комиссия, избранная Симбирским губернским земством для обсуждения преобразования крестьянского управления, приняла решение: «не ограничиваться министерскими вопросами, а войти в рассмотрение коренного преобразования крестьянских учреждений». Эта комиссия создала проект положения, согласно которому сельская община сохранялась и контроль над ней даже усиливался. Гласный Н. Крылов (отец советского академика-кораблестроителя) резко выступил против: «От множественности начальства наши деревни превратятся в военные поселения. Уменьшать и упрощать надо механизм управления, а не усложнять, как проектировано...»³. Его поддержали и другие передовые земцы, но большинство далее «благих пожеланий о примирении интересов помещиков и крестьян так и не пошло. А реальная власть осталась в руках все того же исправника, от которого зависело, как говорили крестьяне, «и помиловать, и в клоповник посадить».

¹ Симбирская земская газета, 1881, 4 октября.

² Там же, 28 августа.

³ Там же, 11 октября.

НАСТУПЛЕНИЕ РЕАКЦИИ

К весне 1882 года правящая придворная клика поняла, что главные силы «Народной воли» разгромлены, либеральная оппозиция деморализована и разобщена, а основная масса крестьянства все еще продолжает верить в «батюшку царя». Тогда, под нажимом главных идеологов реакции редактора «Московских ведомостей» М. Н. Каткова и советника царя К. П. Победоносцева, Александр III произвел замену ключевых постов в правительстве.

Вместо министра народного просвещения А. П. Николаи — человека, обладавшего определенной независимостью и честностью, — в марте месяце был назначен верный сторонник Каткова граф И. Д. Делянов. Через два месяца министр внутренних дел Н. П. Игнатьев, потакавший на словах либералам и недостаточно яро боровшийся за укрепление самодержавия, уступил свой пост «верному ученику и последователю Каткова»¹ графу Д. А. Толстому. Когда М. Е. Салтыков-Щедрин узнал о новом взлете этого ультрареакционера, он пришел в неистовство. «Как, — кричал Салтыков, — этого тюремщика, который дурацким классицизмом отправил десятки юношей на тот свет?! Да он теперь всю Россию в кандалы закует! Только как бы им не проигратся!»²

Но могущественные и непреклонные апологеты самодержавия не сразу перешли в открытое наступление против «паршивого либерализма». Они были вынуждены осуществить ряд мероприятий, направленных на ослабление недовольства народных масс. Для «успокоения» бывших помещичьих крестьян было объявлено о прекращении с 1 января 1883 года их временнообязанных отношений с помещиками. Одновременно все категории крестьян переводились на выкуп, причем размер выкупных платежей за земельные наделы чуть понижался. В том же 1882 году правительство, напуганное подъемом рабочего движения, наконец-то приступило к разработке законодательных мер по ограничению произвола заводчиков и фабрикантов.

В то же время в тиши министерских кабинетов разраба-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 48.

² Турков А. Салтыков-Щедрин. М., Молодая гвардия, 1965, с. 289—290.

тываются контрреформы: по преобразованию земства — с тем чтобы резко усилить во всех органах влияние помещиков-дворян, по перестройке судебных уставов — для ограничения прав присяжных заседателей и ликвидации независимости судей от государственных чиновников, по ограничению университетской автономии и усилению «религиозно-нравственного элемента» в народной школе.

Своеобразным руководством к действию для реакционеров в области народного образования стали «Заметки о сельских школах» С. А. Рачинского, впервые появившиеся в 1881 году на страницах газеты «Русь». Бывший профессор Московского университета полагал, что все сельские школы находятся под «четверным контролем» — дирекции народных училищ, духовного ведомства, училищных советов и местной полиции, и подверг резкой критике этот квартет. Членам училищных советов, полиции и духовенству было поставлено в вину их формальное отношение к сельским школам. Что касается чиновников министерства народного просвещения, то С. А. Рачинский был убежден в том, что они не понимают «истинных потребностей народа». В частности, того, что крестьяне, мол, желают, чтобы их дети прежде всего знали церковнославянский язык, умели читать Часослов, Псалтырь и другие богослужебные книги, а также читать по покойникам и участвовать в церковном хоре. В единении народа на почве церкви и сельской школы Рачинский видит единственное средство для выхода из «тысячи противоречий», в которых погрязла Россия. И этому единению должны способствовать «дружные усилия верующих». «Медлить невозможно; предостережений было довольно!» — восклицал воинствующий профессор.

Решение этой неотложной задачи, по его мнению, зависит от того, кто будет основной фигурой в школе. Питомцы учительских семинарий нередко хорошие как педагоги, но жалование их мизерно, и потому многие из них недовольны своей судьбой, становятся в позу обиженных. Главным учителем, причем почти всех предметов, должен стать священник — такова мысль автора «Записок».

Симбирское духовенство с полным сочувствием отнеслось к «Запискам» Рачинского. Протоиерей А. И. Баратынский уже 28 марта 1882 года в «Симбирской земской газете» подверг критике дирекцию народных училищ губернии за пристрастие к «отвлеченным педагогическим приемам», насаждение на уроках «слишком формального, школьного» характера изучения закона божьего. Что именно он под этим под-

разумевал, видно из такой тирады: «Какую пользу принесет детям перевод церковных песнопений и молитв на русский язык, когда глубокий смысл их в славянском тексте, в большинстве случаев, не изъяснимом для детей никакими школьными приемами и толкованиями».

Протоиерей обратил внимание властей и на то, что происходивший в 1881 году под руководством И. Н. Ульянова инспекторский съезд значительно сократил число учебных часов по закону божьему и «без всяких мотивов, и в таком урезанном виде рекомендовал программу эту законоучителям к руководству».

К сожалению, Баратынский был далеко не единственным поклонником Рачинского. В связи с этим инспектор народных училищ К. М. Аммосов писал 17 марта 1882 года своему бывшему коллеге по Симбирску В. И. Фармаковскому: «Начальное народное образование чуть ли не возвращается опять к тем временам, когда оно состояло больше на бумаге, чем в действительности. Грустно». Трудно было всем ревнителям народного образования, по, понятно, что наибольшие неприятности выпадали на долю И. Н. Ульянова, ведь ему, как руководителю, приходилось отбивать самые наглые выпады реакционеров. В борьбе за дело своей жизни он был и бойцом и дипломатом, но иногда и у него не выдерживали нервы. «Об Илье Николаевиче, не знаю, что и сказать, — признался К. М. Аммосов в письме от 8 апреля того же года В. И. Фармаковскому. — Циркуляр Сабуровский совершенно презирается им, что выходит иногда дико».

Да, было чему удивляться Аммосову: ведь его директор игнорировал министерское требование о недопущении никого к учительству «без предварительного сношения с местными губернаторами» о политической благонадежности будущих педагогов. Но все-таки чаще Илья Николаевич проводил задуманное, опираясь на правительственные документы, умело используя противоречия или недомолвки в них. Это хорошо видно на примере истории исчезновения церковноприходских школ в губернии.

В 1881 году симбирский епископ, в ответ на запрос обер-прокурора святейшего синода К. П. Победоносцева о паличии церковноприходских школ в губернии, ответил, что еще в 1879 году все они «дирекцией народных школ, без сношения с епархиальным начальством, перечислены в ведение земства или сельских обществ». Обер-прокурора такой ответ не удовлетворил, и он потребовал подробных объяснений.

Симбирская духовная консистория обратилась с запро-

сом к директору народных училищ, на что И. Н. Ульянов не без иронии ответил, что «церковноприходскими школами называются такие школы, которые учреждены духовным ведомством и содержатся на его счет или на счет церквей, и таких школ в Симбирской губернии нет. Если и есть в губернии школы, учрежденные по инициативе священников, то из этого еще не следует, чтоб такие школы были церковноприходскими». Что же касается закрытия тех, которые имелись раньше, объяснил он, то их перевод в ведение дирекции народных училищ произведен на основании циркуляра попечителя учебного округа, предписавшего в 1870 году «отбросить» деление начальных училищ по ведомствам».

Формально такое объяснение свидетельствовало о правомерности действий И. Н. Ульянова по вопросу, поднятому Победоносцевым. Но положение симбирского владыки от этого не улучшалось. Понимая, что допустил серьезную оплошность, он принимает энергичные меры, чтобы как-то выправить дело, возродить церковноприходские школы.

Летом 1882 года М. Н. Катков опубликовал в своей газете «Московские ведомости» серию статей, в которых подверг резкой критике всю систему народного образования, доказывал необходимость расширения сети церковноприходских школ и потребовал коренной перестройки подготовки учительских кадров. Он со злой иронией отметил и то, что в земских школах «задают тон полуграмотные верхогляды, просидевшие после сохи три года в так называемых учительских семинариях и тракующие свысока священника».

Почувствовав, откуда ветер дует, симбирские крепостники и церковники усиленно заговорили о сомнительной политической благонадежности выпускников Порецкой учительской семинарии и бесполезности земских затрат на содержание в ней своих стипендиатов. И даже некогда игравшие в либерализм земцы стали соглашаться с утверждениями катковцев, что выпускники из села Порецкого якобы не являются лучшими по уровню профессиональной подготовки. При этом они не гнушались фальсифицировать взгляды народа на свои потребности, утверждая, что крестьянин желает лишь того, чтобы его сын был силен в знании слова божьего и ценни в духовном, а затем — умел бы читать по-славянски, по-русски и считать на счетах. «Вот все, — говорилось в докладе губернской земской управы в 1882 году, — что требует от школы наш крестьянин. Семинаристы же учителя главным образом сильны в преподавании по так называемым усовершенствованным учебникам».

К счастью, в земстве имелись сторонники и защитники новой школы. Гласный от крестьян И. Сборщиков, например выступая на сессии губернского земского собрания 1882 года, отверг, как необоснованные, утверждения управы о стремлении крестьян ограничиться знанием закона божьего и начатками грамоты. Крестьяне хотят, твердо заявил Сборщиков, чтобы их дети «получили и другие сведения» и смогли «продолжать образование в средних и высших учебных заведениях».

В поддержку народной школы и Порецкой семинарии выступали А. Ф. Белокрысенко, Н. А. Анненков, Ф. А. Знаменский и другие либералы. Гласный А. П. Федоров, выступая на той же сессии, решительно возразил против предложения реакционеров о прекращении земских субсидий семинарии, заявив, что ее выпускники «более подготовлены к учительской деятельности, чем остальные учителя». Подобная же полемика происходила и в уездных земствах. В конце концов было решено земские стипендии в семинарии пока сохранить.

Но борьба за дальнейшую судьбу Порецкой семинарии на этом не закончилась. Более того, власти при каждом удобном случае старались подчеркнуть И. Н. Ульянову свое неприязненное отношение к ее питомцам. Особенно наглядно это проявилось в связи с делом воспитанников И. Агафонова и А. Кульчихина, исключенных из нее за ведение революционной пропаганды.

В 1882 году А. Кульчихин, уже после отбытия наказания, сдал экстерном экзамены на звание учителя. Илья Николаевич решил было выдать ему установленное свидетельство. Но в дело вмешался симбирский губернатор Н. П. Долгосабуров. «Я знаю, — писал он И. Н. Ульянову, — что с Кульчихина теперь снято обвинение в политической неблагонадежности, но он ведь и учился неудовлетворительно в семинарии». На этот недвусмысленный намек Илья Николаевич пояснил, что юноша после исключения из семинарии «имел время подготовиться» к желаемой работе, что и доказал успешной сдачей экзаменов. Губернатор понимал формальную правоту объяснений директора народных училищ и поэтому воздержался от прямого запрета Кульчихину заниматься педагогической деятельностью. Но не забыл в следующем письме И. Н. Ульянову выразить лицемерное сомнение, что «хоть в какой-нибудь степени полезны для начальных школ подобные учителя». И потребовал, чтобы при подборе педагогов директор не ограничивался «формальным сношением» и интересовался «направлением умов» принимаемых

на службу педагогов у лиц, «которым об этом может быть известно», то есть в полиции.

Когда истек трехлетний срок ссылки И. Агафонова, он тоже стал хлопотать о разрешении ему сдать экстерном на звание учителя начальной школы. Инспектор Алатырской гимназии П. П. Кочкин, имея соответствующие указания симбирского губернатора, отклонил прошение. Но допустил при этом, по словам Долгово-Сабурова, «легкомыслие или дешевый либерализм»: познакомил Агафонова с секретным предписанием, запрещающим прием на службу политически неблагонадежных лиц.

Губернатор резко отчитал Кочкина за оплошность и, кроме того, пожаловавшись попечителю Казанского учебного округа, попросил напомнить всем подчиненным чиновникам о недопустимости разглашения конфиденциальных циркуляров о политических поднадзорных. «Считаю не лишним присовокупить, — заметил симбирский сановник, — что в начале текущего года (1883. — Ж. Т.) был уже подобный случай с директором народных училищ действительным статским советником Ульяновым, но я тогда лично выяснил г. Ульянову всю неуместность его поступка».

Но если бы дело заключалось в каком-то единичном факте... Губернатор без устали указывал директору народных училищ и его помощникам на неблагонадежность поречан. «В последнее время, — писал он в одном из отношений И. Н. Ульянову, — направление некоторых воспитанников Порецкой семинарии стало возбуждать сомнение (напр., Зотов, Агафонов), я позволю себе просить Ваше превосходительство — не изволите ли полезным дать ... указания, что при назначении на должности учителей народных школ следует делать более тщательный между воспитанниками выбор».

И несмотря на прямые и косвенные нападки столичных и местных катковых, Илья Николаевич всеми силами отстаивал Порецкую семинарию, и не только ее. Блестящим свидетельством этой борьбы является его «Записка об учительских семинариях и училищных советах», направленная в министерство народного просвещения.

«Существование учительских семинарий, по моему мнению, неразрывно связано с существованием начальных училищ, если последним предполагается дать прочную и плодотворную организацию, — смело писал Илья Николаевич. — В самом деле, можно ли утверждать, что начальное обучение, понимаемое даже в скромных размерах сознательной грамотности, не пуждается в преподавателях, специально

подготовленных к своему делу? Полагаем, нельзя: даже самый вопрос пора считать общим местом, оспаривать которое — значит утверждать, что будущему врачу нет нужды изучать медицину, садовнику — садоводство и т. п.»

Решительно заявив, что считает «вопрос о существовании семинарии в принципе бесспорным», Илья Николаевич убедительно доказывал, что выпускники Порецкой семинарии по уровню своей подготовки и результатам практической работы стоят неизмеримо выше прочих учителей.

«Дорого также и то, — говорилось далее в «Записке», — что подготовленные учителя настроены на более или менее возвышенный тон в своих отношениях к школе, и, очевидно, благодаря преимущественно этому настроению, вложенному в них педагогическим учебным заведением, их воспитавшим, они строго относятся к обязанностям и ведут себя прилично званию»¹.

Настойчивая борьба Ильи Николаевича Ульянова и его соратников за Порецкую семинарию увенчалась успехом: хотя и ослабленная материально, эта кузница учительских кадров продолжала пополнять ряды тружеников народной школы, учителей нового типа. Этому успеху в немалой степени содействовали публичные выступления Н. А. Корфа, В. И. Водозова, Н. В. Шелгунова, М. Е. Салтыкова-Щедрина и других заступников земской школы и учительских семинарий.

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ПОДПОЛЬЕ

Почти полтора десятка лет правительство избегало назначать местами ссылки города, где имелись университеты и гимназии, с тем чтобы не допустить контактов революционеров с учащейся молодежью. После «хождения в народ» власти остерегались ссылать и в уездные города, а тем более в села, так как просто не хватало жандармов для слежки за всеми «неблагонадежными лицами». Поэтому в связи с революционной ситуацией в Симбирске, как и в других губернских городах, появилось небывалое доселе число участников освободительного движения, состоявших под гласным (то есть находившихся в ссылке) или негласным (секрет-

¹ Исторический архив, 1959, № 3, с. 200—204.

ным) надзором полиции и жандармерии. Это: братья Коведяевы, их сестра Л. Е. Воронцова, Л. И. Прохорова, Н. Е. Петропавловский (Каронин), А. А. Кадыян, П. И. Горбунов, М. И. Гисси, Л. И. Сердюкова и другие.

Самой колоритной фигурой среди ссыльных был Александр Александрович Кадыян. Еще студентом Петербургской медико-хирургической академии он принял активное участие в волнениях молодежи, за что в 1870 году побывал в тюрьме. В 1872—1873 годах А. Кадыян ездил за границу и внимательно изучал работу Женевской секции I Интернационала. Под влиянием русской революционной эмиграции у него складывается понимание задач «Народной партии России»: борьба за политические реформы, пропаганда в народе и среди интеллигенции, поддержка лиц, «пострадавших за свою деятельность в пользу Народной партии», выработка отношений с русской политической эмиграцией и с «социально-демократическими партиями» Европы и Америки¹.

В 1873 году А. Кадыян блестяще заканчивает академию и едет земским врачом в Николаевский уезд Самарской губернии, где ведет пропаганду среди арестантов местной тюрьмы и крестьян окрестных сел. Летом 1874 года он был арестован и более трех с половиной лет пробыл в тюрьме. На знаменитом «Процессе 193-х» прокурор посвятил ему почти треть всей обвинительной речи.

Романтик и боец по натуре, интернационалист по убеждениям, А. Кадыян после выхода на волю едет добровольцем на Балканы и сражается там на стороне славян против османского ига. В 1879 году, уже в Петербурге, он снова попадает в тюрьму за связь с революционными кружками и хранение «книг социалистического содержания». Летом того же года он был сослан в Симбирск. В это же время репрессиям подверглась и его жена — Анна Юльевна.

С трудом устроившись в губернскую земскую больницу, А. Кадыян создает образцовое хирургическое отделение. Здесь он первым в России произвел операцию по удалению почки. В 1884 году за диссертацию «Материалы к изучению архитектуры стопы» ученый совет Петербургской медико-хирургической академии присвоил ему степень доктора медицины. Эту тему рекомендовал Кадыяну П. Ф. Лесгафт.

Талантливый доктор принимал активное участие в общественной жизни Симбирска: в работе медицинского общества, врачебных конференций, заседаний комитета Карамзин-

ской библиотеки (вместе с И. Н. Ульяновым). В середине 80-х годов А. А. Кадыян произвел тщательное исследование условий жизни трудящихся, по материалам которого представил доклад в комиссию по улучшению санитарного дела и уменьшению смертности, возглавляемую С. П. Боткиным. В нем, в частности, говорилось: «Население пьет ужасную воду, деревни тонут в грязи... Народ грязен, нечистоплотен, живет скученно, в скверных избах, ест отвратительно, он невежествен, заражен массой предрассудков, а главное, очень беден»¹.

Сам врач-революционер делал все, что мог, для облегчения участи обездоленных. «Ежедневно десятки больных, — отмечалось на одном из заседаний симбирской городской думы, — посещали Кадыяна, и он никому не отказывал в помощи».

Любя свой народ и понимая истинные причины его нищеты и страданий, супруги Кадыян поддерживали связи с борцами против самодержавия. Вот что говорится об этом в донесении, которое в марте 1887 года направил в Петербург начальник Симбирского губернского жандармского управления: «Сколько я мог изучить Кадыяна и его жену в продолжение их пребывания в Симбирске, то пришел к убеждению, что они не сочувствуют правительству». И не было «ни одного лица, — продолжал жандармский генерал, — которое высылалось в Симбирск под надзор полиции за политические преступления, которых бы он и его жена не знали и в которых бы они не принимали участия, а таких лиц немало перебывало в Симбирске, но все это он и его жена делали тайно».

А в Симбирске и губернии побывало немало участников освободительного движения. Летом 1880 года полиция наблюдает за студентом Казанского университета В. Топорным, подозревавшимся в симпатиях к «преступным действиям социалистов». Сначала он находился под надзором в Карсуне, где его брат Петр учительствовал в приходском училище, а затем в Симбирске, где другой брат — Иван — учился в духовной семинарии². В том же году был взят на учет в Симбирске активный участник «беспорядков» в Московском техническом училище С. Смирнов³. Весной 1881 года в симбирской слободе Канаве проживал выпущенный из

¹ Кох Б. Врач семьи Ульяновых. — Медицинский работник, 1958, 25 апреля.

² ГАУО, ф. 76, оп. 8, д. 446, л. 33—34; д. 466, л. 41—96.

³ Там же; д. 343, л. 1.

¹ ЦГАОР, ф. 112, оп. 2, д. 212, л. 4.

петербургской тюрьмы писатель-народник Н. Е. Петропавловский (Каронин). Здесь он, по некоторым сведениям, «подружился с местными крестьянами, вел с ними пропагандистские беседы». В 1882—1884 годах в Симбирске и губернии временно проживали и находились под надзором полиции В. И. Малкин¹, П. Д. Мельников, В. И. Горнов, П. Я. Корольков, В. А. Тарханов, М. Ф. Сюиненберг, В. М. Мошков, Ф. Н. Пекарский, А. И. Самойлов и другие политически неблагонадежные лица².

Некоторые поднадзорные, несмотря на кратковременность своего пребывания в пределах Симбирской губернии, все же были уличены в нелегальной деятельности.

У приехавшего в Сызрань бывшего студента Петербургского горного института С. П. Гудкова при обыске были найдены запрещенные издания: «Обвинительный акт по последнему процессу террористов, речь по последнему процессу террористов, воззвание Исполнительного комитета, программа для собирания сведений в провинции, несколько заметок подозрительного содержания и т. п.»³.

В Сызрани, по сведениям генерала фон Брадке, образовалось «общество социалистов», состоящее из 14 человек. Сюда приезжала «какая-то личность из Петербурга», вербовавшая в «социальное общество» новых членов из местных подмастерьев⁴.

Летом 1882 года в Симбирске остановились проездом возвращавшиеся из вятской ссылки выпускник технологического института М. Рабинович и мещанин А. Молоков. За короткое время они сошлись с местным подпольем и вызвали большую озабоченность властей. Генерал фон Брадке доносит в Петербург: «У Рабиновича... собирается днем и по вечерам много молодежи, которых соследить, кто они, местные ли или приезжие — нет возможности; в этой же квартире проживает вятский мещанин Арсений Молоков, личность крайне подозрительная; есть сведения, что он принадлежит к партии рабочего кружка... Жандармы, которых я переодёваю и посылаю только по ночам следить, тоже доставляют мне сведения, но все-таки не могут соследить, кто же те лица, которые посещают квартиру Молокова и Рабиновича; днем посылать туда жандармов опасно, так как их знают в городе — хоть бы и переодетых — следовательно, я остаюсь бес-

¹ ЦГАОР, ф. 102, 3-е дел-во, оп. 79, д. 1174, л. 1—3.

² ГАУО, ф. 76, оп. 8, д. 446, л. 33—34 об.; д. 466, л. 41—96.

³ ЦГАОР, ф. 102, оп. 201, д. 23621, л. 24.

⁴ Там же, ф. 102, 3 д-во, оп. 78, д. 590, л. 8.

сильным, — ловкий агент может завести знакомство, я помогу ему указаниями, и тогда может раскрыться все общество, существующее в Симбирске»¹.

Большинство политических поднадзорных, судя по официальному делопроизводству, не вело активной антиправительственной пропаганды, но несомненно, что уже само их пребывание в Симбирске и рассказы о причинах своей ссылки оказывали воздействие на людей, с которыми они соприкасались. При случае они снабжали местную интеллигенцию и учащуюся молодежь нелегальной литературой, передавали им опыт конспиративной деятельности, свои связи с революционным подпольем других городов и способствовали, таким образом, преемственности революционных традиций.

О том, что старания революционеров старшего поколения, даже в условиях реакции 80-х годов, не пропали даром, свидетельствует усилившееся в эти годы брожение среди учащейся молодежи.

* * *

Одновременно с гонениями на народную школу реакция шаг за шагом вела наступление против университетской автономии и очищение высших учебных заведений от «умственного пролетариата». Но уже осенью 1882 года студенты Москвы, Харькова и Казани воссоздают свои нелегальные кружки и организуют сходки. Крупные волнения произошли в конце октября в Казанском университете. Для пресечения студенческих сходок властям пришлось прибегнуть к помощи войск. Затем последовали репрессии, и около 30 студентов были исключены, а затем и высланы из города.

Симбирское студенческое землячество всегда было одним из многочисленных и боевых в Казани. Постоянное влияние оно оказывало на учащуюся молодежь и родного города: делилось опытом нелегальной деятельности, снабжало запрещенной литературой, а наиболее решительных юношей вовлекало и в активную антиправительственную деятельность.

С 1880 года роль связующего звена между студенческими землячествами Казани и учащейся молодежью Симбирска играла семья Черненковых, в составе которой было пятеро революционно настроенных людей. Это сестры-студентки Вера и Надежда Николаевны Черненковы (муж последней — М. А. Ибряев — был выслан в Симбирск за участие в волнениях петербургских студентов), Николай Николаевич Чер-

¹ ЦГАОР, ф. 102, 3-е дел-во, оп. 78, д. 590, л. 1.

пенков (впоследствии известный статистик народнического направления) и его жена — студентка Людмила Ивановна (урожденная Прохорова).

Н. Черненкова и Л. Прохорова были высланы из Казани в Симбирск по обвинению в «принадлежности к противоправительственной партии» под строгий надзор полиции. Здесь, в родном городе, вокруг них складывается тесный кружок из гимназистов и студентов. Сюда вошли А. П. Жарков (Никитин), П. Н. Давыдов, В. А. Аверьянов, В. А. Кандалов, В. А. Куренков, А. А. Лейман, И. А. Лиманов, братья-кузнецы И. А. и К. А. Фадеевы и другие.

Молодежь собиралась обычно в квартире Ибрияевых. Здесь обсуждали все злободневные вопросы, новинки нелегальной литературы, поступающей из Казани, Петербурга и Москвы, и, как установили впоследствии жандармы, даже рассуждали о необходимости «ниспровержения настоящего правительства путем насилия»¹.

Некоторые кружковцы пытались вести и революционную пропаганду. Так, в апреле 1881 года симбирским жандармам стало известно, по доносу хозяина иконостасной мастерской В. Е. Кулакова, что между гимназистом А. П. Жарковым и крестьянином Я. А. Лапшиным ведется переписка политического характера. Но обыска у гимназиста не произвели, так как от полицеймейстера поступило сообщение, что Жаркову «известно о полученном в мастерской Кулакова на его имя письме от Лапшина и что им, по всему вероятно, приняты меры к уничтожению всего того, что могло его компрометировать»². Обыск же у Лапшина состоялся, и жандармы получили веские доказательства политической неблагонадежности А. П. Жаркова. Дело о нем решено было не судебным, а административным порядком: Жарков был подвергнут гласному надзору полиции на два года.

В 1882—1883 годах в кружке произошли большие изменения. Н. Черненкова и Л. Прохорова поступили на акушерские курсы в Казани. Н. Н. Черненков, не окончив Симбирской классической гимназии, уехал в Москву, а затем в Орловскую губернию, где устроился в земстве статистиком. А. П. Жарков стал студентом Казанского ветеринарного института. М. А. Ибрияев умер от тяжелой болезни.

Руководителем кружка стал двадцатилетний Валентин Александрович Аверьянов. Этот юноша, учившийся одно вре-

мя с Александром Ульяновым, обладал недюжинными способностями, колоссальной памятью и даром слова. Но к овладению программным материалом он относился нехотя, несколько раз оставался на второй год в одном классе, а весной 1883 года вообще вышел из гимназии со свидетельством за седьмой класс.

Обладая небольшим состоянием, доставшимся от покойного отца, армейского капитана, В. Аверьянов целиком отдался подпольной работе. Нелегальную литературу он получал в основном от А. П. Жаркова, который привозил ее из Казани или передавал с оказией со студентами-земляками, а также от Н. Н. Черненкова из Москвы¹. Немало запрещенных изданий привозил из Самары гимназист А. Лейман.

Аверьянов и Лейман распространяли нелегальную литературу среди гимназических товарищей по кружку, кузнец К. Фадеев — среди воспитанников и мастеровых чувашской школы И. Я. Яковлева. Однажды, в октябре 1883 года, жандармы обнаружили у подмастерья А. Григорьева три прокламации «Исполнительного комитета по поводу события 1-го марта 1881 г.» и воззвание «Честным мирянам, православным крестьянам и всему народу русскому»².

На допросе А. Григорьев сознался, что найденные у него революционные издания принадлежат К. Фадееву. В связи с этим в квартире кузнеца был произведен обыск, во время которого жандармы нашли гектографированную биографию С. Перовской, «три воззвания по поводу казни виновников события 1-го марта 1881 г. и три экземпляра прокламаций 2-го марта того же года, тождественные с найденными у А. Григорьева»³. Сколько ни старались следователи, но им так и не удалось узнать у К. Фадеева, от кого он получил прокламации для распространения: кузнец упорно утверждал, что приобрел их вместе с книгами у неизвестного человека.

Благодаря хорошей аттестации, данной А. Григорьеву учителем чувашской школы Н. М. Охотниковым (которого В. Ульянов будет готовить в 1886—1887 годах к экзаменам на аттестат зрелости), дело было прекращено. К. Фадеев был подвергнут наказанию административным порядком, но уже в марте 1884 года он снова уличается в ведении пропаганды среди рабочих мастерских в Усольском имении графа Орлова-Давыдова. Из сохранившегося жандармского донесения

¹ ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 54, л. 125.

² Там же, ф. 76, оп. 1, д. 196, л. 1.

¹ ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 54, л. 10, 36, 37, 129.

² ЦГАОР, ф. 102, 3-е дел-во, оп. 201, д. 23621, л. 21.

³ Там же.

известно содержание бесед, которые К. Фадеев вел в доме столяра И. Дашкова в присутствии двух крестьян.

Он говорил о двуличии священников, которые требуют от верующих соблюдения постов, а сами их не соблюдают и «едят все мясную пищу». Затем К. Фадеев рассказал «про государственного преступника Желябова», который трудился только для блага крестьян и ремесленников. Отвечая на вопрос своих слушателей, за что он только что отсидел в тюрьме, К. Фадеев пояснил, что ему какой-то господин дал несколько печатных листков, которые очень занимательны, потому что из них можно извлечь много пользы, особенно они полезны для крестьян и для мастеровых людей.

«Тут все собравшиеся, — говорится далее в жапдармском донесении, — стали просить Фадеева, не может ли он им рассказать, что было написано в этих листках, и Фадеев начал им рассказывать, что в этих листках было написано про крестьян, что они угнетены и запуганы, имеют мало земли, терпят большую нужду, а все молчат и боятся просить государя, чтобы он наделил землею всех поровну, и что есть много таких людей, которые стараются крестьянам сделать добро, но их крестьяне боятся и не понимают потому, что крестьяне глупы. — Мастеровым тоже жить очень трудно потому, что им заработку платят очень дешево и не ценят их труда, как следует, фабрики все в руках богатых людей, которые и теснят рабочий люд, а если бы фабрики были в руках у мастеровых, то тогда бы было лучше. — Покойный государь вовсе не заботился о крестьянах и не жалел народ, хотя и отпустил на волю, но все-таки не наделил их сполна землею. Он и войско тоже не жалел, была война, сколько побито народа, а какую мы получили пользу — никакой»¹.

В заключение К. Фадеев сказал, что в письме Исполнительного комитета к Александру III революционеры предупредили царя, «чтобы он сделал для народа льготу и заботился о нем, а если не будет заботиться, то и его жизнь будет находиться в опасности, и с ним поступят так же, как и с его покойником отцом».

Генерал фон Брадке, полагая, что К. Фадеев подобные же «вредные толки» распространял и раньше, то есть в Симбирске, настоял перед департаментом полиции о его выселении из пределов своей губернии. К. Фадеев отсидит год в тюрьме, но потом, уже в Самаре, вновь будет уличен в хранении и распространении революционных изданий. Его брат, Пор-

фирий Фадеев, между тем продолжал оставаться членом кружка В. Аверьянова. Именно ему пересылал из Москвы нелегальную литературу студент университета (бывший кружковец) В. А. Кандалов. Вместе с В. Аверьяновым он налаживает гектографирование брошюр и листовок.

Нелегальные издания проникали даже в стены Симбирской духовной семинарии. В 1884 году директор департамента полиции П. П. Дурново сообщил в связи с этим в Симбирск, что в семинарии распространяются преступные издания, в том числе «Вестник «Народной воли», издаваемый за границей»¹. Получив этот сигнал, ректор вместе с симбирским епископом произвели «внезапный и одновременный осмотр книг и вещей у всех воспитанников семинарии». Но этот налет не дал желаемых результатов. Любопытно сообщение ректора о реакции семинаристов на обыск: «Большая часть из них подумала, что, вероятно, начальство искало между книгами запрещенного журнала «Отечественные записки»².

В. Аверьянов снабжал литературой своих близких знакомых по гимназии — П. Давыдова, И. Апарова, А. Жаркова и некоторых других. В 1883 году он подает мысль кружковцам о необходимости создать силами гимназистов и для них самих частную библиотеку, в которой были бы собраны произведения В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского, Д. И. Писарева и других демократов, именуемых начальством писателями «обличительного направления».

Директор гимназии, он же преподаватель словесности, Ф. М. Керенский категорически запрещал чтение такой литературы и добился того, чтобы ее не выдавали гимназистам в Карамзинской общественной библиотеке. Но историк Теселкин, заведовавший по совместительству гимназической библиотекой, все-таки не боялся преступать этот запрет и давал некоторым гимназистам кое-что из недозволенного.

* * *

Как мы уже знаем, Кузьма Фадеев на допросах в 1883 году не выдал людей, снабжавших его «нелегальщиной», и кружок В. Аверьянова благодаря стойкости рабочего уцелел от разгрома. Анализ сохранившихся документов показывает,

¹ ЦГАОР, ф. 102, 3-е дел-во, оп. 80, 1884, д. 610, л. 1.

² Там же, л. 17.

¹ ЦГАОР, ф. 102, 3-е дел-во, оп. 80, 1884, д. 331, л. 2.

что главное внимание в эпоху реакции кружок уделял созданию подпольных библиотек.

Одна из них целиком состояла из революционных брошюр и листовок, полученных из симбирских студенческих землячеств Казани, Москвы и Петербурга, а также отгектографированных В. Аверьяновым. За хранение, а тем более распространение таких изданий власти жестоко карали, вплоть до тюремного заключения и высылки в «места отдаленные или не столь отдаленные». Разумеется, что о месте хранения этого собрания, главным образом народовольческой литературы, кроме самого руководителя кружка знали еще один-два человека. В этом хранилище были выписки из герценовского «Колокола», «Программа Исполнительного комитета и рабочей группы партии «Народная воля» и подготовительные работы партии», письма из Петропавловской крепости «От мертвых к живым», «Воззвание от Исполнительного комитета к офицерам русской армии», «Пропаганда и терроризм» и даже сборник «Отклики с Волги. Стихи и песни» и гектографированная тетрадь «Какова моя вера» Л. Н. Толстого¹. Такие «крамольные вещи» выдавались только наиболее надежным кружковцам.

Другая библиотека комплектовалась из легально изданных в свое время книг и журналов, но изъятых из обращения в публичных библиотеках и общественных читальнях согласно вышедшим в 1884 году «Временным правилам». Размещалась она по частям на квартирах гимназистов, избранных в своем классе библиотекарями. Эти доверенные лица принимали от соучеников взносы книгами или деньгами (они расходовались на выписку журналов, покупку тех или иных книжных новинок), а также осуществляли обмен литературы.

Директор гимназии Ф. М. Керенский при посещении ученических квартир обязательно просматривал все имевшиеся там книги. Во время одного из таких обходов он обнаружил у гимназиста А. А. Леймана 30 книг, не имеющих ничего общего с программами учебного курса. Все эти книги, написанные, по терминологии Керенского, авторами «обличительного направления», он, не имея на то законного основания, конфисковал.

Ввиду того что в таких внезапных обходах по указанию директора участвовали инспектор и все классные наставники, возникла угроза существованию и других частей библиоте-

ки, поэтому их решено было сосредоточить в одном месте. А. Лейман, П. Давыдов и некоторые другие члены кружка уехали на учебу в университетские города, и уцелевшие 322 книги собрал у себя дома один из ближайших помощников В. Аверьянова, выпускник Симбирской классической гимназии 1885 года А. М. Жарков. Это было в мае этого же года, а 15 августа, по согласованию с В. Аверьяновым, находившимся в это время в родном селе Верхняя Маза Сызранского уезда, А. Жарков сдал всю библиотеку кузнецу П. А. Фадееву. Жандармы напали на ее след при следующих обстоятельствах.

11 августа 1865 года из Казани приехал учитель оренбургских приходских училищ А. А. Малиновский, входивший ранее в кружок Аверьянова. Внезапный обыск, произведенный по анонимному доносу 15 августа у Малиновского, позволил обнаружить у него «около десяти гектографированных брошюр революционного содержания и несколько прокламаций, относящихся до событий прошедшего царствования, а также бланки Красного креста «Народной воли» за 1885 год для сбора пожертвований»¹.

Слухи об этом происшествии, несмотря на все предосторожности со стороны жандармов, быстро разнеслись по Симбирску. Кузнец П. Фадеев с помощью подмастерья С. Полякова перевез гимназическую библиотеку к другу и единомышленнику Василию Маненкову. Затем, уже один, принес связку гектографированных и рукописных брошюр и тетрадей.

Квартирантка Маненковых, случайно заметившая перевозку библиотеки, донесла об этом жандармам. Те нагрянули и изъяли 322 книги, а также 34 гектографированные и рукописные тетради и брошюры. Обыск у кузнеца П. Фадеева ничего не дал. На допросах он упорно отстаивал свою версию, что книги «купил на базаре у неизвестного человека, между которыми могли быть и запрещенные издания».

Однако Малиновский, бывший воспитанник Симбирской духовной семинарии, смалодушничал и рассказал следователю почти все, что знал о симбирском подполье и его связях с революционерами Казани, Москвы, Самары, Петербурга, Саратова. Откровенные показания дал в Петербурге, а затем и в Симбирске А. М. Жарков.

Выяснилось, что значительная доля революционных изданий, принадлежавших кружку Аверьянова, поступила от

¹ ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 51, л. 116.

¹ ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 52, л. 7.

казанских студентов В. Бурлакова, Д. Гончарова, В. Волкова — бывших одноклассников Александра Ульянова. Симбиряне совместно с И. Н. Смирновым и В. А. Муратовым организовали в Казани типографию и снабжали земляков-гимназистов народовольческой литературой. Волков помог Аверьянову наладить перепечатку популярной революционной литературы в Симбирске.

Немногое дал жандармам налет в дом В. Аверьянова в Верхней Мазе. Перед тем как они ворвались в комнату, юноша уже успел сжечь в печи наиболее компрометировавшие его бумаги и письма. На допросах он держался стойко и умело, отрицая передачу кому-либо нелегальных изданий. В списке вещественных доказательств, составленном жандармами, значилось, что отобрали у В. Аверьянова «Основания политической экономии Милля с примечаниями Чернышевского», «Положение рабочего класса в России» Н. Флеровского, «Современный социализм» Э. Лавеле в переводе М. А. Антоновича и другую — социально-экономическую литературу. Взяв с Аверьянова подписку о невыезде, жандармы продолжают следствие над находящимися под стражей А. Малиновским, П. Фадеевым и В. Маненковым.

По просьбе генерала фон Брадке его коллеги в Казани, Москве, Петербурге и других городах произвели обыски и допросили бывших кружковцев, проверяли благонадежность всех лиц, чьи фамилии фигурировали в материалах следствия. Начальнику Казанского губернского жандармского управления Брадке направил шесть записок с химическими формулами, отобранных у А. Малиновского, и попросил, с помощью профессоров университета, установить, не составляют ли они «формулы каких-либо взрывчатых материалов». Одновременно генерал просил коллегу выяснить у студента Казанского ветеринарного института И. Лиманова, кому из симбирских гимназистов В. Аверьянов передал осенью какие-то книги¹.

Начальник Орловского губернского жандармского управления по письму Брадке собирал сведения о политической благонадежности соученика В. Аверьянова по Симбирской гимназии Н. Н. Черненко, служившего в городе Мценске. Начальник самарской жандармерии по сигналу Брадке наводил справку у С. М. Россиянова, кто у него под Хвалынском «проживал из гимназистов в качестве репетитора в продолжение лета 1884 года». Выполняя указания жандармско-

го генерала, симбирский и буинский исправники ведут слежку за крестьянами села Загудаевки Н. Х. Антоновым и Н. Н. Киселевым, так как у Аверьянова были отобраны адресованные им почтовые конверты¹. Письма Брадке направлялись также и в департамент полиции, и прокурору Казанской судебной палаты.

Разумеется, генерал обращался и в различные местные органы. Ректор духовной семинарии, по запросу Брадке, выяснял степень благонадежности А. А. Малиновского во время его учения в семинарии, то есть до 1883 года. От управляющего Симбирской удельной конторой А. Ф. Белокрысенко требовалась характеристика на вольнонаемного писца В. И. Маненкова, подчиненного ему по службе. Зная, что В. Маненков в течение пяти лет работал сельским учителем, жандармский генерал направил письмом И. Н. Ульянову, в котором попросил охарактеризовать, «какого он направления и образа мыслей». Илья Николаевич довольно хорошо знал Василия Маненкова, ибо того с детства опекали его близкие знакомые В. Н. Назарьев и И. Я. Яковлев, а в чувашской школе он был одним из лучших учеников. Да и учительствовал Маненков довольно усердно и умело. Было у него, правда, столкновение с местным священником, вследствие чего, по требованию Симбирской духовной консистории, и был уволен с должности. Но в образе мыслей Маненкова директор народных училищ не замечал «ничего предосудительного в нравственном и политическом отношении»².

Словом, дело получило довольно широкую огласку, и, как ни старались жандармы действовать незаметно, о нем прослышали очень многие симбиряне. Ведь об обысках у Малиновского, Маненкова, Фадеева, Аверьянова знали соседи, родственники, дворники, понятые, полицейские. Задержанных не раз водили под конвоем из полицейской части в жандармское управление, а все это происходило в центре города. Но особенно внимательно следили за этой пашумевшей историей и терялись в мучительных догадках, чем она кончится для обвиняемых, конечно, воспитанники и учителя классической гимназии. Интерес их вполне понятен, ибо о существовании недозволенной начальством библиотеки знали не только ученики, но и многие преподаватели. А. М. Жарков на допросе сделал об этом официальное заявление. Вот как оно изложено в письме фон Брадке от 28 ок-

¹ ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 51, л. 56.

¹ ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 51, л. 50, 51.

² Там же, д. 52, л. 5.

тября 1885 года директору Ф. М. Керенскому: «Библиотека составлялась на деньги, пожертвованные гимназистами Симбирской классической гимназии; назвать фамилии этих гимназистов он не может, так как начиная с 4-го класса почти все гимназисты, за весьма малым исключением, давали на эту библиотеку деньги и книги. Библиотека начала составляться в сентябре 1884 года, хотя о заведении ее между гимназистами шел разговор в декабре месяце 1883 года.

Библиотеку эту он, Жарков, при отъезде в Петербург, передал имеющему в Симбирске слесарную мастерскую по Большой Конной улице Порфирию Андреевичу по фамилии Фадееву. Библиотека эта была помещена у него, Жаркова, в мае месяце 1885 года, до того же времени она находилась по рукам гимназистов и вообще, заявив в заключение Жарков, «библиотека наша не составляла особого секрета», и мне даже кажется, что о ней знало и гимназическое начальство»¹.

«ПО ДУХУ БРАТЯ МЫ...»

Освободительное движение 70—80-х годов наложило определенный отпечаток не только на социально-экономическую жизнь России, но и на духовную атмосферу каждой семьи, особенно разночинной интеллигенции.

Илья Николаевич Ульянов проявил себя «шестидесятником» как на педагогическом фронте, который, по определению Н. К. Крупской, был «в то время фронтом борьбы против крепостничества», так и в методах обучения и воспитания своих сыновей и дочерей. При этом он творчески использовал все лучшее, что печаталось по вопросам педагогики и дидактики на страницах некрасовского «Современника», а также труды К. Д. Ушинского и Л. Н. Толстого. Но особенно усердно, как педагог и просветитель, он изучал Н. А. Добролюбова. Надежда Константиновна указывала в связи с этим: «Добролюбов покориł и честное сердце Ильи Николаевича, и это определило работу Ильи Николаевича как директора народных училищ Симбирской губернии и как вос-

питателя своего сына — Ленина — и других своих детей, которые все стали революционерами»¹.

Вместе с Марией Александровной, которая, по выражению старшей дочери, тоже была прекрасным педагогом в душе, он готовил своих ребят к поступлению в мужскую и женскую гимназии, привлекал к этой работе лучших учителей народных школ города. А когда сыновья и дочери становились гимназистами, разъяснял наиболее трудные разделы учебников, указывал на дополнительную литературу, руководил их внеклассным чтением, знакомил с новейшими физическими приборами и моделями, учил играть в шахматы, путешествовал со старшими по Волге. «И все в нем: его речь, сама его личная жизнь, проникнутая верой в силу знания и добра в людях, — действовало, несомненно, развивающим и гуманизирующим образом на детские души, и мы, — вспоминала Аппа Ильинична, — рано научились признавать необходимость и важность знания».

Огромное влияние на детей оказывало и самоотверженное служение отца на ниве народного просвещения. Они рано поняли, по словам Анны Ильиничны, что «...дело — нечто высшее, чему все приносится в жертву. Его оживленные рассказы об успехах строительства в его деле, — продолжала она, — о новых школах, возникающих в деревне, о борьбе, которой это стоило, — и с верхами (власть имущими, помещиками), и с низами (темнотой и предрассудками массы), живо впитывалось детьми»².

«Вечно занятый, горя на работе на благо своему любимому делу, — дополняла сестра Мария Ильинична, — отец и детям старался привить то сознание долга, которое было так сильно у него, выработать у них характер, волю, трудоспособность, развить

Необузданную дикую
К лютой подлости вражду
И доверенность великую
К бескорыстному труду»³.

Подготавливая вместе с Марией Александровной своих детей для борьбы и труда, Илья Николаевич, счастливо сочетавший в себе лучшие черты «физика и лирика», знакомил их со свободолобивой поэзией Пушкина, Плещеева, Рыльева

¹ Крупская Н. К. О Ленине. Сборник статей, с. 27.

² Ульянова-Елизарова А. И. В. И. Ульянов (Н. Ленин). М., 1934, с. 13, 14.

³ Ульянова М. И., с. 268.

¹ ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 52, л. 135. (Подчеркнуто мной. — Ж. Т.).

и особенно Некрасова, с лучшими произведениями Тургенева, Л. Толстого и других классиков. Такое серьезное раннее чтение, как неоднократно подчеркивала Анна Ильинична, расширяло кругозор и воспитывало литературный вкус.

В воспоминаниях Анны Ильиничны приводится яркий пример того, что Илья Николаевич до пожилых лет сохранил приверженность к запрещенной поэзии. Во время прогулок по полям он с таким же воодушевлением, как и в молодости, любил петь положенное на музыку студентами запрещенное стихотворение А. Н. Плещеева:

Любовью к истине святой
В тебе, я знаю, сердце бьется,
И, верю, тотчас ответится
На неподкупный голос мой.

...По духу братья мы с тобой,
Мы в искупление верим оба.
И будем мы питать до гроба
Вражду к бичам страны родной.

«Мы невольно чувствовали, — отмечала Анна Ильинична, — что эту песню отец поет не так, как другие, что в нее он вкладывает всю душу, что для него она что-то вроде «святой святых», и очень любили, когда он пел ее, и просили петь, подпевая ему»¹.

Велика роль Ильи Николаевича и Марии Александровны в формировании высоких нравственных принципов и гражданских идеалов у своих детей. Следуя Добролюбову, они стремились выработать сознательное отношение к тому, чему и как учили их в гимназиях, приучали зорко всматриваться в жизнь, сдерживать себя, быть всегда и везде честными и искренними.

Дети унаследовали от Ильи Николаевича веру в силу знания, жизнерадостность, «способность целиком и безраздельно отдаваться своему делу, гореть на нем, крайне добросовестное отношение к своим обязанностям, а также демократизм», деликатность и такт в отношениях с окружающими, готовность поделиться с ними своими познаниями, умение ограничиться самым необходимым минимумом в удовлетворении своих потребностей, чередовать умственный труд с физическим, разумно использовать часы досуга, любовь к музыке и пению, к природе, к красавице и труженице Волге.

Родные не могли не заметить лояльного отношения Ильи

Николаевича к политическому поднадзорному доктору А. А. Кадьяну или дружеских связей с доктором-демократом И. С. Покровским. Они были свидетелями недовольства Ильи Николаевича арестом «идеальной учительницы», которая, по словам Анны Ильиничны, «не ограничивалась преподаванием грамоты ребятам, а собирала по вечерам крестьян, читала, беседовала с ними, сильно подняла их сознательность и вызвала большую любовь среди них к себе»¹.

Не было для них тайной критическое отношение отца к сельским старостам, задерживающим выдачу жалования учителям или выкраивающим в свою пользу из скудного школьного бюджета, к сельским «мироодам», спаивающим и грабящим односельчан, к помещикам и священникам, издевавшимся над учителями, и даже к земствам и правительству, скупившимся в расходах на народные училища.

Служебное положение Ильи Николаевича вынуждало его сдерживать проявление либеральных симпатий в общественных местах. В эпоху наступления реакции он, обремененный, по словам Анны Ильиничны, большой семьей, «хотел уберечь нас, молодежь. Поэтому же, вероятно, следующим детям он никакого подчеркивания в смысле общественных идеалов не делал. По крайней мере я не слыхала о них...»². Но это суждение более или менее правомерно по отношению к самой Анне Ильиничне, всецело занятой с 1884 года учительством в народной школе.

* * *

Со старшим же сыном Ильи Николаевич любил беседовать на общественные темы и, говоря словами Анны Ильиничны, «направлял в смысле общественных идеалов Сашу». Вот один из характерных примеров этого влияния, который приводит она в своих воспоминаниях: «Помню, что одиннадцатилетним мальчиком, в третьем классе гимназии, Саша обратил мое внимание в этой книжке (томике стихотворений Н. А. Некрасова, издания 1863 года, принадлежавшем Илье Николаевичу. — Ж. Т.) на «Песню Еремушке» и «Размышления у парадного подъезда». «Мне их папа показал, — сказал он, — и мне они очень понравились». И не охотник до декламации вообще, Саша эти любимые свои стихотворения читал с большой силой выражения»³.

¹ Ульянова-Елизарова А. И., с. 66.

² Там же, с. 67.

³ Там же, с. 65.

¹ Ульянова-Елизарова А. И., с. 65.

В старших классах Александр и Анна познакомились с творчеством В. Г. Белинского, а затем захотели прочесть всего Д. И. Писарева. Достать его в Карамзинском книгохранилище было уже невозможно, но выход, не без помощи отца, нашелся. «Брали мы Писарева, запрещенного в библиотеках, — вспоминала впоследствии Анна Ильинична, — у одного знакомого врача (доктора И. С. Покровского, сына декабриста А. Д. Улыбышева. — Ж. Т.), имевшего полное собрание его сочинений. Это было первое из запрещенных сочинений, прочитанное нами. Мы так увлеклись, что испытали глубокое чувство грусти, когда последний том был прочитан и мы должны были сказать «прости» нашему любимцу»¹.

Но для них чтение было не просто «источником удовольствия», а, говоря словами Александра Ильича, «самостоятельной критической работой». Под воздействием писаревских статей Анна Ильинична отказалась заниматься музыкой: ведь любимый критик подсмеивался над тем, что каждую барышню учат обязательно игре на фортепиано, хотя бы у ней было больше способности шить башмаки. Переживала она, что не всегда успевает выполнить установленный Писаревым минимум для тех, кто хочет стать начитанным человеком — 50 страниц в день. Страстно стремилась и к тому, чтобы поскорее «встать на ноги и не висеть на шее у родителей». Подражая «любимцу», Анна с увлечением читала и даже переводила Генриха Гейне.

Поэзия Н. А. Некрасова, публицистика Д. И. Писарева, саатира М. Е. Салтыкова-Щедрина, роман «Что делать?» Н. Г. Чернышевского, борьба отца за просвещение народных масс — все это способствовало тому, что у Александра Ильича, остро воспринимавшего социальные несправедливости и притеснения, по собственному его признанию, еще в ранней молодости возникло «смутное чувство недовольства общим строем», существовавшим в стране². Однако Александр старался открыто не показывать этого. Судя по воспоминаниям Анны Ильиничны, откровенные беседы по общественным вопросам брат имел только с Ильей Николаевичем. Даже ей, ближайшей подруге детства, не удалось завязать с Александром разговор по поводу убийства народовольцами Александра II 1 марта 1881 года³.

И лишь однажды, сразу же по окончании чтения последнего тома сочинений Д. И. Писарева, Александр, сильно переживавший трагическую судьбу любимого критика-демократа, с гневом сказал сестре: «Говорят, что жандарм, следивший за Писаревым, видел, что он тонет (во время купанья на Рижском взморье. — Ж. Т.), но намеренно оставил его тонуть, не позвав на помощь»¹.

Разумеется, следуя указаниям отца, в гимназии Александр воздерживался от порицания существовавших там порядков, не говоря уже о критике общественного и государственного строя. Но не для красного словца он говорил Анне, что ложь и трусость — самые худшие пороки человека: не раздумывая, приходил на помощь, и недаром одноклассники полагались на Ульянова, как образно выразилась Анна Ильинична, «как на скалу, во всех коллективных протестах». Когда, во время учения в шестом классе, с особой силой разгорелась борьба учеников против латиниста А. П. Пятницкого — карьериста и грубияна, Александр принимал в ней самое активное участие, пока летом 1881 года горе-учитель не был переведен в Саратов. Один из преподавателей Симбирской гимназии, тоже возмущавшийся неблагоприятными поступками Пятницкого, в частном доме все же выразил удивление и неодобрение того, что сын уважаемого им директора народных училищ, лично не заинтересованный в этой борьбе, решил поставить на карту «свою карьеру первого ученика»².

Своеобразным испытанием для Александра стало домашнее сочинение на тему «Что требуется для того, чтобы быть полезным обществу и государству?», которое ему пришлось писать в седьмом классе. Директор Ф. М. Керенский, он же преподаватель словесности, почти каждый день, как на уроках, так и во время общегимназических молебствий, твердил учащимся, что главное для каждого из них — это верность «справославию, самодержавию и народности». «Главнейшее внимание было обращено на то, — писал Керенский, подытоживая свои усилия в этой области воспитания в отчете за 1883 год, — чтобы развить в учениках религиозное чувство, отдалить их от дурных сообществ (то есть от демократической общественности Симбирска. — Ж. Т.), развить чувство повиновения начальству, почтительность к старшим,

¹ Ульянова-Елизарова А. И., с. 72.

² Первое марта 1887 г. Дело П. Шевырева, А. Ульянова... М. — Л., 1927, с. 289. (В дальнейшем — Первое марта 1887 г.).

³ Ульянова-Елизарова А. И., с. 67.

¹ Ульянова-Елизарова А. И., с. 72.

² Там же, с. 79.

благопристойность, скромность и уважение к чужой собственности»¹.

Казалось бы, директором гимназии совершенно ясно указывалось, какими качествами должен обладать «верноподанный». Однако Александр Ульянов к оценке достоинств гражданина подошел с другой меркой. В своем сочинении он смело заявил, что для полезной деятельности человеку нужны такие качества, как: «1) честность, 2) любовь к труду, 3) твердость характера, 4) ум и 5) знание»².

Насколько сильно моральный кодекс Александра Ильича отличался от того, который проповедовался в гимназии, настолько он близок к воззрениям Д. И. Писарева. В самом деле, «властитель дум» разночинной интеллигенции и учащейся молодежи неустанно напоминал своим читателям, что для «новых людей» типа тургеневского Базарова, Веры Павловны и Рахметова из «Что делать?» Н. Г. Чернышевского прежде всего характерны: неподкупная честность, взгляд на труд, как на «смысл и цель своей жизни», а на ум и знание — как на силу, против которой «не устоят самые окаменелые заблуждения» и «инерция окружающей природы»³.

Заметил ли Ф. М. Керепский «крамольные» мысли в сочинении ученика? Не исключено, что — да. Во всяком случае, несмотря на безупречную грамотность и логическую последовательность, которыми отличалась и эта работа Александра Ульянова, он оценил ее только «четверкой».

Нечто подобное произошло и в декабре 1882 года, когда Александр представил на проверку домашнее сочинение «Письма из-за границы Фонвизина и Карамзина». Задавая эту тему, Ф. М. Керепский надеялся, что восьмиклассники, основываясь на «Письмах» Н. М. Карамзина о Великой французской революции XVIII века, сделают вывод о предпочтительности реформистского пути перед революционным.

Но первый ученик не оправдал ожиданий директора. Напомнив, что Н. М. Карамзин в своих «Письмах русского путешественника» намного «снисходительнее», чем Д. И. Фонвизин, отнесся к недостаткам «государственного устройства Франции», Александр Ульянов полусуждающе заметил: «К революции же Карамзин относится крайне враждебно; он смотрит на нее, только как на бунт невежественного на-

рода, приписывает ее незначительной части французского общества и не только не видит от нее никакой пользы для французской нации, но даже прямой вред». Керенскому не оставалось ничего другого, как сделать хорошую мину при плохой игре: отнестись к этим словам как к простому изложению взглядов Карамзина, как бы не замечая неодобрительного отношения к ним Ульянова, и оценить работу четверкой с плюсом.

Восполняя пробелы учебных программ, Александр самостоятельно штудировал социально-экономическую литературу, страстно занимается естественными науками и оборудует свою домашнюю лабораторию. Уже в гимназические годы, не без влияния Д. И. Писарева, он стал неверующим.

* * *

Решительное и пагубное наступление клики катковых и победоносцевых на идеологическом фронте началось в 1884 году. 5 января Александр III утвердил «Временные правила», на основании которых министерство внутренних дел разослало во все губернии «Алфавитный список произведениям печати, которые... не должны быть допускаемы к обращению в публичных библиотеках и общественных читальнях» — такие книги, как «Капитал» К. Маркса, сочинения Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева и других писателей-демократов, журналы «Современник», «Русская мысль», «Дело», «Русское Слово». 20 апреля, после целого ряда официальных предостережений, правительство закрыло руководимый М. Е. Салтыковым-Щедриным (с 1879 года, после смерти Н. А. Некрасова) лучший демократический журнал «Отечественные записки».

Это был тяжелый удар для передовой России. Очень переживал Александр Ульянов гонения на любимого писателя и его детище. Анна Ильинична вспоминала. «Опытная рука редактора Щедрина, его изощренность в «эзоповском» языке не спасли журнала. Не помню, от меня ли первой услышал Саша об этом. Но я передала ему также в этот вечер, что на курсах (Бестужевских. — Ж. Т.) говорили, будто Щедрин арестован. За минуту спокойный Саша весь потемнел.

«Это такой наглый деспотизм — лучших людей в тюрьме держать!.. — сказал он негромко, но с такой силой возмущения, что мне стало снова жутко за него»¹.

¹ Ульянова-Елизарова А. И., с. 96.

¹ ГАУО, ф. 101, оп. 1, д. 501, л. 34.

² А. И. Ульянов и дело 1 марта 1887 г. М. — Л., 1927, с. 26.

³ Писарев Д. И. Соч. в 4-х томах, т. 4, 1956, с. 15.

25 августа царь подписал указ о введении в действие нового устава в университетах страны, который свел на нет и без того ограниченную самостоятельность университетских советов, упразднил корпоративный суд. Ректор теперь не избирался, а назначался министром народного просвещения. Инспектор со своими помощниками-полуприписными стал фактическим начальником студентов. Резкое повышение платы за обучение усугубило и без того бедственное положение разночинной молодежи. Многие студенты были недовольны введением обязательной, и к тому же еще дорогой, форменной одежды. Устав поставил вне закона студенческие землячества и даже кассы взаимопомощи, библиотеки и кухмистерские.

Трудные времена наступили и для высшего женского образования. Вначале были закрыты курсы в Казани, затем наступил черед московских и петербургских. 8 мая 1884 года в «Правительственном вестнике» появилось извещение о прекращении приема слушательниц на Бестужевские курсы, на которых училась Анна Ульянова и куда мечтала поступить ее сестра Ольга.

Александр и Анна Ульяновы принадлежали к той части петербургского студенчества, которая не только роптала, но и была готова выразить свой протест против гонений на высшие учебные заведения. Однако в письмах к родным в Симбирск они старались как можно сдержаннее высказывать свое недовольство, ибо не исключали возможности перлюстрации корреспонденции жандармами.

Уверенный в том, что отец из печати узнал о выступлениях студентов Киева и Москвы против нового университетского устава, Александр Ульянов в письме от 6 октября 1884 года успокаивает его: «Ты, вероятно, беспокоишься, читая о беспорядках в Киевском и Московском университетах. У нас пока все спокойно; никаких признаков возбуждения не заметно. Перемен тоже никаких нет. Только М. Семевский¹, приват-доцент русской истории и очень хороший профессор, не будет, говорят, больше читать; это, впрочем, приписывают не столько новому уставу, сколько приезду Бестужева-Рюмина, с которым он почему-то не в ладах»².

Илья Николаевич прекрасно понимал причину разлада между этими профессорами. Всем было известно, что реак-

ционные «Московские ведомости» и «Гражданин» печатали на своих страницах непрерывные доносы на В. И. Семевского за его лекции в университете, особенно по крестьянскому вопросу. Бестужев-Рюмин не раз заявлял, что, пока жив, ни за что не допустит, чтоб его кафедру русской истории занял «этот развратитель молодежи»¹.

«Новый университетский устав, — писал Александр Ильич 23 октября того же года, — начинает сказываться своей единственной хорошей стороной — расширением приват-доцентуры. У нас в университете начали уже читать несколько приват-доцентов, между ними два на нашем факультете: один по химии и другой по физиологии»².

Наряду с университетским вопросом общественность и печать в 1884 году уделяют довольно много внимания слухам о скором введении института земских начальников. На практике это означало бы, что многие важные функции местных судов и земских органов перейдут в руки поместных дворян — бывших ярых крепостников, которые с помощью правительства станут вновь обладателями почти единоличной власти над многомиллионной массой крестьянства.

С осени этого же года стали действовать подписанные 13 июня царем столь желанные для крепостников и священнослужителей «Правила о церковноприходских школах». Внешне это узаконение выглядело почти безобидно: в тех местностях, где не имелось министерских и земских школ, духовенству настоятельно рекомендовалось открывать свои элементарные учебные заведения. В действительности же «Правила» были призывом к тому, чтобы все местные органы власти обеспечили ведущую роль священников в светской системе народного образования. Вот почему князь-мракобес Мещерский в своем журнальчике «Гражданин» с ликованием сравнил это событие с реформой об «освобождении» крестьян в 1861 году. Только тогда, по его словам, народ получил «свободу и хлеб», а теперь — удовлетворение своих «духовных нужд». Мещерский преувеличивал историческое значение этих «Правил», но в словах князя имелась и немалая доля правды. «Если в результате этих мер крестьянство не будет отброшено назад к своему дореформенному положению, — писал выдающийся писатель-революционер С. М. Степняк-Кравчинский, — то только потому, что сами

¹ Речь идет о В. И. Семевском — видном народническом историке.

² К. Н. Бестужев-Рюмин был историком-славянофилом правого толка.

¹ Вересаев В. Воспоминания. Собр. соч. в 5-ти томах. М., 1961, т. 5, с. 253.

² Ленин — Крупская — Ульяновы. Переписка (1883—1900). М., Мысль, 1981, с. 17.

мужики приобрели вкус к учению. Что касается министра народного просвещения, то надо отдать ему справедливость и признать, что он сделал теперь все, что в человеческих силах, для осуществления золотой мечты деспотизма — всеобщей неграмотности»¹.

С тревогой и негодованием отнеслись к «Правилам» последователи К. Д. Ушинского. Н. Ф. Бунаков расценил их как меру, придуманную «охранителями» для «задержания успехов народного образования на Руси, якобы уж слишком быстро развернувшегося и угрожающего какими-то опасностями благоденствию Российского государства». Подкрепляя свою мысль, видный педагог далее писал: «...стали открывать разные гасильные «братства» и «церковноприходские» якобы «школы». Началась ярая пропаганда идеи о полной передаче духовенству всего дела народного образования — это нашему-то, невежественному и корыстному духовенству, конечно, не без исключений, весьма не многочисленных, всегда бывшему угодником — только не перед богом, а перед всякими земными властями и вообще перед сильными мира сего»².

Не избежала вспышки «ярой пропаганды» и Симбирская губерния. Наступили самые трудные дни работы И. Н. Ульянова на пике народного просвещения.

Насколько обнаглели в это время клерикалы, видно из статьи «Церковноприходские школы», появившейся без подписи в «Симбирской земской газете» в октябре 1884 года. Ликуя по поводу выхода «Правил», аноним, в духе князя Мещерского, заявил: «Наконец сбылось давно ожидаемое всеми, кому дорога Россия». Чему же он радовался и в чем видел главную цель начального образования вообще и церковноприходских школ в частности? Цель — образование народа. «Но образование не в смысле научном, утилитарном, преобразующем человека и дающее ему известное, наукой определенное направление. Нет, не в таком образовании, хотя бы оправдываемом и требуемом всеми современными педагогическими принципами, нуждается наш народ. Не новое и остроумное ему нужно. Ему нужно упрочение прежнего, многовекового его мировоззрения, которым жили его предки и ему передали как жизненную основу».

Не называя фамилии И. Н. Ульянова, но явно имея в ви-

ду его и других сторонников К. Д. Ушинского, аноним с огорчением констатировал, что благодаря «новейшей педагогии» в народных школах «взяло верх утилитарное направление, которое прямо противоположно религиозно-нравственному, и, таким образом, само собой, преподавание закона божьего отошло на второй план».

Вот так, прикидываясь «другом» крестьян, реакционер старался перечеркнуть достижения начальной школы, достигнутые многолетним трудом директора народных училищ Симбирской губернии и его помощников, и ратовал за возвращение к старине, «хорошо памятной нашему народу».

Трудное положение Ильи Николаевича усугублялось тем, что открытую борьбу с подобными взглядами крепостников и клерикалов правительство расценивало бы как оппозицию его политике в области просвещения.

Любопытным свидетельством этой поры являются письма близких знакомых Ульяновых. «По нашим школьным делам в Симбирске не все спокойно, — сообщал инспектор А. А. Красев 12 июля 1884 года в Оренбург своему бывшему сослуживцу В. И. Фармаковскому. — Местное духовенство, особенно известный его деятель П. П. Никольский (член губернского училищного совета), обнаруживает необыкновенное раздражение в отношении к правам и деятельности местных инспекторов народных училищ, уличает нас в весьма неумелом и неискреннем отношении к вопросам школьного законоучительства и вообще набрасывает на нас такие тени, от которых может очень не поздоровиться всем нам в настоящее время».

В качестве иллюстрации «необыкновенного раздражения» в письме приводится такой случай. Иван Владимирович Ишеровский задержался с представлением очередного отчета о школах своего инспекторского района. Илья Николаевич счел лучшим не посылать его почтительно Казанского учебного округа, но, чтобы не пропали напрасно труды своего помощника, надумал напечатать его в качестве приложения к отчету симбирской дирекции, о чем и поставил в известность губернский училищный совет.

Началось рассмотрение. Остатковившись на разделе о преподавании закона божьего, П. Никольский (близкий друг протоперея А. И. Баратынского) расценил замечания о некоторых неумелых и нерадивых законоучителях «очень несправедливыми, неуместными в настоящее время» и обвинил Ишеровского даже в нигилизме. «Илья Николаевич, — писал Красев, — насколько мог, защищал отчет Ивана Владимиро-

¹ Степняк-Кравчинский С. М. Россия под властью царей. М., 1965, с. 293.

² Бунаков Н. Ф. Избр. педагогич. соч. М., 1954, с. 144.

вича, но безуспешно: мнение священника Никольского разделило большинство, и истина слов инспекторского отчета была опровергнута. Далее люди известного образа мыслей постарались сделать из мухи слона и совершенно оклеветали Ишперского. Что будет дальше, не знаю. Но во всяком случае у нас не предвидится пока ничего хорошего).

Отношения дирекции народных училищ губернии со сторонниками толстовско-деляновского курса «народного затемнения» приобрели настолько напряженный характер, что в городе вновь стали поговаривать о скором удалении И. Н. Ульянова со службы.

«Мать А. Н. Хохловой (жены учителя И. С. Хохлова. — Ж. Т.), — писала Клавдия Арсеньевна Фармаковская своему мужу в мае 1884 года, — приехавшая из Симбирска (в Оренбург. — Ж. Т.), сообщает, что будто бы Илья Николаевич выходит в отставку. Почему — неизвестно, но слышала, дескать, от Кашкадамовых, а те от Стржалковских. В подтверждение приводят, что Констансов поступил в канцелярию губернатора».

Фамилия Алексея Васильевича Констансова, преподавателя трехклассного городского училища, упомянута в письме не случайно. Ведь за десяток с лишним лет все настолько привыкли, что он является делопроизводителем дирекции народных училищ губернии, что его уход в другую канцелярию не без оснований расценивался знакомыми как показатель скорой отставки И. Н. Ульянова.

Но этот факт, как и другие, содержащиеся в дошедших до нас письмах современников Ульяновых, далеко не полно отражает те невзгоды, которые выпали на долю Ильи Николаевича в эпоху реакции.

Перечисляя новости 1884 года, инспектор К. М. Аммосов в очередном письме к В. И. Фармаковскому с горечью отметил, что «барыны здешние ужас как поднялись и задрали головы и носы. Интересно знать... — спрашивает он, — процветают ли у вас (в Оренбургской губернии. — Ж. Т.) церковноприходские школы?».

В Симбирской же губернии по почину протоиерея А. И. Баратынского, открывшего еще в 1883 году в селе Бурдуки церковноприходскую школу, они начали «процветать»: к моменту выхода «Правил» их стало уже восемнадцать. Во второй половине 1884 года духовенству удалось открыть еще шесть «цпш» и пять так называемых «школ грамоты». Последние, по существу, являлись «домашними» школками, кочевывшими из одной крестьянской избы в дру-

гую, не имевшими определенных программ и подготовленных учителей.

Однако у церковников и их высоких покровителей не все шло гладко с внедрением «Правил». Осенью 1884 года Тургаковская (в Алатырском уезде) и Козловская (в Курмышском уезде) церковноприходские школы прекратили существование из-за отказа местных крестьянских обществ участвовать в расходах по их благоустройству и содержанию.

* * *

Университетский вопрос и в 1885 году продолжал волновать многих. Среди недовольных им оказались и некоторые видные сановники, например попечитель Петербургского учебного округа профессор Ф. М. Дмитриев, хороший симбирский знакомый И. Н. Ульянова по совместной деятельности на ниве народного просвещения. Справедливо полагая, что этот факт не безразличен отцу, Александр Ильич в письме к нему от 18 января писал: «Дмитриев «уволен согласно прошению», как сказано в указе. Говорят, он подал в отставку по несогласию с новым университетским уставом... его жалеют как профессора, так и его бывшие подчиненные»¹. Явно симпатизировал смещенному попечителю и автор этих строк. Зато в следующем письме Александр Ульянов с нескрываемой иронией отозвался о преемнике Дмитриева: «Это — старый совершенно уже седой генерал. Поклонившись студентам, он сказал приблизительно следующее: «Если вы будете заниматься своим делом, то я надеюсь, что мы будем жить с вами мирно»².

Ясно, что при личной встрече в Симбирске — это было в конце мая — Илье Николаевичу было о чем поговорить с приехавшими на каникулы старшими детьми-студентами. Но он не спешил с расспросами и больше приглядывался к старшему сыну.

А Саша, как и в прошлом году, много занимался естественными науками. «Колеса, как будто для удовольствия, в душегубке по Свияге один, с меньшим братом или с кем-нибудь из товарищей, — вспоминала Анна Ильинична, — он подбирает себе материал для исследования, с которым возил-

¹ Ленин — Крупская — Ульяновы. Переписка (1883—1900), с. 19.

² Там же, с. 20.

ся потом в своей комнатке наверху»¹. Эта увлеченность наукой не могла не радовать отца, ибо он верил в то, что старший сын станет профессором. Вместе с тем он не мог не заметить — это подметила и Анна Ильинична, — что в этот приезд Александр привез себе книги «исключительно по общественным наукам, — по истории, истории политической экономики и социализма на русском, французском, немецком и английском языках. Видное место среди них занял «Капитал» Маркса»².

Но летом 1885 года Александр еще не состоял ни в какой революционной организации. Самое большее, что он мог рассказывать отцу, это о своем намерении более активно участвовать в работе студенческих землячеств и сборе пожертвований в пользу политического «Красного креста». О необходимости же отпора наступлению «охранителей» писала даже либеральная печать. Илья Николаевич и Александр не могли не задумываться, скажем, над такими словами обозревателя «Вестника Европы»: «Никогда еще реакционная печать не шла в бой с такою бесцеремонною самоуверенностью, никогда еще не редели так заметно ряды противоположной группы, не разрастался так быстро средний лагерь — лагерь равнодушных, «праздно болтающих», систематиков индифферентизма»³.

Беседы отца со старшим сыном привлекли внимание родных. Дмитрий, которому тогда было 11 лет, запомнил день, когда все «семейные куда-то уехали» и дома остались только Илья Николаевич, Александр и он.

«Отец с братом гуляли по средней аллее сада, — вспоминал он много лет спустя. — Гуляли очень долго и говорили о чем-то тихо и чрезвычайно сосредоточенно. Лица их были как-то особенно серьезны... Иногда говорили горячо, но больше тихо, чуть внятно... В настоящее время совершенно убежден, что описанный разговор был на политические темы... Мои предположения вполне подтверждаются словами отца, сказанными Анне Ильиничне, уезжавшей в Питер: «Скажи Саше, чтобы он поберег себя хоть для нас»⁴.

О чем говорили между собой Илья Николаевич и Александр в двадцатых числах августа, можно только догадываться. Но вполне вероятно, что в эти дни, когда чуть ли

не весь Симбирск был взбудоражен обысками и арестами по делу тайной гимназической библиотеки, они обсуждали и эти чрезвычайные события. Ведь в них были замешаны соученики Владимира, знакомые Илья Николаевича и друзья Александра. Более того, в ходе их бесед могли затрагиваться такие детали дела, о которых жандармы еще и не ведали.

Дело в том, что среди выпускников классической гимназии 1883 года Александр Ульянов был признанным лидером не только в учебе, но и общественных делах. И позже, когда они стали студентами Петербурга, Москвы и Казани, Александр Ильич по-прежнему оставался самым уважаемым среди сверстников. К его голосу прислушивались, дружбой с ним гордились. Осенью 1885 года студент Петербургской медико-хирургической академии В. М. Бурлаков в письме к бывшим одноклассникам, учившимся в Казани, назовет Александра Ульянова «человеком ума и воли».

Среди этих казанцев — членов симбирского студенческого землячества — видную роль в подполье играл В. П. Волков. Это он и А. П. Жарков последние два года были главными поставщиками революционной литературы в кружок В. Аверьянова. 18 августа 1885 года, накануне обыска у В. Маненкова, и в день, когда жандармы нагрянули в квартиру В. Аверьянова, Владимир Волков отправил из Симбирска на волжском пароходе багажом сундук, в котором кроме книг гимназической библиотеки (уцелевших в чей-то квартире от конфискации) лежали сотни отгектографированных экземпляров брошюр. В этом сундуке позднее, уже в Казани, были обнаружены «Поучительные выводы для русских из истории Коммуны 1871 г.» П. Лаврова, «Пребывание Халтурина в Зимнем дворце», «Программа Исполнительного комитета», «Исповедь» Л. Толстого¹.

Если учесть, что осенью 1885 года Александр Ульянов примет активное участие в деятельности петербургского поволжского землячества, а В. Волков — Казанского, что эти запрещенные организации продолжали поддерживать тесные связи между собой, то можно не сомневаться, что перед отъездом из Симбирска в августе 1885 года Александр Ильич и Владимир Волков встречались не только как бывшие одноклассники, но и как товарищи в предстоящей борьбе с игм деспотизма. Забегая вперед, отмечу, что в 1887 году В. Вол-

¹ Ульянова-Елизарова А. И., с. 102.

² Галерея шлиссельбургских узников, ч. 1. СПб., 1907, с. 207.

³ Вестник Европы, 1885, январь, с. 363.

⁴ Ульянов Д. И. Очерки разных лет. Воспоминания, переписка, статьи. М., Политиздат, 1874, с. 30—31.

¹ ЦГА ТАССР, ф. 89, оп. 1, д. 1664, л. 13—20. См.: также статью Нафигова Р. А. И. Ульянов и его единомышленники в Казани. — Коммунист Татарии, 1966, № 4-5, с. 127.

ков, побывав уже в тюрьме, будет вновь привлечен к ответственности — на этот раз по делу, связанному с петербургским подпольем и, хотя и косвенно, с делом 1 марта 1887 года¹.

Определяется довольно точно и другая тема, волновавшая Илью Николаевича и Александра. В тот же памятный день, 18 августа, в «Симбирской земской газете» начал печататься «Отчет о состоянии народных училищ Симбирской губернии за 1884 год». Тот самый, в котором Илья Николаевич мужественно ответил на все выпады воейковых и выразил непоколебимое убеждение в правильности пути, намеченного еще К. Д. Ушинским. Понятно, что, прежде чем сдать его в редакцию, Илья Николаевич безусловно советовался с Александром, выступить ли с этим «Отчетом» в газете или нет? Ведь обнародование «Отчета» в печати неминуемо вызовет ярость противников «новейшей педагогики», а следовательно, опасность его досрочного увольнения в отставку. А так как публикация состоялась, то есть все основания считать, что беседы с Александром укрепили решимость Ильи Николаевича продолжать борьбу за дело своей жизни.

Но старший сын, всегда такой уравновешенный, настолько был возмущен вылазками реакционеров, причем не только симбирских, что как-то особенно резко заявил о своем намерении бороться с силами, враждебными самым общекультурным стремлениям общества.

С осени 1885 года нападки симбирских реакционеров на И. Н. Ульянова приняли еще более ожесточенный характер. Непосредственным поводом для этого послужил его «Отчет» за 1884 год, особенно вывод о том, что «отношение земства, городских учреждений и сельских обществ Симбирской губернии к состоянию и направлению народного образования может быть признано вполне благоприятным, так как участие всего населения губернии и в дальнейшем их улучшении не только не ослабевает с течением времени, но, напротив, постепенно развивается»².

Председатель губернской земской управы Н. Д. Пазухин с плохо скрываемой злостью сделал примечание к этому оптимистическому выводу «Отчета». Он напомнил, что сыз-

ранское земское собрание в декабре 1884 года поддержало критику Д. И. Воейковым сложившегося «направления» в земских школах и предложило усилить преподавание церковной грамоты и пения. «Это постановление, — продолжал Пазухин, — едва ли доказывает полную солидарность местных учреждений с принятым в наших школах направлением. Так что ничто не уполномочивает на упомянутый вывод отчета».

Еще более резко отреагировала на ульяновский «Отчет» училищная комиссия сызранского земства. Она злобно констатировала, что нельзя возлагать какие-либо надежды на скорое изменение школьного дела в желательном для правительства направлении «под воздействием дирекции училищ Симбирской губернии». «Еще более опасения внушает весь тон отчета, проникнутый глубочайшим убеждением в полной удовлетворительности существующих школ и в том, что никакое сомнение в этом не может быть допущено». По существу, это было требование о смещении И. Н. Ульянова и его помощников.

В такой обстановке 30 октября Илья Николаевич послал попечителю округа прошение о желании остаться на службе «на следующее пятилетие».

Илья Николаевич около двух месяцев не знал, как решается вопрос, и очень волновался. Вот как об этом рассказывается в воспоминаниях Анны Ильиничны: «В декабре 1885 года, будучи на третьем курсе (Высших женских курсов в Петербурге. — Ж. Т.), я приехала опять на рождественские каникулы домой, в Симбирск. В Сызрани я съехала с отцом, возвращающимся с очередной поездки по губернии, и сделала с ним путь на лошадах. Помню, что отец произвел на меня сразу впечатление сильно постаревшего, заметно более слабого, чем осенью...

Помню также, что и настроение его было какое-то подавленное, и он с горем рассказывал мне, что у правительства теперь тенденция строить церковноприходские школы, заменять ими земские. Я только позже поняла, как тягостно переживалось это отцом, как ускорило для него роковую развязку»¹.

Очередной печатный выпад в свой адрес Илья Николаевич прочел в «Симбирских губернских ведомостях» 5 января 1886 года. Протоиерей А. И. Баратынский, настолько набивший себе руку на травле дирекции народных училищ

¹ Нафигов Р. Первый шаг в революцию. В. И. Ульянов и казанское студенчество 80-х годов XIX века. Казань, 1970, с. 66.

² Симбирская земская газета, 1885, 15 сентября.

¹ Ульянова-Елизарова А. И., с. 114.

Симбирской губернии, что его начали цитировать в столичном «Церковном вестнике» и даже в катковских «Московских ведомостях», твердил, что новейшие педагоги — последователи Ушинского, отводя «мало времени обучению религии», ослабили «влияние церкви на школу». С такими учителями, по мнению воинствующего священника, которые не только «не подготовлены к толковому чтению часослова и псалтыря», но и считают их вообще «ненужными для училищ», нельзя внести в школьное дело «дух церковности и православия». Так посчитали и в Петербурге, подписывая приказ о скорой отставке симбирского директора — с «1-го июля 1887 года».

Жестокое известие стало одной из причин кончины Ильи Николаевича 12 января 1886 года.

Об этом прямо заявлено в письме от 24 апреля к министру народного просвещения одним из чиновников. «...С директором народных училищ Ульяновым, — говорилось в нем, — сделался удар при известии, что он оставлен на один год, — удар, безвременно оторвавший отца у многочисленного семейства и усердного работника у службы».

Эти слова современника являются убедительным свидетельством того, что гонения и травля, которым на протяжении последних лет подвергался выдающийся педагог-демократ и просветитель со стороны реакционного дворянства и духовенства, были главными причинами его преждевременной кончины.

Глубоко соболезнующие отклики она вызвала в печати. В «Симбирских губернских ведомостях» и «Симбирской земской газете», а также в «Циркуляре по Казанскому учебному округу» появился обширный очерк-некролог, написанный инспектором народных училищ К. М. Аммосовым. Этот некролог вместе с «Воспоминаниями» преподавателя кадетского корпуса А. П. Покровского были изданы в Симбирске отдельной брошюрой. Во всех материалах, посвященных памяти И. Н. Ульянова, особо подчеркивались его выдающиеся заслуги как просветителя. Так, в петербургском журнале «Новь» было четко сказано, что Илья Николаевич пал ради народного образование «как в Симбирске, так и в губернии едва ли не лучше, чем оно поставлено в других местностях России. О преждевременной смерти его должны горько пожалеть друзья и приверженцы начального образования»¹.

¹ Новь, 1886, № 8, с. 393.

Выражая мнение передовой общественности Симбирска, председатель училищной комиссии А. И. Алатырцев 24 января 1886 года выступил на заседании городской думы с заявлением, что «педагогическая деятельность Ильи Николаевича Ульянова известна всей России, а тем более городу Симбирску», а потому долг думы должным образом почтить его память. Дума поручила обсудить этот вопрос управе, а та, после полуторамесячной борьбы мнений, предложила «учредить на средства города в городском училище (единственном с шестилетним сроком обучения. — Ж. Т.), которое устроено трудами и заботами покойного для беднейших учеников, принадлежащих к числу обывателей города Симбирска, три стипендии имени Ильи Николаевича Ульянова, для чего из средств города должно быть ассигновано единовременно 400 рублей»¹.

Большинство гласных, ведавших о взглядах губернских да и столичных властей на деятельность И. Н. Ульянова, после оживленных споров приняло сторону консервативного головы А. И. Карташева и, ссылаясь на ограниченность средств, решило ограничиться «выражением письменно вдове покойного соболезнования...».

Думская дискуссия и решение министра о скором удалении его со службы, не говоря уже о печатных нападках, которым подвергался Илья Николаевич, причиняли боль и всей семье. На примере борьбы отца за народную школу Владимир отчетливо видел, что царизм боится просвещения — силы, ослабляющей власть имущих. Примечательное признание сделал генерал фон Брадке в политическом обзоре Симбирской губернии за 1887 год: «Что касается отношений между классами населения, то в этом случае крестьянское население сознает свое право и независимость более, чем когда-либо, это потому, что многие воспитывались в школах и шли далее, следовательно, развивались умственно, и очень хорошо понимают, что дворянское сословие скорее в их руках, чем они в руках дворян...»².

* * *

Многое из того, что волновало отца, старшего брата и старшую сестру, было уже понятно, близко и Владимиру,

¹ Журналы Симбирской городской думы за 1886 г. Симбирск, 1887, с. 29, 127, 128 (Подчеркнуто мной. — Ж. Т.).

² ЦГАОР, ф. 102, 3-е дел-во, оп. 84, д. 89, ч. 46, л. 2.

с одиннадцатилетнего возраста внимательно вслушивавшегося во все политические разговоры. Благодаря гуманной и демократической атмосфере, прочно царившей в семье Ульяновых, он уже в ранней юности питал горячую вражду к бичам родной страны, страстно мечтал о свободе, равенстве и братстве.

Владимир гордился беззаветной просветительской деятельностью отца и глубоко переживал нападки, которым тот подвергался в годы реакции. Он преклонялся перед старшим братом и тоже, как Александр, возмущался правительственными гонениями на передовую печать и писателей-демократов, введением реакционного университетского устава, стремлением свести на нет и без того крайне ограниченные возможности высшего образования для женщин.

И уже в шестом классе у него складывается сознательное критическое отношение к устоям классической гимназии. Именно в это время прошло бывшее увлечение латынью — одним из главнейших предметов, и этот мертвый язык впредь он изучает только в пределах требований обязательной учебной программы. «Мешать стало другим занятиям, бросил» — так пояснит впоследствии Владимир Ильич Надежде Константиновне¹.

В конце этого же 1885 года, под влиянием произведений В. Г. Белинского и Д. И. Писарева и отрицательного отношения старшего брата к догматам православной церкви и церковным обрядам, вопреки многолетним стараниям гимназического пачальства и священников-законоучителей, у Владимира складывается твердое убеждение, что религия — это выдумка людей, сознательный или бессознательный обман. Услышав как-то разговор отца с одним из педагогов, в ходе которого гость в ответ на слова Ильи Николаевича о том, что его дети плохо посещают церковь, с улыбкой сказал: «Сечь, сечь надо», возмущенный Владимир, по словам Н. К. Крупской, «решил порвать с религией», порвать окончательно; выбежав во двор, он сорвал с шеи крест, который носил еще, и бросил его на землю². День окончательного разрыва с религией запомнился Владимиру Ильичу на всю жизнь. В 1922 году, отвечая на вопрос анкеты для Всероссийской переписи членов РКП(б), с какого возраста неверующий, он написал: «с 16 лет»³.

¹ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. М., 1957, с. 33.

² Крупская Н. К. О Ленине. Сборник статей и выступлений. М., Политиздат, 1979, с. 71.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 509.

В эту очень важную пору жизни Владимира скорострельно скончался Илья Николаевич. Анна Ильинична, приехавшая из Петербурга в Симбирск на рождественские каникулы, задержалась дома почти на два месяца. Владимир сам был потрясен горем, но нашел в себе силы и волю, чтобы в это трудное время помочь Анне в подготовке к предстоящему ей на Бестужевских курсах экзамену по латыни. Часы же отдыха они часто проводили в своем саду, где без помех можно было отвести душу в сокровенных разговорах. Вот что запомнилось Анне Ильиничне: «Зимой этого года (1885—1886. — Ж. Т.), когда я много гуляла и говорила с Володей, он был настроен **очень оппозиционно** к гимназическому начальству, к гимназической учебе, к религии также, был непрочь подтрунить над учителями (кое в каких подобных шутках и я принимала участие), одним словом, был, так сказать, в периоде сбрасывания авторитетов, в периоде первого отрицательного, что ли, формирования личности»¹.

«Сбрасывание авторитетов» происходило в различных формах. Во время занятий по латыни со старшей сестрой-студенткой Владимир очень доходчиво объяснял ей наиболее сложные грамматические формы с помощью изречений и стихотворений, изобретенных для более легкого их запоминания.

Занятия шли с такой живостью и интересом, в отличие от гимназических уроков, что, по признанию Анны Ильиничны, младший брат «вовлек скоро» ее в «противную латынь». Ей помнится, что она все-таки высказывала сомнение в том, «чтобы можно было пройти в такой короткий срок восьмилетний курс гимназии, но Володя успокаивал... говоря: «Ведь это в гимназиях, с бестолково поставленным преподаванием там, тратится на этот курс латыни 8 лет, — взрослый, сознательный человек вполне может пройти этот 8-летний курс в два года», и в доказательство указывал мне, что пройдет его в два года с Охотниковым (учителем математики чувашской школы И. Я. Яковлева. — Ж. Т.), и действительно прошел, несмотря на более чем посредственные способности последнего к изучению языков»².

В это же время Владимир подвергает ревизии и изучение логики в гимназии. Неудовлетворенность учебником «Элементарная логика» Г. Струве, сплошь напичканным постулата-

¹ Ульянова-Елизарова А. И., с. 126. (Подчеркнуто мной. — Ж. Т.).

² Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1, с. 24.

ПОД ПОКРОВОМ «БЛАГОПОЛУЧИЯ»

Симбирские власти, конечно, были обеспокоены тем, что в создании нелегальной библиотеки кружка В. Аверьянова принимали участие сотни гимназистов, но тем не менее продолжали заверять высшее начальство, что в подведомственных им «учреждениях все пока, слава богу, обстоит благополучно».

Между тем под покровом мнимого благополучия среди молодежи зрела ненависть к насаждаемому правительством классицизму в гимназии, недовольство гонениями на прогрессивную печать, общественные библиотеки. Репрессии не приостановили брожения умов. Передовая часть старшеклассников-гимназистов вновь занимается созданием собственной библиотеки и начинает издание нелегального рукописного журнала.

В кратком редакторском кредо, помещенном в № 1 «Дневника гимназиста» от 9 декабря 1885 года, говорилось, что журнал посвящается «исключительно гимназическим делам». Но это заявление было сделано, как говорится, только для отвода начальственных глаз. На самом же деле каждый номер нелегального органа был пронизан стремлением пробудить у молодежи потребность к самообразованию.

Эта тенденция отчетливо видна из библиографической заметки в том же номере журнала. Безымянный обозреватель-гимназист писал в ней: «Тяжелое время настало теперь для всякого читающего человека. Все почти лучшие авторы «изъяты» из употребления. Лучшие журналы тоже¹. Поэтому приходится каждому, кто желает хоть несколько образоваться, приводить в известность книги, имеющиеся у знакомых, выписывать новые журналы, пользоваться некоторыми статьями, которые помещены в неизятых из употребления журналах, и т. п. Вот на этом трудном пути отыскания духовной пищи мы и хотим подать руку помощи нашим читателям.

Всеми признано, что первым чтением для человека долж-

¹ Имеется в виду изъятие из общественных библиотек произведений «обличительного направления», осуществленное на основании правительственных «Временных правил» от 5 января 1884 г.

ми, вроде: «Бог всемогущ и справедлив — истина неизменная, вечная», была естественной для юноши, тяготевшего не к формальной, а к диалектической логике и недавно порвавшего с религией. Неудивительно, что на одном из уроков Владимир вяло отвечал по заданному материалу и, по словам соученика М. Ф. Кузнецова¹, даже критиковал этот учебник, одобренный министерством народного просвещения и святейшим синодом для всех гимназий и духовных семинарий России. Ф. Керенский не терпел никаких изменений формулировок и официальной терминологии, не говоря уже о какой-то самостоятельности суждений ученика. Не простил он и своему первому ученику — против фамилии Ульянова в феврале или марте 1886 года появилась первая четверка по логике.

Но директор делал вид, что не допускает возможности того, что у Владимира или у кого-то из его соучеников зреет оппозиционное отношение к изучаемому в гимназии, к установленному в ней порядку. В своих отчетах к попечителю Казанского учебного округа Ф. Керенский в 1884—1885 годах клятвою заверял, что учащимся с успехом прививается любовь к Отечеству, которая-де заключается в «восприятии умом и сердцем великих заслуг виновников (царей. — Ж. Т.) его могущества и славы» и в «живой вере в промысел божий, охранявший Россию от врагов внешних и внутренних в самые тяжелые годы». Конкретизируя суть проводившегося в гимназии патриотического воспитания, Ф. Керенский писал: «Словом и примером наставники и воспитатели стараются развить в воспитанниках благородные стремления, в силу коих в их будущей деятельности выразились бы — беззаветная любовь к Государю и Отечеству, почтение к начальствующим и старшим, трудолюбие, правдивость, вежливость, скромность, благопристойность, добрые отношения к товарищам, уважение к чужой собственности и другие похвальные качества...»²

Но старания керенских не достигали желаемой цели. Большинство выпускников за внешней покорностью скрывало ненависть к засилью классицизма в гимназии, недовольство наступлением реакции в стране, беспокойство за свое будущее.

¹ Кузнецов М. Почему В. Ульянов получил четверку по логике. — Пролетарский путь, 1940, 22 апреля.

² ГАУО, ф. 101, оп. 1, д. 501, л. 34.

на быть беллетристика, в этом номере мы и перечислим некоторые статьи по изящной литературе, имеющие, по нашему мнению, важное значение. Начнем с одного из распространенных журналов, начнем с «Вестника Европы». К сожалению, в нем много не найдешь. Здесь можно указать только на «Новь» Тургенева (1877 г., № 1-2), на «Алексея Слободина» (1872 г., № 10, 11, 12) и «Пестрые письма» Щедрина (1884 г., № 1 и 12; 1885 г., № 1, 2, 3, 4, 5).

Выбор сделан строго: из множества произведений, напечатанных в журнале за 13 лет, были названы только три, но каждое действительно достойно внимания. В автобиографическом романе «Алексей Слободин» А. И. Пальма (псевдоним — П. Альминский) правдиво и живо изображены история кружка петрашевцев и его виднейшие представители — Ф. М. Достоевский, М. В. Буташевич-Петрашевский, С. Ф. Дуров, А. Н. Плещеев. Автор, будучи сам петрашевцем, отразил и идеологию своего кружка: осуждение крепостничества, пропаганда утопических теорий и освобождение крестьянства. И не даром этот роман, выдержав кроме журнального два отдельных издания, все-таки до 1905 года оставался в числе полузапрещенных. В советское время он переиздавался неоднократно и ценится наряду с мемуарными источниками¹.

Роман «Новь» И. С. Тургенева, как известно, посвящен революционно-народническому движению 70-х годов, искренне стремившемуся пробудить народное сознание, добиться улучшения доли крестьянской. Содержится в нем и критика в адрес народников за их наивную веру в прочность общинных начал, за непонимание процесса «раскрестьянивания». Но роман и в 1885 году был злободневен своим ярким обличением паразитизма и реакционности правящих «верхов», трусливости земских либералов, своим призывом бороться за лучшее будущее Отчизны.

В «Пестрых письмах» М. Е. Салтыков-Щедрин нарисовал целую галерею «пестрых людей»: охранителей и шпионов, озверелых администраторов, ненавидящих все новое, реакционных реформаторов и продажных газетчиков. Но в то же время великий сатирик призывал читателя-друга пробудиться ради светлого завтра Руси.

После «Вестника Европы» обозреватель «Дневника гимназиста» перечисляет произведения либерально-народнического журнала «Русское богатство», заслуживающие, по его

мнению, внимание читателя. Среди них: «Воспоминания ссыльного» Мейера, рассказы «Святое озеро» Н. И. Наумова, «Сельский учитель» В. Г. Короленко, «На заре жизни» народовольца П. Ф. Якубовича (псевдоним — П. Ф. Гриневич), «Жизнь в городе» Л. Толстого.

Но особенно подробно обозреватель остановился на публикациях в журнале «Русская мысль», также либерально-народнического направления. Перечислив, начиная с 1880 года, наиболее примечательные произведения, он особо отметил достоинства очерков, рассказов и повестей Н. Н. Златовратского, Д. Н. Мамина-Сибиряка, В. Г. Короленко, Н. В. Шелгунова и Г. И. Успенского, правдиво и ярко вскрывавших язвы российской действительности и пробуждавших любовь к трудовому люду, сочувствие к его тяжкому положению.

Что касается еженедельных и ежедневных изданий, то редакция «Дневника гимназиста» советовала своим товарищам читать прежде всего петербургскую «Неделю» и московские «Русские ведомости». «Чтобы наше мнение не показалось голословным, — указывалось в очередных «Литературных заметках», — мы перечислим некоторых сотрудников, которые участвуют в этих изданиях: Щедрин, Успенский, Златовратский, Вологдин (Засодимский), Щедров, Л. Толстой — вот главные силы... Любопытно, «Неделя» называет свое направление «национально-прогрессивным» и ищет свой идеал в деревне. Еще больший интерес представляют «Русские ведомости», в которых участвует знаменитый Чернышевский. Он живет в Астрахани и посылает оттуда фельетоны и корреспонденции в эту газету».

Поразительна осведомленность симбирского гимназиста! Ведь все произведения Н. Г. Чернышевского, томившегося в астраханской ссылке, появлялись в печати только под псевдонимами. Удивляет и то, что редакция «Дневника гимназиста» располагала даже информацией о конфиденциальной переписке канцелярии своей гимназии. Это ясно видно из следующего отрывка «Литературных заметок». «Интересные времена настали! Нам, гимназистам, запрещено читать «Семью и школу» наравне с «Народной волей» и подобными нелегальными изданиями. Библиотекарь ученической библиотеки Н. М. Нехотяев каждый год посылает в Казань попечителю (учебного округа. — Ж. Т.) список книг, которые хотел бы выписывать, и второй год г. Масленников (попечитель. — Ж. Т.) вычеркивает революционную «Семью и школу». Остерегайтесь, товарищи, читать этот социалистический

¹ Поэты-петрашевцы. Л., Советский писатель, 1957, с. 85.

журнал». Это остроумно-насмешливое предостережение являлось, с одной стороны, доброй аттестацией популярному прогрессивному журналу, а с другой — критикой реакционных действий высокопоставленного чиновника министерства народного просвещения.

Для пропаганды передовой журналистики в «Дневнике гимназиста» использовалась и рубрика «Почтовый ящик». Например, некий «П» спрашивает: «Не может ли редакция дать почитать какой-нибудь номер журнала «Слово»? Ответ дан таков: «В журнале «Слово» было помещено много хороших статей, но, к сожалению, его почти нигде нет. Если у кого-нибудь из наших читателей найдется несколько номеров этого журнала, то просим его, если он сочувствует развитию товарищей, давать им читать их или, если можно, представить в редакцию, чтобы передать г-ну П».

Интерес к научному, литературному и политическому журналу «Слово» вполне объясним. В нем наряду с Н. И. Наумовым, Г. И. Успенским, Н. Н. Златовратским, П. В. Засодимским, Н. Е. Петропавловским (Карониным), В. Г. Короленко и другими прозаиками выступали поэты А. Н. Плещеев, С. Я. Надсон, П. Ф. Якубович, критики М. А. Антонович, М. К. Цебрикова и даже находившийся в эмиграции П. Л. Лавров. В «Слове» выступали прогрессивные ученые-политэкономы¹. Здесь, например, была напечатана «Экономическая теория К. Маркса» Н. И. Зиберы. Журнал был закрыт властями в 1881 году за «вредное направление», и найти его книжки спустя пять лет было не так просто.

Руководители журнала «Дневник гимназиста» старательно воспитывали литературный вкус своих читателей. Например, не раз тепло отзываясь о сочинениях Глеба Успенского, «очень даровитого писателя», ставили ему в заслугу, что он увлекает читателей «правдивостью и верным взглядом» при описании народного быта и никогда не занимается «воспеванием аркадских пастушков».

Журнал проявлял заботу и о том, как можно пополнить свои научные познания, полезнее использовать часы досуга или приятнее организовать праздничный вечер. Автор заметки «Научные забавы» писал в связи с этим: «Много в науке поучительного, но много и занимательного. Какие интересные и блестящие опыты можно сделать при помощи химии, физики, какие загадочные вычисления составляет математика. По недостатку места мы не распространяемся и

укажем только на некоторые книги, из которых наши читатели почерпнут, как можно приятно и полезно проводить время:

1) Описание оптических увеселительных приборов. Цена на 25 коп.

2) Как устроить самыми простыми, находящимися под руками средствами, разные кабинеты и учебные пособия при сельских школах. Иван Белов. Цена 20 коп.

3) Математические софизмы. Цена 40 коп.

4) Тиссандье. Научные развлечения. Цена 1 р. 50 коп.

Эти книги можно выписать у всех известных книгопродавцев».

Для желающих заняться изучением астрономии редакция рекомендовала в качестве первоначальных и полезных пособий «Небесные светила» Фламмарiona («она есть в ученической библиотеке») и «Краткую историю» Медлера.

Накануне рождественских каникул, когда, по традиции, в Симбирске устраивались вечера, самодеятельные спектакли и «живые картины», в декабрьском номере журнала были опубликованы реценции изготовления красных, зеленых и белых «бенгальских огней», которые в магазине стоят «довольно дорого».

Редакция брала на себя функции посредника в реализации среди учащихся лучших, а вместе с тем и наиболее дешевых гимназических учебников и словарей.

Наконец, она пыталась оказать какое-то влияние на установление гуманных отношений в гимназии, призывала прекратить бытующее в ее стенах чванство старшеклассников перед младшими, глумление сильных над слабыми.

В каждом номере «Дневника гимназиста» помещались плоды поэтического творчества учащихся. Появлялись на его страницах стихотворения лирические, нередко — с нотками пессимизма, в духе популярного С. Я. Надсона. Но преобладали все-таки стихи с общественным звучанием.

Отчего у нас на свете
Так ведется уж истари,
Что одни живут в почете
Лишь с душой продажной твари?
И зачем повсюду честный
Под трудом изнемогает,
Кто ж всю жизнь провел бесчестно,
Тот в почете умирает?
Неужели постоянно
Так томиться будет правый
И глядеть на счастье жадно,
Проливая пот кровавый?

¹ Краткая литературная энциклопедия, т. 6. М., 1971, с. 961.

Из прозаических проб юных авторов наиболее серьезным по содержанию является рассказ «Конец сомнениям», датированный 1886 годом и подписанный псевдонимом «Протасьев». Сюжет его незамысловат, но трагичен.

Выпускник классической гимназии, сын богатых родителей, Александр Бельтянский готовит домашнее задание по латыни. Прочитав страницу-другую, он бросил учебник и «принялся было просматривать «Исповедь» Толстого, которую ему дал на некоторое время один из его товарищей. Но и здесь он не выдержал. Тяжелый слог утомил его, и он предпочел читать какой-то пустой роман». Это занятие прервал лакей, подавший письмо от студента Дунаева, с которым гимназист познакомился летом.

История их знакомства изложена в рассказе так. «Недавно прочитал Бельтянский известный роман «Что делать?» (Н. Г. Чернышевского. — Ж. Т.) и заинтересовался коммунизмом. Он стал читать разные книги по этому предмету; обо всем, что он не понимал, он спрашивал Дунаева, и тот объяснял ему. Наступила весна — лихорадочные месяцы для студентов и гимназистов. Переписка прекратилась. Дунаев кончал IV курс юридического факультета. Когда Бельтянский рассчитал, что в университете экзамены кончатся, снова возобновил переписку. Он задал Дунаеву вопрос: «Какое правительство необходимо для социалистического государства — ограниченно монархическое или республиканское?»

В письме, которое лакей вручил герою рассказа, Дунаев выразил искреннее удивление своему «неразумному другу» за то, что он решился письменно рассуждать «о таких вещах, которые теперь никто не решится произнести даже с самым верным другом. Письма, как вы знаете, — продолжал Дунаев, — могут быть доведены до сведения начальства. Вообще я Вам раз навсегда заявляю, что я отрешился от всех юношеских увлечений... Желаю Вам последовать моему примеру».

Бельтянский был ошеломлен и подавлен «благоразумием» своего недавнего кумира. Взяв в комнате отца ружье, он набросал коротенькую записку: «Я — внук Чацкого и сын Рудина. Поэтому, как первый разочарованный уехал из Москвы, а второй кончил жизнь на баррикадах в Париже, я тоже не могу жить в такой душной атмосфере. Не вините никого в моей смерти».

Автор не пояснил цели, ради которой был написан рассказ, предоставляя читателю самому поразмыслить, почему

честный и неглупый юноша из вполне обеспеченной семьи предпочел покончить с собой, чем жить в «душной атмосфере». Думать над этим надо было еще и потому, что газеты ежегодно сообщали о самоубийствах гимназистов в соседних с Симбирском городах. Да и здесь совсем недавно случилось такое же несчастье. «10 сего июня, — как это видно из рапорта симбирского полицмейстера за 1885 год губернатору, — в 8 часов вечера воспитанник Симбирской классической гимназии крестьянский сын, Карсунского уезда, Дмитрий Васильевич Потапов, 15 лет, с целью лишить себя жизни, выстрелил из револьвера себе в правый висок, где пуля и задела. Потапов отправлен в земскую больницу. Причина покушения на самоубийство, по всей вероятности, — невыдерживание экзамена в 5-й класс».

Последнюю, чистую, страницу каждого номера «Дневника гимназиста» редакция оставляла для читательских отзывов. Среди них обращает на себя внимание такая запись: «Что-то много статей, даже почти все и стихотворения также, которые говорят про социализм и коммунизм. Неужели, в самом деле, это действительное направление журнала?»

Это суждение, вольно или невольно, преувеличено. Но проблемы социализма действительно занимают немаловажное место на страницах «Дневника гимназиста», даже в тех пяти номерах, которые дошли до нас. Изложение их, хотя и в архипопулярной форме, порой довольно серьезно, и приходится либо поражаться логичности мышления неизвестного юноши, либо теряться в догадках об источнике, из которого он заимствовал политические доктрины.

Особого внимания заслуживает очерк сотрудника «Дневника гимназиста», озаглавленный: «Сон (Популярное изложение социализма)», появившийся в журнале в начале 1886 года. Суть его такова. Когда все домашние улеглись спать, автор «Сна» проштудировал (не дошедший до нас) № 3 «Дневника гимназиста». Длиннейшая статья, в которой «несколько туманно» объяснялась разница «между материализмом, нигилизмом, социализмом и коммунизмом», в конце концов утомила его, и он заснул. Но вскоре его разбудил какой-то мужчина лет тридцати пяти и пригласил прогуляться по городу. Хотя гимназист и недоумевал, как незнакомец мог проникнуть в комнату и зачем поздней ночью отправляться на прогулку, он все-таки вышел на улицу.

«Первое, что поразило меня, — повествуется в «Сне», —

¹ ГАУО, ф. 76, оп. 8, д. 549, л. 116.

это был необыкновенный свет, который был несколько не слабее солнечного. Я поднял глаза и увидел, что этот свет исходит с высокой башни. Я великолепно знал, что в Симбирске ничего подобного нет, и спросил моего проводника: «Что это такое?» — «Электрический свет». — «Да где же я?»

«Ты в стране социализма.
Где нет горя, ни забот,
Где все люди живут мирно,
Где глупцов нет, ни рабов», —

ответил мой вожатый. «Да разве я не в Симбирске? Разве я не в России? Разве теперь не 1886 год?» — засыпал я вопросами незнакомца. — «Нет, — отвечал он, — ты в России и в Симбирске, но в 2086 году».

Затем незнакомец пригласил гимназиста к себе. Подошли к губернаторскому дому, который «изменился мало». Юноша хорошо знал это здание, расположенное напротив фасада классической гимназии. И каждому симбирянину было ведомо, что на втором этаже находились личные апартаменты губернатора, а «в первом жили его писаря, некоторые чиновники, тут же помещалась его канцелярия». Естественно, что юноша поинтересовался, где же живет его спутник. Тот ответил, что на втором этаже. И добавил, что он не губернатор и, хотя носит фамилию «Долгорукий», он не князь, а служащий государственного магазина.

Из дальнейшего его рассказа выяснилось, что титулование в России давно отменено, фабрикантов, заводчиков и помещиков нет. Земельный надел гражданин получает от государства, а за плоды труда вознаграждается ярлыком, дающим право брать в государственном магазине необходимое для жизни. В каждом магазине вывешена такса, по которой легко определяется, скольким пудам хлеба или фунтам мяса равняются один рабочий день или обработка десятины земли. Живут все в достатке, ибо «прибавочная стоимость», переходившая ранее в руки хозяев, теперь остается у тружеников.

«Каким же образом вы достигли того, что вся земля государственная?» — поинтересовался гимназист. Незнакомец охотно пояснил: «Просто мы убедили царя издать закон, по которому наследство переходит только к прямым потомкам, к сыновьям и дочерям. Когда же их нет, то оно отходит к государству. Весь доход от этих имений поступал на покупку новых. Теперь во всей России остается разве только три-че-

тыре настоящих помещика, остальных же поглотило государство».

На этом разговор прервался... Юноша проснулся. Он сидел «в своей комнате. В лампе керосин весь выгорел, и она страшно чадила». Так заканчивается очерк.

Как и следовало ожидать, «Сон» вызвал большой интерес у читателей. Один из них в последующем номере «Дневника гимназиста» подверг очерк острой критике за то, что в нем «перепутаны понятия социализм и коммунизм» и встречаются явные противоречия. «Сначала говорится, что все люди равны, а между прочим, есть царь, который издает законы. Не думаю, — едко заключил он свой отзыв, — чтобы какой-нибудь царь стал издавать подобные законы». Не исключено, что эта критическая реплика была не чем иным, как приемом редакции убедить товарищей в несовместимости монархии с коммунистическим строем общества.

В «Дневнике гимназиста» периодически появлялись просьбы к читателям «обращаться с журналом ОСТОРОЖНО». Но редакция не исключала возможности того, что ее издания могут попасть в руки начальства, в том числе и жандармского. Поэтому в журнале нет прямых призывов читать революционную литературу или участвовать в создании нелегальных библиотек и касс взаимопомощи — ведь за такие советы наверняка попадешь в «кутузку», а затем и на жительство в «места не столь отдаленные».

«Крамольные» же идеи выражались на страницах журнала, скажем, в виде «сна», как мы уже видели, или переказа беседы со случайным попутчиком.

Так, некий автор «В» в своих «Путевых набросках» рассказывает, как во время поездки на волжском пароходе случайно разговорился со студентом-первокурсником Казанского университета, неким «Р» — выпускником Саратовской гимназии, которая, по словам «В», «как известно, на самом плохом счету у г. попечителя и у великих мира сего за ее «буйный, революционный дух». Тот рассказал, что в Саратовской гимназии, в седьмом и восьмом классах, были «две тайные библиотеки». Начальство пронюхало о их существовании и устроило обыск за обыском. Во время одного из них у гимназиста была найдена копия революционной прокламации. Он, конечно, вылетел из гимназии, но вскоре на ее стенах появились новые прокламации. Опять и опять обыски. «Это, конечно, дошло до сведения г-на Масленникова, и он сам приехал расследовать это дело. Все было разнесено. Все учителя, не исключая директора с инспектором, были разо-

сланы по разным гимназиям. Великое множество гимназистов потерпели: одни были исключены совсем из гимназии, другие по прошению, третьи были удалены на один год, иные отделились карцером...»

По поводу этого разгрома в «Путевых заметках» имеется существенное примечание: «Инспектором был популярный между учениками А. В. Кролюницкий, который был переведен в Симбирскую гимназию взамен Серг. Ник. Теселкина», перемещенного в Саратов на его место. Читателям журнала стало ясно, как их любимый Теселкин, кстати тоже демократически настроенный учитель, оказался в Саратовской гимназии, а Кролюницкий — в Симбирской, и почему опальный Кролюницкий не сработался с директором Ф. М. Керенским и предпочел через год переехать из Симбирска в Нижний Новгород.

В ходе дальнейшей беседы со студентом «В» попросил рассказать о тайных библиотеках в Саратовской гимназии. Тот охотно поделился опытом: «...они устроились у нас просто. Крикнули мы клич, и в неделю набралось в нашей библиотеке книг 300. Избрали мы библиотекаря (я был тогда в VIII-м классе), у которого должны лежать книги, и постановили собирать ежемесячно пожертвования. Теперь, думаю, всех книг в обеих библиотеках до 2000. Порядок выдачи определился такой: гимназисты обращаются к своему библиотекарю с просьбой дать известную книгу. Если этой книги в их библиотеке нет, то библиотекарь обращается в библиотеку другого класса. Если и там ее нет, то он старается найти ее в публичных библиотеках или у частных лиц. (Я вам рассказываю так подробно для того, чтобы, если у вас в гимназии устроится что-нибудь подобное, вы бы имели готовый образец.) Как только в классе набиралось достаточно денег, обсуждали всем классом, какие необходимы книги. Библиотекарь, когда книги определены, разыскивал, нет ли их на толкучке, и только потом покупал или выписывал в книжных магазинах».

Представляется, что рассказ студента — скорее всего ловко завуалированная история возникновения, работы и разгрома нелегальных гимназических библиотек кружка В. Аверьянова, раскрытых симбирскими жандармами летом 1885 года. Если это и чисто саратовская история, то она вполне перекликается с симбирской. Так или иначе, а для читателей давалась довольно четкая инструкция создания нелегальных гимназических библиотек.

Аналогичную роль играла и заключительная часть рас-

сказа студента-саратовца, слова которого были обращены не только к собеседнику, но и к его товарищам по Симбирской классической гимназии: «Вот вы кончите гимназию и поступите в университет. Если вы поступите в Казанский, то, поверное, вам предложат принять участие во вспомогательной кассе симбиряков. Я поэтому вас с ней заранее познакомлю. Эта касса (тайная) открыта в 1882 году. Устав ее следующий: каждый член вносит по 20 коп. monthly и имеет право занимать в кассе до 5 р. Эту сумму может дать кассир. Выше же ее можно взять с согласия общего собрания членов. Средства же кассы, кроме взносов, составляют сборы с концертов и студенческих балов. В феврале 1885 года несколько членов предложили устроить в кассе библиотеку. После долгих прений общество согласилось и решило отделить 20 процентов от своих доходов на покупку книг. Был избран библиотекарь, и пошло дело. Теперь, кажется, всего книг до 400. Вы, может быть, удивитесь, что я так хорошо знаю дела симбиряков. Но ведь я жил весь нынешний год на одной квартире с их кассиром и бывал часто на общих собраниях».

Среди членов редакции «Дневника гимназиста» или ее актива имелись юноши, не исключавшие народовольческих методов борьбы с самодержавием. Только этим, очевидно, объясняется появление в начале 1886 года необычайного материала «Два небесполезные, может быть, рецепта».

Первый из них являлся «рецептом» изготовления в домашней лаборатории нитроглицерина, который после смешения «с известным количеством кремния (песку)» является не чем иным, как... динамитом! Второй «рецепт» представляет собой подробную инструкцию по «приготовлению массы для гектографирования». Удивительна смелость редакции, отважившейся поместить такие материалы, за которые можно было вылететь из гимназии с волчьим билетом, а то и угодить за решетку.

Изготавливал ли кто-нибудь в Симбирске динамит в эти годы — нам не известно. А вот самодельные гектографы для размножения революционной литературы кружок В. Аверьянова в 1883—1885 годах имел и умело использовал их на практике. Советы «пиротехника» по изготовлению «бенгальских огней», не говоря уже о только что упоминавшихся «рецептах», вызвали неудовольствие одних читателей и одобрение других.

В целом же руководство журнала, да и актив его читателей, отдавали предпочтение поискам социалистической тео-

рип, а не подражанию народовольчеству. Характерно в связи с этим обращение «К товарищам», помещенное в журнале 8 февраля 1886 года под псевдонимом «Космополит»: «Господа, Вы трактуете и о социализме, и о правде и даже начинаете (хотя и не все) заглядывать одним глазом на Вашу будущую жизнь; но от всех этих словопрений у Вас дело не подвигается, и Вы успокаиваетесь на витиеватых фразеях. Где же та правда, о которой Вы говорите, и кто проводит ее в Вашем быту?»

Молодое поколение искало конкретного дела для приближения светлого завтра.

СИМБИРСК 1887 ГОДА

За годы жизни Ульяновых в Симбирске произошли большие перемены. В 1877 году в Троицком (ныне Краснознаменном) переулке выросло громадное здание военной гимназии¹. Через два года усилиями отставного штабс-капитана М. Ф. Прянишникова на углу Московской и Спасской (ныне Советской) улиц был построен каменный, «самый огромный и удобный из всех провинциальных», театр. В 1883 году закончилось возведение пристроя к зданию классической гимназии, после чего она стала размещаться лучше, чем другие гимназии Поволжья. Часть Николаевского сада, прилегавшая к ней, превратилась в учебный плац. Тротуары у Карамзинского сквера были покрыты асфальтом. Появилось новое место отдыха — Владимирский сад (ныне Центральный парк культуры и отдыха им. Я. М. Свердлова). С годами хорошели Новый Венец и бульвар на Большой Саратовской улице, совершенствовались спуски к Волге, мостовые улиц покрывались таштинским камнем, сооружались новые водопроводные будки, устанавливались керосиновые фонари. В торговой части города открывались магазины, гостиницы, мастерские и различные «заведения».

В мясницкой части Симбирска, за исключением выстроенных в 1886 году на севере кирпичных военных казарм да нескольких складских помещений у волжских пристаней,

заметных перемен к лучшему не произошло. Здесь, правда, появилось несколько новых улочек с убогими домишками, но они не только не украшали губернский город, а наоборот, роднили своим внешним видом с обычными деревушками. Не было ни деревянных тротуаров, ни водопровода, ни наружного освещения, ни каких-либо очагов культуры. Летом ветер поднимал на мостовых улицах тучи пыли, а в ненастную погоду люди и лошади вязли в непролазной грязи.

Население губернского центра выросло в полтора раза и достигло почти 40 тысяч «душ обоего пола». Особенно увеличилась численность трудящихся, причем, как это с тревогой подметили в городской думе, — за счет «бегства пролетариата из деревни в город»¹.

Количество фабрик и заводов увеличилось с 28 до 58, объем их годового производства — с 200 до 903 тысяч рублей, то есть в 4,5 раза, а численность рабочих — с 271 до 450. В сотнях различного рода кустарных мастерских трудилось 1680 мастеров, 1290 рабочих и 643 ученика².

Подавляющее большинство заводов и фабрик, как новых, так и старых, — небольшие кустарные предприятия по производству мыла, канатов, горшечной посуды, кирпича, мукомольные мельницы, крупобирки. На них трудилось по несколько человек. Чугунолитейный завод купца М. В. Андреева по объему производства остался почти таким же, каким был и раньше, а число рабочих на нем сократилось с 74 до 35. В винокуренном производстве по-прежнему трудилось 35 рабочих, но выпускаемая ими продукция возросла в четыре раза. Вместо существовавших прежде четырех водочных заводов теперь действовало только два. Общее число рабочих на них уменьшилось с 28 до 24, но зелья они стали выпускать более чем в четыре раза. Рост производства на этих заводах происходил за счет установки более совершенного оборудования.

Симбирские заводы по сравнению с теми, какие уже появились в 80-х годах в Нижнем Новгороде или Казани, были, несомненно, небольшими. А если учесть, что все официально числившиеся «заводы и фабрики» размещались на окраинах города, то станет понятно, что юный Владимир Ульянов в обычные дни не видел ни дымных заводских труб, ни толп рабочих у проходных.

¹ Журналы Симбирской городской думы за 1884 год. Симбирск, 1884, с. 340.

² Календарь и памятная книжка Симбирской губернии на 1889 год. Симбирск, 1889, с. 150, 156, 158.

¹ Сейчас в нем размещается Ульяновское гвардейское дважды Краснознаменное ордена Красной Звезды высшее танковое командное училище им. В. И. Ленина.

В жизни Симбирска более существенное значение, чем большинство «заводов», играли предприятия, которые официальная статистика не включала ни в разряд «заводов и фабрик», ни даже в ведомость о ремесленных заведениях. Это прежде всего — губернская типография, помещавшаяся в доме Земенкова на Большой Саратовской улице, где на скоропечатной машине и шести ручных металлических печатных станках работало более 30 наборщиков, печатников, переплетчиков и несколько мальчиков-учеников. Здесь печатались «Симбирские губернские ведомости»¹, «Календари» и «Памятные книжки Симбирской губернии», театральные афиши, различные бланки.

На углу Большой Саратовской и Сенной улиц в доме Занова находилась типография А. Т. Токарева. В ней действовали три скоропечатные машины, два ручных металлических печатных станка, переплетная мастерская с двумя машинами для обрезывания книг и прессом для тиснения на книгах золотом. Тридцать рабочих типографии выпускали «Симбирские епархиальные ведомости», выполняли за год более 6000 заказов.

Наконец, на Московской улице надворный советник В. В. Черников содержал при своем доме типографию, где печатались «Симбирская земская газета», «Волжский вестник» (в 1879 году). И. Н. Ульянов издавал в этой типографии, находившейся недалеко от его дома, несколько своих годовых «Отчетов» о состоянии народного образования. Число рабочих в ней не превышало десяти человек.

Губернская статистика не учитывала и ремесленное училище графа В. В. Орлова-Давыдова, открытое в 1871 году и готовившее в течение шестилетнего курса обучения «сведущих мастеров и подмастерьев» слесарного, столярно-модельного, кузнечного и литейного дела. По каждой из специальностей имелись хорошо оборудованные мастерские, где под началом искусных мастеров-наставников учащиеся старших классов изготавливали такие орудия, машины и станки, которые изяществом отделки и сложностью конструкции, дешевизной и вместе с тем высокой производительностью привлекали внимание посетителей Московской промышленно-художественной выставки 1882 года. Похвалу специалистов получили, в частности, металлострогальная машина и уни-

версальный сверлильный станок. Вот как отзывался об этих экспонатах директор народных училищ Таврической губернии: «Особенно интересен токарный по металлу станок 6—7 футов длины (350 руб.), который под патроном в станине имеет отъемную часть, позволяющую обтачивать крупные предметы. При точке мелких вещей станок приводится в движение ногой, но при обработке более крупных предметов — ручным приводом; имеется также приспособление для связи станка с паровым двигателем. Этот тип станка имеет особое значение для начинающих мастерских, которые не имеют столько средств, чтобы обзавестись паровым двигателем, и имеют приобрести его только в будущем»¹.

За свои экспонаты Симбирское ремесленное училище в числе немногих удостоилось на Московской выставке 1882 года диплома II разряда. Успех этот значителен, если учесть, что нижегородское Кулибинское ремесленное училище было отмечено дипломом III разряда, а другие поволжские губернии не получили их вовсе.

Четыре года спустя, уже на Казанской выставке, продукция Симбирского ремесленного училища тоже заслужила высокую оценку специалистов. Один из них, напомнив, что училище имеет «свой литейный завод и обучает ежегодно до 150 учеников (во всех классах)», отметил: «Кроме мелких слесарных и токарных работ, произведенных учениками низших классов, от училищной мастерской выставлены токарные станки (ножные и паровые), машины и тому подобные крупные изделия — работы учеников двух старших классов. Все работы выполнены чисто»².

Имела свою мастерскую и центральная чувашская школа, руководимая И. Я. Яковлевым. О масштабах и характере производства в школе можно судить по следующему рекламному объявлению: «Продаются за весьма умеренную цену изделия учебной ее мастерской: молотилки с ножным приводом, сеялки, веялки, сортировки, деревянные и железные бороны-зигзаг и коленчатые с вагой и вальками, плуги двух- и трехлемешные и косули. Там же по заказу вновь готовятся различные земледельческие орудия и машины и исправляются старые, а равно отливаются медные подшипники»³.

¹ Дьяконов А. Н. Учебный отдел Всероссийской художественно-промышленной выставки в Москве 1882 года. Симферополь, 1883, с. 83—84.

² Казанский биржевой листок, 1886, 23 августа.

³ Симбирская земская газета, 1882, 27 июня.

¹ Редакция официальной и неофициальной частей газеты находилась при губернской типографии.

Не значится в списке «заводов и фабрик» и заведение И. В. Голубкова, удостоенное почетного отзыва на Всероссийской промышленно-художественной выставке в Москве 1882 года, которое принимало заказы на изготовление мукомольных подстав, пожарного оборудования, веялок, молотилок, железных лестниц для домов, кроватей, аппаратов для отопления нефтью комнатных печей и кухонных плит собственного изобретения, на отливку оловянной посуды, клепку паровых котлов и другие металлические работы. В его мастерской, находившейся на Старо-Казанской улице в собственном доме, работало полтора-два десятка квалифицированных рабочих.

Из «Таблицы о числе ремесленников» за 1887 год видно, что в Симбирске имелись десятки других мастерских и артелей, в которых трудились слесари, медники, серебряки, красильщики, токари, кузнецы, жестянщики, каменщики, землекопы, маляры, столяры, плотники, пильщики, бондари, печники, шорники, стекольщики, сапожники, портные, хлебопеки и другие труженики — всего 3583 человека¹.

Однако в армию пролетариев следует включить и матросов волжских кораблей, грузчиков, рабочих пожарного обоза, водовозов и дворников, трубочистов и истопников, прислугу гостиниц, постоялых дворов, ресторанов и трактиров, прачек и кухарок, сторожей и рассыльных, горничных и швей.

Развивалась в городе и торговля. В 1887 году «Свидетельства» на право ее ведения получили 1030 купцов и мелких торговцев, 869 приказчиков. По традиции, на «сборную» ярмарку съезжались тысячи купцов и приказчиков из столичных и волжских городов практически со всеми видами промышленных товаров и продуктов.

«Сборную» ярмарку симбиряне всегда ждали с нетерпением. Интересовала она и иногородних — их обычно приезжало до 20 тысяч человек. За сдачу в аренду лавок, складов и «мест» городская дума получала около 40 тысяч рублей чистого дохода. За время торжища изрядный куш срывали владельцы гостиниц и постоялых дворов, ресторанов и трактиров. Солидно подрабатывали и многие домохозяева — за счет сдачи внаем квартир, конюшен, сараев, погребов и ледников приезжим торговцам.

В 1887 году за две недели (с 16 февраля по 2 марта) на

ярмарке было продано товаров на 6 миллионов 320 тысяч рублей. Это почти столько же, как и в 1886, но на 930 тысяч меньше, чем в 1883 году¹. Сказались общероссийский экономический кризис, вызвавший застой в торговле, а также конкуренция купеческой Самары и других соседей.

Важную роль в жизни Симбирска играла Волга. В 80-х годах по ней проплывало около семи тысяч пассажирских, грузовых пароходов, барж и других судов. Жители ближайших селений везли на лодках в губернский центр съестные припасы, кустарные изделия. Сотни грузчиков сновали между судами и пристаями с кулями, бочками, ящиками. Плотничьи артели занимались распиловкой леса. Тысячи подвод перевозили грузы между волжскими пристаями и городскими складами.

Благодаря настойчивым и энергичным усилиям И. Н. Ульянова, опиравшегося на передовую общественность, произошло резкое улучшение дела народного образования в Симбирске. В первый год его работы в городе действовало лишь одно приходское мужское училище, в котором обучалось 50—60 человек, а к 1887 году число училищ увеличилось до 16, контингент же учащихся обоего пола — до 1358². Дети городской бедноты стали получать не элементарное, а законченное начальное образование, позволявшее наиболее одаренным из них продолжать учение в мужской и женской гимназиях.

Однако состояние начального образования было еще далеко не тем, о котором мечтали покойный директор народных училищ и его сподвижники. Основная часть школ по-прежнему ютилась в наемных частных домах. Выделяемые городской думой средства не позволяли иметь столько классных помещений, чтобы, говоря словами Ильи Николаевича, не попадать в «крайне тягостное положение» — не отказывать ребятам, желающим учиться. Особенно большую тревогу у него вызывало усилившееся в 80-х годах стремление мракобесов ограничить образование детей трудящихся обучением лишь закону божьему, чтению, письму и счету и исключить, таким образом, возможность их поступления в средние учебные заведения.

При поддержке И. Н. Ульянова центральная чувашская школа И. Я. Яковлева превратилась в кузницу квалифицированных кадров для «инородческих» училищ Симбирской и

¹ Календарь и памятная книжка Симбирской губернии на 1889 год, с. 156, 158.

¹ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 223, д. 108, л. 68.

² Там же, д. 140, л. 90.

всех окружающих ее губерний. Здесь теперь проходили подготовку 99 юношей и 38 девушек. С каждым годом, опять-таки не без поддержки Ильи Николаевича, крепло и ремесленное училище, в котором в 1887 году обучалось до 150 человек.

Определенный отпечаток на жизнь Симбирска накладывали воинские части и учреждения. Помимо военной гимназии, реорганизованной в 1886 году в кадетский корпус, в городе находились 93-й и 94-й резервные батальоны, 5-й калужский полк, губернское и уездное воинские присутствия, вещевой интендантский склад. Если учесть, что здесь находились этапные и сторожевые команды, сотня полицейских, то получается, что почти каждый десятый симбирянин был одет в форму с погонами. Войска участвовали в церковных парадах и крестных ходах. Военный оркестр летом играл на Новом Венце и во Владимирском саду, а зимой — на катке, который устраивался на Свияге.

Горожане были свидетелями безжалостной муштры солдат на строевых плацах, жестокого обращения с ними офицеров. Время от времени по городу ходили слухи о случаях дезертирства, неповиновения нижних чинов начальству.

Знамения времени в виде своеобразных стачек проникали даже в ряды полиции. Примечателен в связи с этим конфликт, возникший в начале 1887 года между симбирской городской думой и стражами «порядка». Еще в 1880 году полицеймейстер, ввиду роста цен «на все жизненные продукты первой необходимости» и невозможности «не только женатому, но и холостому существовать на 40 рублей» в месяц, добился увеличения жалованья полицейским на рубль. В 1887 году дума решила отменить надбавку. В ответ на это 92 пожарных и 60 полицейских потребовали уволить их со службы¹. Городские власти испугались этой «стачки» и пошли на попятную. Однако губернатор не только не наказал «забастовщиков», но вынудил городскую думу еще раз увеличить надбавку пожарным и полицейским и довести жалованье до 144 рублей в год, а также взять на себя расходы по их вооружению и экипировке. Этот инцидент вызвал немало толков во всех слоях общества.

Одной из особенностей Симбирска было то, что он являлся сборным и пересыльным пунктом для осужденных к каторжным работам или поселению в Сибирь. В 1882 году только в здешней «временной каторжной тюрьме» побывало

10 548 арестантов. В тюрьме, рассчитанной на 165 человек, обычно содержалось до 365. Заключенные широко использовались городской думой для очистки улиц, рытья канав, мощения дорог и других работ.

Во время навигации на Волге в Симбирск прибывали специальные «арестантские пароходы», и очередная партия каторжан, под усиленной охраной, покидала город, а новые осужденные заполняли тюрьмы. Сердобольные горожане бросали подаяния в пользу арестантов в специальные кружки, установленные у мест заключения и церквей. Но основную тяжесть по их содержанию, разумеется, в ущерб благоустройству Симбирска, несла городская дума. Только на отопление и освещение тюрем в 1873—1883 годах она израсходовала почти 35 тысяч рублей.

Тюремный вопрос занимал умы думских деятелей не только с финансовой точки зрения. Время от времени арестанты совершали побег, и тогда в поисках их принимали участие как стражники, так и полицейские, сторожа, дворники. Иногда в тюрьмах возникали эпидемические заболевания, представлявшие опасность и для жителей города. И конечно, большое количество заключенных так или иначе будоражило симбирян: люди, наблюдая на улице за очередной партией арестантов, интересовались, за что же они попали в тюрьму. А среди осужденных были крестьяне, ремесленники и рабочие, не совершавшие уголовных преступлений. Вся их вина состояла в том, что они оказали сопротивление эксплуататорам или представителям местных властей.

Симбирск был крупным религиозным центром. Здесь жил архиепископ, находились духовная консистория, духовная семинария и женское епархиальное училище, действовали мужской Покровский и женский Спасский монастыри, 14 соборов и церквей, лютеранская кирка, католическая каплица, татарская мечеть, еврейская молельня и 2 часовни. Кроме того, имелось 13 «домовых церквей», оборудованных в архиепископском особняке, учебных заведениях, тюрьмах, женском приюте и больнице². Ежедневно в Симбирске раздавался перезвон колоколов, призывавших верующих на молебны. В «неприсутственные дни» происходили торжественные богослужения, заканчивавшиеся «церковным парадом» на Соборной площади. С особой торжественностью проводились кре-

¹ ГАУО, ф. 88, оп. 1, л. 90, л. 5.

² Календарь и памятная книжка Симбирской губернии на 1889 год, Симбирск, 1889, с. 136.

¹ Журналы Симбирской городской думы за 1887 год, с. 62.

стные ходы. Самый многолюдный из них был в середине мая — по случаю встречи древней «чудотворной иконы Казанской Божией Матери», привозимой из Жадовской пустыни, и через месяц — по поводу ее проводов из города.

Как это ни парадоксально, но о выдающихся событиях борьбы против самодержавно-крепостнического господства чаще всего горожанам напоминала православная церковь. Так, в понедельник 2 марта 1887 года город был убран флагами, а жители под призывный колокольный звон стекались к кафедральному собору, где епископ Симбирский Варсонофий совершал «молебствие» по случаю дня восшествия на престол Александра III после убийства народовольцами 1 марта 1881 года его отца. 4 апреля, уже в двадцать первый раз, состоялся крестный ход в воспоминание о спасении императора «от преступного покушения злодея в Петербурге» (Д. В. Каракозова) в 1866 году. По двухвековой традиции, 21 мая состоялся крестный ход вокруг «рубленого города» (кремлевской крепости) из кафедрального собора — по Венцу, мимо здания присутственных мест к архиерейскому дому, затем по Сенной и Большой Саратовской улицам (до Вознесенского собора), а отсюда по Московской, назад к Соборной площади. Этот многолюдный «ход», тоже с хоругвями и иконами, под колокольный звон, с организованным шествием служащих всех ведомств, учащих учебных заведений и воинских частей, проводился в память «избавления города от крамольника Стеньки Разина» в 1670 году¹.

* * *

Итак, Симбирск 1887 года — типичный губернский центр Европейской России, который с развитием капитализма рос и благоустранивался. Однако он значительно уступал соседним Казани, Самаре и Саратову по численности населения, уровню развития промышленности, торговли (исключая ярмарочную), размаху градостроительства. Это во многом обуславливалось отсутствием железной дороги: ближайшая станция от Симбирска находилась в 133 верстах, в Сызрани, на самой южной окраине губернии. Вывозить хлеб, главное богатство края, из Симбирска в столицы и промышленные центры было труднее и дороже, чем, скажем, из Самары, которая после постройки в 1880 году моста через Волгу имела круглогодичную связь с Москвой. Из-за отсутствия железной

дороги в Симбирске не строилось крупных зернохранилищ, мукомольных, других обрабатывающих предприятий.

По сильнее всего тормозили развитие экономики губернии глубоко укоренившиеся остатки крепостничества. Большинство симбирских помещиков сами не вели хозяйства. Одни сдавали имения в аренду дельцам-управляющим, другие — крестьянам, мелкими участками, третьи — закладывали их в банки и на проценты с капитала прожигали жизнь.

Находились, конечно, среди дворян и такие, которые научились выгодно сбывать зерно или лес, гнать спирт, давать деньги «в рост» или создавать сеть кабаков. Но большинство предпочитало заполучить теплое местечко в каком-нибудь казенном присутствии, судебном ведомстве, земстве, банке. Некоторые помещики с достатком чурались «коронной» службы или торгово-промышленного предпринимательства и занимали неоплачиваемые должности попечителей в учебных заведениях, различных «обществах», получая с годами чины за службу. Именитое купечество и влиятельное духовенство постепенно скреплялось кровными узами с дворянством. Спокойствие и благополучие высшего общества охраняли полиция, жандармерия, суд, прокуратура, армия. Этот оплот самодержавия и определял характер общественной и культурной жизни Симбирска 80-х годов.

В каждом человеке, осмелившемся хоть как-нибудь критиковать существующий порядок, потомки чичиковых, собачевичей, скалозубов, салтычих, кабаних видели «нигилиста, материалиста и социалиста». Любая попытка прогрессистов организовать какой-нибудь кружок с вполне легальными целями, а тем более создать либеральную газету, «охранителей» встречалась в штыки.

Именно это высшее «общество» имел в виду журналист Н. Никифоров в своих письмах, напечатанных в 1887 году в казанском «Волжском вестнике», заявляя, что Симбирск — город помещичий. «Высшее благо» для благородных богатеев — жить так, чтобы все было великолепно. Иметь в городе первую гостиную, первых рысаков, лучшую ложу.

Аполлон Коринфский, хорошо знавший «общество» родного города, тоже сетовал на то, что в Симбирске нет «никаких кружков» — ни литературных, ни драматических, ни музыкальных, а о научных и говорить нечего. Есть у нас несколько клубов, но туда съезжаются и сходятся почти исключительно за тем только, чтобы «сразиться в картишки» да почтить старика Бахуса... Если бы у нас, в Симбирске, стала

¹ Симбирские губернские ведомств, 1887, 27 мая.

выходить своя газета, то я уверен, — продолжал Коринфский, — что апатичность, вялость и индифферентизм обывателей нашего города мало-помалу начали бы исчезать. Но в том-то и беда, что за малым дело: газеты-то у нас нет, да вряд ли будет. Существуют у нас, именно существуют, только свои «Губернские ведомости», но их нельзя считать за газету. Ведь неофициальный отдел наших ведомостей ограничивается сообщением об «утонувших», «градобитиях», «умертвлениях» и тому подобных экстраординарных случаях»¹.

Действительно, симбирский официоз стал бесцветной газетой. И если в 60—70-х и даже начале 80-х годов в «Симбирских губернских ведомостях» более или менее регулярно печатались статьи и заметки местных историков, этнографов и публицистов, то в эпоху реакции страницы губернской газеты почти сплошь заполнялись сугубо официальными материалами, перепечатками из столичных «Правительственного вестника» и «Северного телеграфного агентства» да рекламными извещениями и объявлениями.

Печальная метаморфоза произошла с «Симбирской земской газетой». Начиная с 1882 года тон в ней задают баратынские, пазухины, воейковы и другие ярые сторонники разработанных катковцами мер по укреплению пресловутой триады — «самодержавия, православия и народности». Местные либералы открыто спорить с ними не отваживались, и земский печатный орган с каждым годом все тускнел и терял подписчиков. Дело кончилось тем, что в 1886 году «Симбирская земская газета» вообще прекратила свое существование, и вместо нее начали выходить ежемесячные книжки «Вестник Симбирского земства», составлявшиеся исключительно из протоколов заседаний губернского и уездных земских собраний.

Еще один заметный для всех симбирян пример снижения уровня общественной жизни города. Местные прогрессисты, чуть ли не одни из первых в России, начали выпускать в 1859 году «Календари» и «Памятные книжки» Симбирской губернии и издавали их почти ежегодно до 1884 года. В этих и некоторых других справочных изданиях², особенно в эпоху второй революционной ситуации, освещались почти все

важнейшие стороны социально-экономической жизни города и губернии, обращалось внимание общественности на насущные проблемы. С 1882 года до 1889-го эти издания не выходили, да и вообще деятельность губернского статистического комитета перестала освещаться в печати. И это в то время, когда в Нижнем Новгороде, Казани, Самаре, Саратове и Пензе помимо казенной статистики стала процветать земская.

Словом, регресс в общественной жизни Симбирска в эпоху реакции 80-х годов — факт несомненный. Но в своем фельетоне А. Коринфский все-таки сгустил краски. Кто-то, а этот начинающий поэт и публицист знал и другой, не обывательский Симбирск.

Когда в июне этого же 1887 года сюда приехал лечиться «воздухом родины» известный поэт-сатирик Д. Д. Минаев, именно Коринфский рассказал ему, что в городе есть «хотя небольшая, но довольно сплоченная кучка интеллигенции», горячо обсуждающая самые злободневные проблемы, искренне желающая чем-то помочь многострадальному народу. Эта «кучка» в 1887 году по-прежнему группировалась вокруг доктора А. А. Кадыяна и его жены.

Здесь была и Мария Альбиоповна Гисси. В 1884 году ее привлекли к дознанию за хrapение газет «Народная воля» и «Черный передел» и за скрывание в своей квартире «государственной преступницы Марии Буровской, бежавшей из Томской губернии». Трехгодичную ссылку в городе Ишиме Томской губернии Мария Гисси отбывала вместе с О. Кафие-ро и Л. Сердюковой. С лета 1884 года она живет в Симбирске и деятельно участвует в жизни местного подполья. Выразительный портрет этой народоволки дал в 1887 году В. И. Маненков в своей поэме «Прогрессисты»:

Вот дама... Силы не хватает
Ее ясней живописать
Того, как истину сказать:
Ее весь круг наш обожает.
Ни ссылка дальняя, ни годы,
И ни семейственный разлад,
И ни потери и невзгоды
Души прекрасной не мрачат.
С надеждой твердой ожидает
Дней лучших, верою живет,
Все, что прекрасно, — восхваляет
И все позорное — кланет.

М. Гисси часто ездила в Казань, где ее муж, присяжный поверенный окружного суда, издавал довольно радикальную

¹ Самарская газета, 1887, 10 марта.

² Материалы для истории и статистики Симбирской губернии, Сборник исторических и статистических материалов о Симбирской губернии, 2-й том Симбирского сборника и др.

газету «Казанский биржевой листок», и оттуда привозила нелегальную литературу. Начальник губернского жандармского управления был убежден, что М. Гуси в 1884—1885 годах собирала в Симбирске «около себя кружки молодежи» и что она «вообще личность неблагонадежная в политическом отношении»¹.

Богатое революционное прошлое было у Любови Ивановны Соловьевой (урожденной Корниловой, по первому браку — Сердюковой). Она, как и ее сестры Александра и Вера, еще в 1873 году привлекались вместе с Д. М. Рогачевым и С. М. Кравчинским к делу о распространении революционной пропаганды. Муж Любови Ивановны А. И. Сердюков, известный «чайковец», судившийся по «Процессу 193-х», в 1878 году покончил жизнь самоубийством в Твери.

В 1879 году Любовь Ивановна вновь появляется в Петербурге, но вскоре опять уличается в революционной деятельности, за что попадает на пять лет в ссылку, которую отбывает сначала в Пермской губернии, затем в Тобольской и, наконец, в Томске. Выйдя замуж за И. А. Соловьева, вместе с ним и тремя детьми в 1885 году переезжает в Симбирск. Как это видно из жандармских донесений, супруги довольно быстро «познакомились со всеми неблагонадежными в политическом отношении лицами»². В их доме бывало немало людей, и этому способствовала устроенная И. Соловьевым слесарная мастерская, в которой он, как мастер, сам и работал. Тюрьма и ссылки надломил здоровье Любови Ивановны, но она вместе с мужем по-прежнему стремится хоть чем-нибудь содействовать освободительному движению и является участницей кружка А. А. Кадыяна. Об этих собраниях В. И. Маненков пишет:

Вперед-вперед — мы восклицаем,
Когда сойдемся вечером;
Журналы лучше читаем
И строго судим обо всем;
Кричим и спорим о народе,
О нуждах, бедствиях его,
О просвещении, о свободе...

В «Прогрессистах» есть строки и о Л. И. Сердюковой:

...Эта женщина больная
Тяжелой ссылкой сражена:
Была душа ее младая
Прекрасна слишком и нежна.

¹ ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 47, л. 28.

² ЦГАОР, ф. ДП, 3-е дел-во, оп. 82, д. 812, л. 5 об.

С 1883 года в Симбирске живет видный участник народнического движения Александр Сергеевич Бутурлин. Один из лучших выпускников физико-математического факультета Московского университета 1867 года, он имел все данные для того, чтобы стать видным ученым. Однако его тоже увлекла общественная борьба, и в 1869 году он уже высывается под надзор полиции в Ярославскую губернию. В 1871 году А. Бутурлин привлекается в качестве обвиняемого по шумевшему печавскому процессу, но, за недостатком улик в преступлении, его оправдывают. Через год он едет в Цюрих, где активно участвует в делах русской революционной эмиграции, изучает рабочую прессу Германии, Австрии, Швейцарии, литературу о Парижской коммуне, произведения К. Маркса и Ф. Энгельса. В Цюрихе А. Бутурлин был очень близок с И. Л. Лавровым: помогал ему материально в издании его журнала «Вперед!», разработке теоретических статей, а также в транспортировке нелегальной литературы в Россию¹.

По возвращении на родину его привлекают к «Процессу 50-ти» — по обвинению в организации побега трех политических заключенных. Затем — тюрьма, ссылки, в том числе и пятилетняя в Западной Сибири. И только благодаря влиятельной родне А. Бутурлин получил в 1883 году разрешение отбывать оставшийся срок ссылки вместе со своей семьей в Симбирске. Здесь он, естественно, сблизился с А. А. Кадыном — своим знакомым еще с 1873 года. Небезынтересно, что в Симбирске А. Бутурлин продолжал получать письма от Льва Толстого, который высоко ценил его энциклопедическую образованность и благородство души. В 1884 году великий писатель, например, сообщал А. Бутурлину о цензурных препонах в публикации трактата «В чем моя вера?».

Деятельными членами подполья продолжали оставаться Кузьма и Порфирий Фадеевы. Первый из них в 1887 году в третий раз попал за революционную пропаганду в тюрьму. Порфирий, более осторожный, начитанный и образованный, стал полноправным членом «кучки» поднадзорных интеллигентов. Тюрьма и другие репрессии не сломили волю П. Фадеева. Находясь под бдительным наблюдением симбирской полиции и жандармерии, кузнец-революционер имел довольно обширное собрание книг и журналов, изъятых из

¹ Валкин М. Х. Александр Сергеевич Бутурлин (Материалы к биографии). Ульяновск, 1961, с. 10—13.

общественных библиотек, и охотно давал их для чтения учащейся молодежи. В «Прогрессистах» Василия Маненкова он обрисован так:

А вот еще мастеровой,
С душой кипучей и живой.
Рабов не бьет, читает много,
И обо всем он судит строго,
И человек передовой¹.

П. Фадеев оказал немаловажное влияние на формирование мировоззрения и автора этих стихов — бывшего своего ученика по Симбирской чувашской школе Василия Ивановича Маненкова. Этот юноша из бедной крестьянской семьи был воспитанником писателя В. Н. Назарьева и инспектора-просветителя чувашей И. Я. Яковлева. После окончания школы В. Маненков по назначению И. Н. Ульянова пять лет учительствовал в одном из сельских училищ, но из-за столкновения со священником был лишен права заниматься педагогической деятельностью. Оставшись без работы, он возвращается в Симбирск и устраивается писцом в удельную контору, управляющим которой был близкий друг И. Н. Ульянова А. Ф. Белокрысенко. Опальный учитель к этому времени довольно хорошо знал основную народническую литературу и, естественно, старался сблизиться с людьми, разделявшими его убеждения. Первым таким человеком оказался его бывший наставник П. Фадеев, который и ввел его в кружок А. А. Кадьяна. Впоследствии В. И. Маненков, известный в литературе под псевдонимом «Старостин», сблизился с молодым Алексеем Пешковым и помог будущему пролетарскому писателю познакомиться с Н. Е. Карониным-Петропавловским и В. Г. Короленко.

С лета 1883 года к числу знакомых А. А. Кадьяна принадлежали прибывшие из Москвы бывший студент Московского университета двадцатипятилетний Петр Иванович Горбунов и его жена Казимира Фаустовна. Как видно из жандармских документов, П. Горбунов — сын крестьянина, мордвина по национальности, долгие годы служившего в Симбирской городской и земской управах.

Во время учения в Москве П. Горбунов принадлежал к революционному кружку, занимался сбором средств для противоправительственных целей, помогал скрываться революционерам и привлекался к ответственности по делу о ти-

пографии «Народной воли». К счастью, он отделался административной карой и смог выехать на родину, в Симбирск. Здесь же, в следующем году, скрывался бежавший с каторги брат его жены Станислав Михалевич. Денежную поддержку ему оказывал А. А. Кадьян, но находиться в Симбирске было опасно, и С. Михалевич перебирается в село Верхняя Маза, чтобы там подлечить сильно обмороженное во время побега лицо¹. Скрываться здесь ему помогал В. Аверьянов, который был едва ли не единственным гимназистом, получавшим нелегальную литературу из рук П. Горбунова и других лиц, официально состоявших под гласным надзором симбирской полиции.

Начальник симбирской жандармерии генерал фон Бракке и некоторые мемуаристы утверждали, что будто бы А. Кадьян, М. Гисси и Л. Сердюкова собирали вокруг себя кружки учащейся молодежи. Однако есть основания полагать, что эти политические ссыльные были весьма осторожны, чтобы поддерживать тесные связи на антиправительственной основе с гимназистами в эпоху реакции. Самое большое, на что могли решиться А. Кадьян и другие революционеры, побывавшие в тюрьмах, это встречаться с такими же, как и они, поднадзорными, оказывать материальную помощь тем, кто остро в ней нуждался, и обсуждать злободневные вопросы в сокровенных разговорах.

Но само их пребывание в Симбирске, их рассказы о причинах репрессий, которым они подвергались десятилетиями, оказывали большое влияние на умы и чувства передовой молодежи, и без того смутно сознававшей несправедливость существующего строя и мечтавшей об обществе, где главными принципами были бы свобода, равенство и братство, а высшей целью — благосостояние трудового народа.

И безусловно, права Анна Ильинична, когда, отвечая на вопрос научных сотрудников Дома-музея В. И. Ленина об А. А. Кадьяне, заявила: «Доктор Кадьян бывал у нас не как знакомый, а как врач. Мария Александровна ему очень доверяла, до мамы знакомства с ним не было. Отец был в этом отношении очень осторожен. Александр Ильич с Кадьяном ничего общего не имел. Стремление найти корни революционного влияния здесь неправильны, просто в то время вся жизнь была этим заражена, а в семье этому ничто не мешало — чувствовалось даже сочувствие отца»².

¹ ЦГАОР, ф. ДП, 3-е деп-во, 1894, д. 530, л. 11.

¹ Ульяновский общественник, 1927, № 3, с. 43.

² ПАУО, ф. 441, оп. 1, д. 3, л. 84.

ДЕЛО 1 МАРТА

После завершения конкурсной работы по зоологии, отмеченной советом университета 8 февраля 1886 года золотой медалью, Александр Ильич все свободное время посвящает изучению социально-экономической литературы. Значительно активнее принимает он участие в деятельности запрещенных студенческих землячеств. Возглавляя свое, симбирское, он составил его устав, упорядочил кассу, сосредоточил в своей квартире земляческую библиотеку. В начале 1886 года вместе с другими руководителями студенчества ему удалось создать союз землячеств, объединивший почти полторы тысячи учащейся молодежи столицы.

Александр и Анна смело выражали свои симпатии к легальной или нелегальной оппозиции. Когда в январе 1886 года правительство уволило профессора В. И. Семевского со службы за возбуждение в «молодых умах негодования к прошлому», то есть к крепостничеству, Александр в числе 309 студентов подписал адрес с выражением опальному ученому «глубокого и непреклонного сочувствия, как честному русскому историку крестьян, для которого народное благо было самым заветным идеалом»¹. Профессор не остался в долгу перед благодарными слушателями: он продолжил чтение лекций по крестьянскому вопросу у себя дома. По этому поводу Анна Ильинична писала: «Когда курс Семевского был снят в университете и на женских курсах (В. Семевский был тогда на счету крайних левых), мы (то есть сама она, брат Александр, его товарищ Н. И. Чеботарев и другие. — Ж. Т.) в числе избранных дослушивали на его квартире»². Все студенты, бывавшие на этих лекциях, были взяты на заметку охранным отделением.

19 февраля того же года исполнилось четверть века отмены крепостного права, но положение десятков миллионов крестьян, ограбленных «великой реформой», продолжало оставаться столь бедственным, что правительство сочло неудобным отмечать юбилей и запретило прессе откликаться на него большими статьями. Передовое студенчество, в том числе Александр Ульянов, отметило 19 февраля панихидой по

¹ Итенберг Б. С., Черняк А. Я. Жизнь Александра Ульянова. М., Наука, 1966, с. 101.

² Ульянова-Елизарова А. И., с. 108.

врагам крепостничества и, возложив венки на могилы Н. А. Добролюбова, других писателей-демократов, организованно ушло с кладбища мимо полиции, прозевавшей эту демонстрацию.

Александр и Анна устраивали земляческие вечера, сбор средств от которых шел «в пользу Красного креста политических или с целью активно революционной»¹. В составе студенческих делегаций Ульяновы в 1885 и 1886 годах посещали опального сатирика М. Е. Салтыкова-Щедрина. И как радовался Александр, да и родные в Симбирске, что приветственный адрес, написанный Анной от имени курсисток-бестужевков, показался Михаилу Евграфовичу «самым прочувствованным, понравился ему больше всех». 8 ноября 1886 года — в день рождения Салтыкова-Щедрина — брат и сестра последний раз навестили писателя, а 17 ноября они участвовали в многолюдной демонстрации, посвященной двадцатипятилетней годовщине со дня кончины Н. А. Добролюбова. Мы хотели, пояснил позже Александр Ильич, отдать почести тем людям, которых считали «своими учителями, которые завещали нам бороться с неправдой и со злом русской жизни»².

Правительство с помощью городских и казаков жестоко расправилось с манифестантами. Возмущались тысячи студентов, сотни интеллигентов, но протестовать решились немногие. На следующий день Александр Ильич пишет с товарищами и размножает на гектографе прокламацию «17 ноября в Петербурге». В ней он гневно заклеил применение насилия над мирным шествием и призвал передовую общественность «грубой силе правительства противопоставить тоже силу, но силу организованную и объединенную сознанием духовной солидарности»³. Эта прокламация распространялась не только в Петербурге. Получали ее, например, по почте в Казани, Симбирске и других городах.

Александр Ильич был знаком с трудами К. Маркса, Ф. Энгельса и Г. В. Плеханова, разделял основные их взгляды. Он, в частности, признавал объективность законов общественного развития, понимал важную роль пролетариата в революционной борьбе. И все же на его мировоззрении сказалась эпоха перепутья, когда народническая идеология

¹ Ульянова-Елизарова А. И., с. 109.

² Первое марта 1887 г. Дело П. Швырева, А. Ульянова, П. Андреюшкина, В. Генералова, В. Осипанова и др. М. — Л., 1927, с. 379.

³ Первое марта 1887 г., с. 381.

еще окончательно не была поколеблена, а русская социал-демократия только зарождалась.

Как и многие другие революционеры того времени, он считал, что достижение «конечных экономических идеалов» возможно «при достаточной зрелости общества, после продолжительной пропаганды и культурной работы», но для их успеха необходимо иметь «минимум политической свободы». И только террор может в условиях российской действительности вынудить царизм к «некоторым уступкам в пользу наиболее ясно выраженных требований общества»¹.

В конце 1886 года, когда идея царевубийства, по выражению современника, носилась в воздухе, начало складываться ядро «Террористической фракции партии «Народная воля». Инициаторами создания этой фракции и подготовки покушения на царя стали близкие знакомые Александра Ильича — студенты Петр Шевырев и Орест Говорухин. По их предложению он принялся вместе со студентом Иосифом Лукашевичем за изготовление метательных снарядов.

После отъезда П. Шевырева в Ялту для лечения туберкулеза, а О. Говорухина в Женеву, так как за ним усиленно следила охранка, на Александра Ильича легла почти вся тяжесть завершения подготовки покушения: изыскание квартир и денег, приготовление динамита и изготовление снарядов, инструктаж студентов-метальщиков В. Осипанова, П. Андреюшкина и В. Генералова, поддержание связи с революционерами Москвы, Харькова и Казани, разработка программного документа своей организации. В то же время он продолжал вести пропаганду в рабочем кружке, искал связей с солдатами Петропавловской крепости, готовил перевод к изданию статьи К. Маркса «К критике гегелевской философии права. Введение» из «Немецко-французского ежегодника» 1844 года. В редактировании перевода приняла участие и Анна Ильинична².

К 25 февраля 1887 года боевая группа была готова к действию, и с этого времени ее возглавил В. Осипанов — старший по возрасту, очень хладнокровный по характеру и самый самоотверженный из студентов-метальщиков. Друзья знали, что полиция ведет наблюдение за Александром Ульяновым, и предложили ему скрыться из города. Но он остался, избегая, правда, встреч с близкими, даже с сестрой. Все его помыслы были сосредоточены на печатании Про-

граммы, призванной помочь объединению «Народной воли» и социал-демократов. Вместе со своими верными помощниками фельдшером Алексеем Воеводиным и студентом Лесного института Леонидом Державиным он 1 марта сделал первые типографские оттиски Программы.

Утром этого же воскресного дня трое метальщиков с бомбами и столько же сигнальщиков направились в центр города. Молодые революционеры знали, что царь 1 марта выезжает в Петропавловскую крепость на заупокойную службу о своем отце, погибшем шесть лет назад в этот же день, и поэтому надеялись встретиться с ним.

Заговор настолько тщательно готовился, что участники дела не сомневались в его успехе. Однако из-за неосторожности П. Андреюшкина, наметнувшего в письме к харьковскому знакомому о предстоящем «в непродолжительном времени» террористическом акте, охранка уже несколько дней следила за всеми его знакомыми. Заметив на Невском, что под пальто у молодых людей имеются какие-то тяжелые предметы, охранники перед выездом царя из Аничкова дворца схватили всех шестерых членов боевой группы.

Ничего не зная о провале, но обеспокоенный отсутствием сведений о ходе операции, Александр Ильич прервал печатание Программы и отправился на квартиру одного из сигнальщиков, где попал в полицейскую засаду. Анна Ильинична догадывалась, что брат участвует в каком-то опасном предприятии, пошла навестить его и тоже попала в руки полиции.

Первые два дня власти не подозревали, что Александр Ульянов имеет непосредственное отношение к покушению, и поэтому держали его в арестантской комнате охранного отделения при управлении градоначальника вместе с другими задержанными студентами. 3 марта, когда следователи и жандармы сломали запирательство двух сигнальщиков и получили от них откровенные показания, начала вырисовываться роль руководителей дела 1 марта. Александра Ильича перевезли в Трубецкой бастион Петропавловской крепости.

На первом допросе, 3 марта, он не дал никаких показаний. Точно так поступили и трое метальщиков. И хотя шел уже третий день с момента ареста участников покушения на царя, ни одна газета ни единым словом не обмолвилась об этом чрезвычайном событии. Это не случайно. Александр III вообще был против соблюдения юридических формальностей. Он хотел своим повелением навечно заточить «первомартов-

¹ Первое марта 1887 г., с. 378.

² Ульянова-Елизарова А. И., с. 145.

цев» в каменные мешки Шлиссельбургской крепости и не оповещать о заговоре.

Однако ближайшние советники сумели убедить недалекого и трусливого монарха в необходимости проведения хотя бы закрытого процесса, с тем чтобы соблюсти видимость законности, а заодно использовать суд для устрашения «красных» всех оттенков, либеральной печати. Вот почему только 4 марта в «Правительственном вестнике» появилось незаметное с виду, но составленное под руководством самого министра внутренних дел Д. Толстого краткое сообщение:

«1-го сего марта, на Невском проспекте, около 11 часов утра задержано трое студентов С.-Петербургского университета, при них, по обыску, найдены разрывные снаряды. Задержанные заявили, что принадлежат к тайному преступному сообществу, а отобранные снаряды, по осмотру их экспертом, оказались заряженными динамитом и свинцовыми пулями, начиненными стрихнином».

Даже некоторых царедворцев удивила и огорчила редакция этого сообщения: зачем, дескать, было подчеркивать, что задержанные являются студентами? Ведь под подозрение ставится целое высшее учебное заведение, и каково будет родителям, чьи дети в нем учатся...

Уже на следующий день Симбирск был взбудоражен поступившим по телеграфу известием о чрезвычайном происшествии в Петербурге. «Когда 5-го марта в г. Симбирске, — докладывал начальник Симбирского губернского жандармского управления генерал-майор фон Брадке в столицу, — была получена телеграмма Северного агентства о задержании в Петербурге, на Невском, трех студентов тамошнего университета, то эта весть быстро распространилась по городу, и все бросились покупать телеграмму. Один из служащих в Симбирском отделении государственного банка, прочтя телеграмму, выразился: «Таких людей следовало бы вешать». Окружающие ответили ему: «Их много, всех не перевешаешь». Читавший телеграмму сказал: «Ну что из этого, как понимают, так их и вешать».

Как видно далее из донесения, слышавший разговор контролер банка Егор Егорович Коведяев, обратясь к личности, читавшей телеграмму, заявил: «Прошу вас поосторожнее высказывать ваше мнение о повешении». Тот смутился и ответил: «Я ведь ничего такого не говорил». Но Коведяев повторил: «Советую вам быть осторожным в ваших словах»¹.

Предупреждение Е. Коведяева ошеломляюще подействовало на «благонамеренных» обывателей, и они тут же умолкли. Но кто-то из них сообщил о случившемся жандармскому генералу.

Из завязавшейся секретной переписки между Симбирском и Петербургом видно, что родной брат Е. Е. Коведяева — Дмитрий — судился по известному нечаевскому процессу и после отбытия тюремного заключения пять лет находился в ссылке в Симбирске. Здесь находилась под надзором полиции и сестра братьев Коведяевых — Любовь, хотевшая в свое время ценою своей жизни высвободить из заточения Н. Г. Чернышевского. Л. Коведяева тоже судилась в 1871 году по делу Нечаева.

Егор Коведяев неоднократно привлекался по делам политического характера. В 1879 году, будучи в отпуске в Петербурге, он был арестован в квартире, в которой незадолго до этого задержали Германа Лопатина¹. «С самого начала его (Коведяева. — Ж. Т.) пребывания в Симбирске, — писал Брадке, — я не переставал следить за ним и в настоящее время положительного убедился, что он вполне неблагонадежный в политическом отношении».

И все-таки Брадке, в нарушение существовавших правил, решил не докладывать о действиях Е. Коведяева 5 марта даже начальнику Симбирской губернии. «Если я сообщу губернатору, — писал он в департамент полиции, — о поступке Коведяева, то, понятно, он даст предписание полицмейстеру, а сей последний частному приставу по заведенному порядку, чтобы следить за ним; из этого выйдет, что Коведяев может узнать, что за ним наблюдают». В Петербурге согласились с необходимостью вести скрытное наблюдение за Е. Коведяевым, но с уведомлением об этом губернатора.

Вскоре в Симбирск стали поступать задания, имевшие более непосредственное отношение к делу о покушении на царя. У арестованного в городе Вильно по делу 1 марта 1887 года аптекаря Т. И. Пашковского были обнаружены адрес симбирянина А. М. Соловьева, помощника аптекаря. Департамент полиции по телеграфу приказал симбирской жандармерии произвести у него обыск. Брадке давно знал о дружбе А. М. Соловьева с политическими поднадзорными и его

¹ Г. А. Лопатин — первый переводчик «Капитала» на русский язык, близкий знакомый К. Маркса и Ф. Энгельса. В 1884 г. в записной книжке Г. Лопатина жандармы обнаружили фамилию Е. Коведяева.

¹ ЦГАОР, ф. 402, 3-е дел-во, оп. 83, д. 230, л. 1.

переписке с В. А. Аверьяновым — руководителем кружка симбирских гимназистов в 1883—1885 годах.

Вечером 18 марта 1887 года жандармы в сопровождении понятых нагрянули в аптеку Новицкого, где служил Соловьев, но их постигла неудача: помощник, по словам аптекаря, «ровно месяц назад оставил службу и уехал в г. Мариуполь»¹.

Понимая важность дела, Брадке уведомил об этом охранку в Мариуполе и других городах, а сам усилил службу наблюдения во вверенном ему крае. Одновременно он просил начальника Виленского губернского управления сообщать ему «все указания на лиц, проживающих в Симбирской губернии, какие только будут найдены в бумагах Т. И. Пашковского. Пашковский интересовал жандармов потому, что он в конце января 1887 года отправил из Вильно азотную кислоту и стрихнин, необходимые для изготовления бомб (известив об этом условной телеграммой Анну Ильиничну для передачи Александру Ульянову).

9 апреля 1887 года мариупольские жандармы произвели обыск у Соловьева. Они обнаружили фотокарточки Н. Г. Чернышевского, Д. И. Писарева, Н. А. Добролюбова, тетрадки со стихами, частью запрещенными. Но самой важной находкой была записная книжка Соловьева, в которой, как и ожидалось, оказался виленский адрес Т. И. Пашковского². Однако следственным органам не удалось установить причастность Соловьева «к делу о замысле на жизнь государя императора»³, и они были вынуждены удовлетвориться его объяснением о чисто профессиональном и заочном знакомстве с Пашковским.

18 апреля 1887 года А. М. Соловьев вернулся в Симбирск, где его вновь допрашивали, а затем разрешили уехать в город Ардатов. Дальнейшая слежка показала, что Соловьев продолжал придерживаться антиправительственных взглядов: встретившись летом того же года с выпускниками Порецкой учительской семинарии, он пригласил их к себе на квартиру и стал толковать, «что должно быть народное правление и что государь такой же человек, как и все, и не умнее, и не учнее других»⁴.

В середине марта симбирская жандармерия получила циркулярное предписание министерства внутренних дел о необ-

ходимости тщательных розысков О. М. Говорухина, А. Е. Лейбович¹ и других революционеров, причастных к группе А. И. Ульянова.

О масштабах этих поисков можно судить хотя бы по тому, что только для полицейских жандармское управление передало через губернатора 11 фотокарточек О. М. Говорухина для опознания его как в Симбирске, так и во всей губернии.

Под влиянием петербургских событий Брадке тщательнее, чем обычно, анализировал деятельность своих политических поднадзорных. Небезынтересно, что в мартовских допесениях 1887 года видное место отведено характеристике близких знакомых Ульяновых — их лечащих врачей Александра Александровича Кадьяна и Ивана Сидоровича Покровского.

Жандармам так и не удалось уличить А. А. Кадьяна в антиправительственной деятельности. Но Симбирское губернское земство все же лишило талантливого врача места ординатора в своей больнице. Тогда Кадьян открыл «амбулаторную лечебницу для проходящих» в доме И. С. Покровского, а потом оба врача решили нанять дом и открыть свою постоянную больницу. Жандармы решительно воспротивились этому. «Такая больница, — заявил Брадке в рапорте, — дала бы возможность Кадьяну делать там, что ему угодно. Там могут быть сходки и совещания лиц неблагонадежных». Генерала особенно возмущало, что И. С. Покровский, состоявший врачом на государственной службе, все же «сошелся с Кадьяном, зная его направление, и решился предложить ему в своем доме лечебницу».

Инцидент 5 марта на центральной улице (резкий разговор Е. Е. Коведяева с чиновником), обыск в аптеке Новицкого, розыски в Симбирске людей, причастных к покушению на императора, — все эти факты, конечно, вызвали среди горожан различные толки.

Эти события несомненно привлекли внимание Владимира Ульянова. Однако он не предполагал, что арест террористов имеет отношение к брату Александру. Беспокойно то, что задержанные являлись студентами, а власти в таких случаях обычно производили широкую «чистку» университета.

¹ ГАУО, ф. 855, д. 65, л. 10.

² Там же, л. 52.

³ Там же, л. 10.

⁴ Там же, л. 58.

¹ У Анны Ильиничны при аресте было отобрано письмо, в котором она, по рекомендации Александра Ильича, приглашала Анну Лейбович переночевать в своей квартире незадолго до 1 марта 1887 г.

В ЭТИ ТРУДНЫЕ ДНИ

Племянница Марии Александровны Екатерина Ивановна Песковская и ее муж Матвей Леонтьевич, известный прогрессивный публицист, узнав об аресте Александра и Анны Ульяновых, стали сразу же ходатайствовать о том, чтобы департамент полиции отдал родственникам им на поруки. 3 марта М. Л. Песковский получил отказ на свое прошение, и только после этого его жена послала письмо В. В. Кашкадамовой, близкой знакомой по учительской работе в Симбирске, с просьбой известить о случившемся Марию Александровну.

Сразу же по получении письма, это было 8 или 9 марта, В. В. Кашкадамова послала за Володей в гимназию, чтобы посоветоваться и через него подготовить мать к известию об аресте старших детей. Мария Александровна мужественно встретила сообщение о несчастье и тотчас же выехала в Петербург. Но ни она, ни провожавший ее в далекий путь Владимир еще не ведали о причастности Саши и Ани к делу 1 марта и могли только предполагать, что их захлестнула волна арестов, поднявшаяся в столице в связи с задержанием на Невском студентов-террористов. Естественно, Ульяновы и Кашкадамова никому не сообщали о случившемся, чтобы не дать пищи для разговоров падам на сенсации обывателям. Симбирские власти к этому времени не получали никаких сведений об Александре и Анне Ульяновых и, следовательно, еще не проявляли враждебности к их родным.

Нам неизвестно содержание писем Марии Александровны из Петербурга. Но в них едва ли были какие-нибудь подробности о деле 1 марта и участии в нем Александра, так как следствие еще продолжалось, а детей ей не удавалось повидать целых две недели. И только после окончания следствия, 30 марта, царь наконец разрешил ей свидание с сыном, распорядившись предварительно ознакомить мать с его показаниями, «чтобы она видела, каких он убеждений». Смелые заявления Александра на допросах не оставляли у Марии Александровны сомнений в том, что его ожидает страшная судьба. Ведь он признал свою принадлежность к «Народной воле» и участие в приготовлении разрывных снарядов. Александр Ильич не отрицал и того, что знал, кто и когда должен

был совершить покушение, но «сколько лиц должны были это сделать», что это за лица и кто именно доставлял к нему домой снаряды, он назвать отказался.

«Не желаю» и «отказываюсь» так часто встречались в протоколах допроса Ульянова, что царь вынужден был сделать на одном из листов помету: «От него, я думаю, больше ничего не добьешься»¹.

Не могла Мария Александровна не запомнить сути мужественного заявления на допросе 20—21 марта: «...мне, одному из первых, принадлежит мысль организовать террористическую группу, и я принимал самое деятельное участие в ее организации, в смысле доставания денег, подыскания людей, квартир и прочего. Что же касается до моего нравственного и интеллектуального участия в этом деле, то оно было полное, т. е. все то, которое позволяли мне мои способности и сила моих знаний и убеждений»².

Мария Александровна имела свидание с Сашей в Петропавловской крепости 1 апреля с 10 до 12 часов, в день ее именин, в присутствии представителя тюремной администрации. Анна Ильинична, со слов матери, так передала картину этой встречи: когда мать пришла к нему на первое свидание, он плакал и обнимал ее колени, прося простить за причиненное им горе. Он говорил ей, что у него есть долг не только перед семьей, и, рисуя ей бесправное, заданное положение родины, указывал, что долг каждого честного человека бороться за освобождение ее.

— Да, но эти средства так ужасны, — возразила мать.

— Что ж делать, если других нет, мама, — ответил он³.

Показания сына на следствии и его высказывания во время свидания не оставляли никаких сомнений в том, что он намерен и на суде непреклонно отстаивать свои революционные убеждения. Переживания Марии Александровны усугублялись и тем, что до суда новых свиданий с Сашей ей не разрешили. В начале апреля она едет на несколько дней в Симбирск.

В. В. Кашкадамова, присутствовавшая во время одного из рассказов Марии Александровны, навсегда запомнила ее слова о том, что она считала бы счастьем, если бы дело закончилось для Саши пожизненной каторгой: «Я тогда бы

¹ Жизнь как факел. Сост. А. И. Иванский. М., Политиздат, 1966, с. 440.

² Первое марта 1887 г., с. 373.

³ Ульянова-Елизарова А. И., с. 168.

уехала к нему, старшие дети уже большие, а меньших я возьму с собой»¹. Через три-четыре дня — в день семнадцатилетия Владимира (10 апреля по старому стилю) — Мария Александровна спешит в Петербург, где 15 апреля начинались заседания Особого присутствия Правительствующего сената по делу 1 марта.

Во время ее пребывания в Симбирске кое-кто уже знал о грозящей Александру Ильичу смертельной опасности. Это видно из письма инспектора народных училищ А. А. Красева из города Карсуна Симбирской губернии своему бывшему сослуживцу В. И. Фармаковскому в Оренбург. «...Бедную Марию Александровну Ульянову, — сообщал Красев, — постигло, говорят, новое несчастье, состоящее в связи с событиями последнего 1 марта. Носятся слухи, что даже с Анной Ильиничной не все благополучно, хотя она, будто, и не имела к делу живого и непосредственного отношения. Увы! Сколько недобрых предчувствий имела Мария Александровна, отправляя своих детей в Петербург, и как она не хотела расставаться с ними»².

Трудным был для Ульяновых понедельник 13 апреля, когда после двухнедельных каникул возобновились занятия в гимназиях. Теперь сотни глаз испытующе устремятся на братьев и сестру «важного государственного преступника». С волнением встречал Владимир 15 апреля — начало заседаний высшего суда империи по делу Александра и его товарищей. И так получилось, что именно в этот день Ф. М. Керенский устроил восьмиклассникам контрольное сочинение по русской словесности на такую злободневную тему: «Причины благосостояния народной жизни». Трудно представить, какой выдержкой должен был обладать Владимир, чтобы в эти два урока, проходившие в актовом зале, в обстановке, приближенной к экзаменационной, суметь сдержать кипевшую ненависть к деспотически-эксплуататорскому строю.

Содержание его сочинения неизвестно. Но сохранилась работа Михаила Федоровича Кузнецова — соученика Владимира Ильича. К причинам народного благосостояния он отнес географическое положение страны, «правильную организацию государственного устройства», «справедливое правление» государей, религиозное воспитание и трудолюбие народа, развитие торговли и просвещения.

¹ Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г., с. 274—275.

² ЦГИА СССР, ф. 1073, оп. 1, д. 51, л. 20.

План сочинения Владимира в определенной мере был схож с кузнецовским, ибо примерные планы обычно составлялись в классе под руководством преподавателя. Но ответы на поставленные вопросы, конечно, были содержательнее, логичнее и в лучшем литературном изложении. Владимир несравненно убедительнее своих соучеников показал значение просвещения для улучшения народного благосостояния хотя бы потому, что Илья Николаевич постоянно говорил и писал, что грамотный крестьянин разумнее ведет свое хозяйство, чаще и смелее выступает против притеснений со стороны кулаков, ростовщиков и других «мироедов», полнее знает свои права как человека и гражданина. Безусловно, что он нашел добрые слова о значении народного труда для процветания Отечества.

Что бы ни написал Владимир в сочинении, но о причинах народного благосостояния он размышлял давно и прекрасно представлял, «кому на Руси жить хорошо» и по чьей вине громадное большинство тружеников работает непомерно много, а живет впроголодь, в темноте и невежестве.

Понятно, что в гимназическом сочинении, да еще в такое время, когда родной брат находился на скамье подсудимых, Владимир не мог резко осудить остатки крепостничества и пороки развивающегося капитализма, но он все-таки указал на какие-то из них. Этого не мог не заметить Ф. М. Керенский и, раздавая после проверки работы, сказал первому ученику предостерегающе: «О каких это угнетенных классах вы тут пишете, при чем это тут?» Ученики заинтересовались, сколько же поставил Ульянову за сочинение учитель-директор. Оказалось, все же пятерка стоит¹.

Возможно, что этот инцидент, в передаче того же М. Ф. Кузнецова, не имел серьезных последствий потому, что Керенский расценил не поправившиеся ему «крамольные» фразы в сочинении Ульянова как непроизвольно заимствовавшиеся юношей из какой-нибудь либеральной газеты или журнала. В противном случае надо было бы доносить, как о проиществе, местным властям.

По-директиму, три раза в неделю, Владимир продолжал подготовку учителя чувашской школы Никифора Михайловича Охотникова по древним языкам за курс классической гимназии, консультации по другим предметам. Во время занятий несомненно затрагивались и житейские вопросы, об-

¹ Крупская Н. К. О Ленине. Сборник статей и выступлений, с. 33.

суждались события, которые будоражили всех симбирян. Не исключено, что Владимир расспрашивал Охотникова о подробностях, связанных с деятельностью нелегальных кружков, к которым были причастны подчиненные ему братья-кузнецы Порфирий и Кузьма Фадеевы, воспитанник школы Алексей Григорьев. Никифор Михайлович хорошо знал своего бывшего соученика по чувашской школе Василия Маненкова, у которого жандармы конфисковали библиотеку гимназического кружка В. Аверьянова.

19 апреля верховный суд империи приговорил Александра Ульянова, как и всех других 14 подсудимых, к смертной казни. Но приговор подлежал утверждению царя, и газеты по-прежнему хранили молчание о важном процессе. Если Мария Александровна что-то и сообщала домой о судилище, то так, что дети в Симбирске могли еще питать какую-то надежду, что Саша останется в живых.

С этой слабо теплившейся надеждой начала сдавать выпускные экзамены Ольга, а через несколько дней, 5 мая, с сочинения по русской словесности «Царь Борис по произведению А. С. Пушкина «Борис Годунов», приступил к сдаче «испытания зрелости» и Владимир. 7 и 8 мая он уверенно выполнил письменные работы по латыни и математике.

Затем в экзаменах наступил трехдневный перерыв, в начале которого Владимир все еще мог надеяться, что царь смягчит страшный приговор. Но утром в воскресенье 10 мая Ульяновы, как и все симбиряне, узнали о казни Саши и его четверых товарищей. «Объявления об этом подвиге царских опричников, — вспоминала В. В. Кашкадамова, — были расклеены на всех городских столбах». В газетных киосках продавались листки утреннего выпуска «Телеграмм Северного телеграфного агентства», большую часть которого занимало правительственное сообщение. Здесь, впервые в печати, перечислялись имена и фамилии всех 15 подсудимых с указанием их социального происхождения и положения, времени возникновения «тайного кружка», решившего «посягнуть на жизнь Государа Императора», и характера участия каждого в «злумышлении».

Далее говорилось, что все обвиняемые, кроме А. Сердюковой, не участвовавшей в заговоре, но знавшей о нем, были приговорены Особым присутствием к смертной казни. Царь заменил большинству осужденных смертную казнь многолетней каторгой, а П. Шевыреву — «зачинщику и руководителю преступления», трем металликам и А. Ульянову, который «принимал самое деятельное участие как в зло-

умышлении, так и в подготовительных действиях», оставил приговор без изменения.

Владимир не раз перечитывал заключительные строки, с глубокой болью постигая их трагическую сущность: «приговор о смертной казни через повешение над осужденными Гепераловым, Андрюшкиным (надо: Андреюшкиным. — Ж. Т.), Осипановым, Шевыревым и Ульяновым приведен в исполнение 8 мая». Вспоминая эту страшную пору, Мария Ильинична писала: «Так стоит перед глазами его расстроенное, печальное лицо... Я была слишком мала, чтобы понять весь ужас происшедшего, и меня, как это ни странно, больше поразил вид Владимира Ильича, через его горестные слова о брате я начала усваивать значение случившегося»¹.

Очень тяжело переживала гибель любимого старшего брата и Ольга. Ей, по свидетельству подруги и соученицы по выпуску Е. Арнольд, несмотря на поразительное самообладание, после получения известия о приведении приговора в исполнение сделалось дурно.

Поистине нечеловеческие усилия должен был приложить Владимир Ульянов 12 мая, когда пришел на письменный экзамен по алгебре и тригонометрии, чтобы сохранить внешнее спокойствие под любопытными взглядами окружающих, звавших о только что состоявшейся казни его старшего брата. На следующий день — 13 мая — он сдавал последний письменный экзамен, самый трудный — по греческому языку. Пять экзаменов — пять отличных оценок!

Прошло девять долгих и томительных дней, прежде чем начались устные экзамены. 22 мая на все вопросы билета по истории и географии Владимир ответил тоже на отлично. А вечером на пароходе прибыли измученные горем и мытарствами Мария Александровна и Анна. Владимир избегал травмировать расспросами мать и сестру, но Мария Александровна сама повольно рассказывала об ужасном недавнем прошлом.

«Я удивляюсь, — с болью и гордостью вспоминала она о защитительной речи сына, — как хорошо говорил Саша: так убедительно, так прекрасно. Я не думала, что он может так говорить. Но мне было так безумно тяжело слушать его, что я не могла досидеть до конца его речи и должна была выйти из зала». Последними просьбами Александра были: принести ему стихи Гейне, найти у товарищей журнал «Не-

¹ Ульянова М. И. Воспоминания. Цит. по книге Б. Волина «Ленин в Поволжье». М., 1956, с. 34.

мецко-французский ежегодник» со статьями К. Маркса и возвратить его владельцу. Нельзя было без боли слушать рассказ матери о ее хождениях по приемным сановников уже после казни сына с прошениями о разрешении Ане отбывать ссылку не в Восточной Сибири, а в Кокушкине. Даже две фотокарточки Александра, сделанные в тюрьме — одна в профиль, другая анфас, — пришлось просить.

Сразу же в день приезда Анны возник вопрос о выполнении пункта «Проходного свидетельства», согласно которому она была обязана немедленно встать на учет в полиции того города, где остановится на пути в Кокушкино — место пятилетней ссылки. Думается, что в связи с сильным упадком сил сестры документы ее носил в полицейское управление Владимир. Не раз вчитывался он в «Маршрут», выданный 19 мая канцелярией петербургского градоначальника: «Отправляющаяся во временную отлучку из города С.-Петербурга в город Казань дочь действительного статского советника Анна Ильинична Ульянова обязана следовать: безостановочно на Москву, Нижний Новгород до Симбирска, где Ульяновой разрешено пробыть до 20 июня сего года, затем она должна отправиться в город Казань».

С этого времени согласно указаниям центра полиция и жандармерия Симбирска ведет за ней бдительное наблюдение. Фактически же оно осуществлялось за всеми членами семьи Ульяновых.

В конце мая из Петербурга приехал высланный за дружеские отношения с Александром Ульяновым и другими участниками покушения на царя выпускник столичного университета Иван Николаевич Чеботарев. В Симбирске он находился несколько дней проездом, следуя в ссылку в Самару. Как близкий знакомый Анны и особенно Александра, с которым с сентября 1886 года жил в течение четырех месяцев в одной квартире, Чеботарев зашел к Ульяновым.

Владимир долго и доверительно с ним беседовал. «Он расспрашивал, — вспоминал И. Н. Чеботарев, — о последних днях моей совместной жизни с Александром, о допросах меня на предварительном следствии и на самом верховном суде, в особенности о впечатлениях, какие произвел на меня Александр на скамье подсудимых. Обо всем этом он расспрашивал меня спокойно, даже слишком методично, но, видимо, не из простого любопытства. Его особенно интересовало революционное настроение брата»¹.

Сообщая через несколько дней в Петербург близкому товарищу Александра Ильича А. А. Воеводину о беседах с Анной Ильиничной, Чеботарев отметил, что она сильно изменилась: упрекает себя, что ничего не замечала (деятельности брата в террористической организации. — Ж. Т.) и так доверилась и что семья ее твердо переносит свое горе. Он просил также Воеводина сообщить подробности «о последних днях жизни Саши», то есть о последних днях февраля, когда Александр Ильич, запятый печатанием Программы своей фракции, избегал встреч с сестрой и близкими знакомыми.

В конце мая Ольга закончила сдачу экзаменов. Она одна из 54 выпускниц женской Марининской гимназии получила на них высшие баллы. Решением педагогической конференции самая юная выпускница, которой было только пятнадцать с половиной лет, представлялась к награждению золотой медалью.

Продолжал борьбу за высшую награду — шестую медаль в семье — и Владимир. А экзамены были нелегкими. По латыни, 29 мая, высшего балла удостоились только трое (при 17 тройках), по греческому, 1 июня, — только двое, и, наконец, на последнем экзамене, 6 июня, — по математике, кроме Владимира пятерки получили А. Писарев и А. Наумов — претенденты на серебряную медаль. Десять экзаменов — десять пятерок — таков итог испытаний зрелости Владимира.

10 июня педагогический совет на основании этих блестящих результатов и учитывая выдающиеся успехи на протяжении всего гимназического курса учения постановил наградить Владимира Ульянова золотой медалью.

В аттестате Владимира стоит 17 пятерок и только одна четверка — по логике. Появление этой сиротливой оценки — своеобразный отклик Керенского на дело 1 марта. Ведь к моменту заполнения аттестата брат Александра Ульянова имел итоговую оценку по логике, изучавшейся только в седьмом классе, 4½. Согласно министерским указаниям преподаватель при выведении окончательной оценки в таком случае обязан был принять во внимание прилежание и успехи ученика на протяжении всего периода обучения. Кто-кто, а директор, он же преподаватель логики, пристально наблюдавший за Владимиром, знал, что тот был первым учеником с первого до последнего класса. Поэтому Керенский имел юридическое право и все основания для того, чтобы, не посягаясь совестью, округлить оценку до пятерки. Но он сни-

¹ Об Ильиче. Л., 1926, с. 133.

зил на полбалла оценку по логике родному брату «важного государственного преступника».

Более завуалированно поступил Ф. Керенский с характеристикой на Владимира Ульянова. В соответствии с указаниями попечителя учебного округа он должен был четко сказать о степени религиозности и отношении каждого ученика к «социальным вопросам, которые так или иначе затрагивают воспитанника старших классов гимназии».

Как же он отреагировал на эти важные требования? Учитывая данные классного наставника А. Ф. Федотченко, результаты испытаний зрелости и решение педагогического совета о награждении Владимира золотой медалью, Ф. М. Керенский отметил, что Ульянов был «во всех классах первым учеником». Но когда дело дошло до главного, ради чего, собственно, и требовалась начальством учебного округа характеристика, директор ушел от прямого ответа. Он не сказал даже о том, религиозен ли Владимир, хотя, не жалея красок, подчеркивал это качество у других выпускников. Остался без ответа и вопрос об отношении брата Александра Ульянова к «социальным вопросам» и «превратным учениям», тогда как в других характеристиках, например на М. Ф. Кузнецова, директор твердо заявил, что этого ученика «никакие социальные вопросы не интересовали».

В то тревожное время немаловажное значение имела и обрисовка нравственного облика выпускника. «Всегдашняя скромность, прямота, почтительность и деликатность, украшаемые искренним религиозным настроением, — выдающиеся черты характера Сахарова. Никакие легкомысленные или превратные учения не могли коснуться его понятия», — велеречиво изливался Ф. Керенский в характеристике на сына богатого купца. И как скупо и двусмысленно характеризовал он золотого медалиста, личность которого особо интересовала начальство всех рангов и ведомств: «Присматриваясь ближе к домашней жизни и характеру Ульянова, я не мог не заметить в нем излишней замкнутости, чуждаемости от общения даже с знакомыми людьми, а вне гимназии с товарищами, и, вообще, нелюдимости».

И вовсе не случайно, что инспектор студентов Казанского университета в своем отзыве на выпускников 1887 года, принявших активное участие 4 декабря в знаменитой сходке-демонстрации, считал важным подчеркнуть, что между ними был «Ульянов, окончивший курс с золотой медалью, но и в его характеристике указано на излишнюю замкнутость, чуждаемость от общения даже с знакомыми людьми, а вне

гимназии и с товарищами и вообще нелюдимость, что он и обнаружил». Попечитель Казанского учебного округа тоже считал, что Владимир Ульянов во время кратковременного учения в университете «обратил на себя внимание скрытностью», то есть все той же «замкнутостью», которая так усердно выпячивалась Ф. М. Керенским. Таким образом, отзывы начальства вполне подтверждают тот несомненный факт, что характеристика на Владимира, направленная директором гимназии в университет, имела отрицательные оттенки.

Выпускная характеристика — документ сугубо конфиденциальный, и содержание ее Владимиру Ульянову в 1887 году не было известно. Но, хорошо зная директора своей гимназии, он, конечно, догадывался, что Керенский отметит наряду с очевидными для всех учебными успехами и его «замкнутость» — нежелание, как говорится, раскрыть свою душу. Однако не быть скрытным, особенно с начальством, Владимир, с его политическими взглядами и атензмом, не мог, несмотря на свой общительный характер.

Что Владимир не подпал под влияние директора — «классика» по специальности, говорит и его выбор факультета. Ф. Керенский полагал, что лучший ученик выпуска сделал бы блестящую карьеру, если бы пошел по его стезе, то есть поступил бы на историко-филологический. Но Владимир не пожелал посвятить свою жизнь мертвым латинскому и греческому языкам, а также отверг, казалось бы выгодный в его положении, физико-математический и выбрал юридический.

В общем-то этот факультет не только не считался «красивым», но, наоборот, в годы реакции 80-х годов он стал одним из самых престижных для карьеристов и любителей хорошо оплачиваемых мест и должностей. Если бы Владимир руководствовался «благонамеренными» соображениями, то Ф. Керенский был бы рад такому выбору Ульяновым будущей профессии. Но он имел основания опасаться наличия у золотого медалиста иных мотивов.

В действительности же Владимир Ульянов решил поступить на один из самых реакционных факультетов главным образом потому, что уже в 17 лет, как подчеркивал Дмитрий Ильяич, поставил «перед собой задачу изучения буржуазного общества, его экономической структуры, изучения его права; изучение всего в целом современного общества», борьба с которым стала целью жизни. «Как известно, — продолжал Дмитрий Ильяич, — и Карл Маркс избрал юридический факультет; и это не случайность, что как тот, так и Владимир

Ильич, поступаая в университет, остановились оба на одном факультете»¹.

Определенное значение в выборе Владимиром Ульяновым будущей профессии имело и понимание того, что государственные должности, в том числе и педагогическая служба, для него, как брата известного революционера, будут закрыты. И он наметил для себя, по выражению Анны Ильиничны, более свободную профессию — адвокатскую. Работа в частной конторе присяжного поверенного освобождала от подневольного проведения в жизнь антинародных правительственных декретов, унижительного соблюдения чинопочитания в соответствии с «табелью о рангах», давала возможность публично сражаться с государственными прокурорами во время судебной защиты жертв узаконенного беззакония, и в том числе политических обвиняемых. Наконец, адвокатская практика являлась удобным предлогом для знакомства с различными слоями населения, а следовательно, и прикрытием связей с революционерами, которые, естественно, должны возникнуть.

С какими чувствами расставались выпускники 1887 года со своей гимназией? Подавляющее большинство покидало ее стены с нескрываемым облегчением и радостью. Ведь для них в отличие от Владимира Ульянова она была не восьмиклассной, ибо им пришлось тянуть гимназическую лямку по девять и более лет: из 55 мальчиков, числившихся вместе с Владимиром в 1879/80 учебном году в первом классе, испытания зрелости в 1887 году сдавали только восемь! Многие из этого выпуска довелось быть в каком-нибудь из классов второгодниками, а некоторые испытали эту горечь дважды.

К Симбирской классической гимназии в полной мере приложима та характеристика, которую Владимир Ильич дал в 1920 году на III съезде комсомола старой школе. Она тоже была «школой муштры, школой зубрежки», заставлявшей людей «усваивать массу ненужных, лишних, мертвых знаний, которые забивали голову», «вырабатывала прислужников, необходимых для капиталистов». Для нее был характерен отрыв изучаемого от практики жизни, а каждое слово ее «было подделано в интересах буржуазии»².

Н. К. Крупская, подчеркивая автобиографический характер этих высказываний Владимира Ильича, поясняла: «Сам

ученик классической гимназии, типичной старой средней школы, он ненавидел эту старую школу с ее зубрежкой и муштрой, с ее отрывом от жизни. Он видел и знал, как в этой старой школе ум учащихся обременялся массой знаний, на девять десятых ненужных и на одну десятую искаженных»¹.

И только немногие «сильные, энергические» натуры, как справедливо в свое время подчеркивал Н. А. Добролюбов², могли устоять от задерживающего «развития» старой школы. В числе таких немногих юношей, сумевших, вопреки стараниям керенских и исключительно благодаря своим «университетам», сохранить самобытность и успешно овладевать тем богатством, которое выработало человечество, был Владимир Ульянов. На пороге большой жизни он был человеком ума и воли, готовым к активной общественно полезной деятельности.

«МЫ ПОЙДЕМ НЕ ТАКИМ ПУТЕМ»

Трагическая судьба любимого брата поразила Владимира, но в то же время обострила работу его мысли. Прежде всего Владимир пытался представить все обстоятельства, побудившие Александра так неожиданно быстро вступить в смертельную схватку с царизмом.

Главное для него было ясно: поступок этот совершен вполне сознательно. В. В. Кашкадамова свидетельствует: «Когда мне приходилось говорить об Александре, Владимир повторял: «Значит, он должен был поступить так, — он не мог поступить иначе»³. Что касается конкретных причин, обусловивших недовольство Александра существующим строем, то о них Владимир слышал во время разговоров с братом, из уст сестры Анны, Н. И. Чеботарева, наконец, из рассказов Марии Александровны, читавшей показания Саши на следствии и слушавшей его защитительную речь на суде.

¹ Крупская Н. К. О Ленине. М., 1960, с. 367.

² Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 9-ти томах. Т. 1. М. — Л., ГИХЛ, 1961, с. 506.

³ Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г., с. 274.

¹ Ульянов Д. И. Очерки разных лет, с. 60.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 303—305.

Были и другие источники информации. Известно, например, что прокламация «17 ноября в Петербурге», написанная Александром по поводу добролюбовской демонстрации 1886 года, была распространена и в Симбирске. А Анна Ильична писала: «Кое-что из речи Александра Ильича, из его поведения и выступления на суде просочилось еще и тогда, окружив его личность ореолом, и передавалось устно, служа примером для молодежи»¹.

Яркий след в сознании присутствовавших во время защитительной речи Александра Ульянова оставило его решительное заявление, что правительству не удастся подавить борьбу революционеров: «Среди русского народа всегда найдется десяток людей, которые настолько преданны своим идеям и настолько горячо чувствуют несчастье своей Родины, что для них не составляет жертвы умереть за свое дело. Таких людей нельзя запугать чем-нибудь»².

А делом жизни Александра Ильича была борьба за торжество социалистических идеалов. Это видно и из тех требований, которые он сформулировал в Программе своей фракции:

«1. Постоянное народное представительство, выбранное свободно, прямой и всеобщей подачей голосов, без различия пола, вероисповедания и национальности, и имеющее полную власть во всех вопросах общественной жизни;

2. Широкое местное самоуправление, обеспеченное выборностью всех должностей;

3. Самостоятельность мира³, как экономической и административной единицы;

4. Полная свобода совести, слова, печати, сходов, ассоциаций и передвижений;

5. Национализация земли;

6. Национализация фабрик, заводов и всех вообще орудий производства;

7. Замена постоянной армии земским ополчением;

8. Даровое начальное обучение»⁴.

В своей программе Александр Ульянов творчески использовал некоторые идеи партии «Народная воля». Но он испытал и влияние марксизма: «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, «Капитала» К. Маркса,

а также программных документов группы Д. Благоева и плехановской группы «Освобождение труда»¹.

Примечательно в связи с этим следующее положение Программы А. Ульянова: «Что касается до социал-демократов, то наши разногласия с ними кажутся нам очень несущественными и лишь теоретическими. Они сводятся к тому, что мы возлагаем большие надежды на непосредственный переход народного хозяйства в высшую форму и, придавая большее самостоятельное значение интеллигенции, считаем необходимым и полезным немедленное ведение политической борьбы с правительством.

На практике же, действуя во имя одних и тех же идеалов, одними и теми же средствами, мы убеждены, что всегда будем оставаться их ближайшими товарищами»².

Александр Ильич, как и социал-демократы, был твердо убежден, что «единственно правильный путь воздействия на общественную жизнь есть путь пропаганды пером и словом». Но так как правительство не допускает «не только социалистической пропаганды, но даже общекультурной», то, полагал он, неизбежен террор — стихийная форма борьбы, «происходящая от того, что недовольство в отдельных личностях доходит до крайнего проявления»³.

Чувство недовольства общим строем и всеми условиями русской жизни было неотъемлемой частью мировоззрения и семнадцатилетнего Владимира Ульянова.

Он, как и брат, уже в старших классах «был настроен очень оппозиционно к гимназическому начальству, к гимназической учебе», ясно сознавая, что зубрежка и муштра в Симбирской классической гимназии, засилье в ней мертвых языков и других древностей процветали не случайно, а вследствие общего реакционного курса правительства в области среднего образования.

Владимир в ранней молодости тоже остро переживал те гонения, которым подвергался Илья Николаевич и руководимая им народная школа губернии; был убежден в ненормальности государственного строя, правящие классы которого бояться разумной грамотности трудящихся и под всяческими предлогами препятствуют ей. И, как говорится, обеими руками мог подписаться под словами Александра из его прокламации по поводу разгона добролюбовской демонстрации

¹ Ульянова-Елизарова А. И., с. 21.

² Дело 1 марта 1887 г., с. 292.

³ Под «миром» подразумевается крестьянская община.

⁴ Дело 1 марта 1887 г., с. 376—377.

¹ Альтман И. А. Программа группы А. И. Ульянова. — Вопросы истории, 1977, № 4, с. 40.

² Дело 1 марта 1887 г., с. 377.

³ Там же, с. 292. (Подчеркнуто мной. — Ж. Т.).

17 ноября 1886 года в Петербурге: «Только невежество порождало темное царство, оно составляло его силу, давало ему возможность подчинить своему гнету лучшие элементы русского народа. И это темное царство гнетет нас и теперь, но мы уже не сомневаемся, что дни его сочтены: распространение просвещения должно быть той путеводной звездой, которая выведет русский народ на истинную дорогу»¹.

Введение в 1885 году нового университетского устава вызвало негодование или, по крайней мере, недовольство почти всей интеллигенции и учащейся молодежи страны. Студенчество, как это видел Владимир из писем брата, особенно было недовольно преследованием студенческих землячеств.

Все эти мероприятия в области начального, среднего и высшего образования проводились министерством народного просвещения, которое Владимир Ильич впоследствии метко назовет «министерством народного затемнения», в угоду имущим классам и в ущерб прогрессу и процветанию Отечества.

Еще в Симбирске Александр Ильич возмущался преследованием Д. И. Писарева, изъятием из общественных библиотек произведений этого критика, других прогрессивных авторов. Позже, в Петербурге, он и Анна с грустью и болью убедились во враждебном отношении правительства к попыткам общественности продемонстрировать свое уважение и благодарность всемирно известному И. С. Тургеневу во время похорон его на Волковом кладбище. Тяжело переживали брат и сестра гонения на М. Е. Салтыкова-Щедрина и закрытие в 1884 году любимых «Отечественных записок». И как бессмысленную жестокость расценили Ульяновы и их друзья расправу правительства с манифестацией по случаю двадцатипятилетия со дня кончины Н. А. Добролюбова.

Владимир, по примеру брата и сестры, признавал Писарева, Тургенева, Салтыкова-Щедрина, Добролюбова и Чернышевского «своими учителями», и ему тоже был близок их завет бороться «с неправдой и со злом русской жизни». И конечно, гордился, что Александр и Анна использовали каждую возможность для того, чтобы продемонстрировать свое уважение к тому, «что так дорого для каждого сколько-нибудь образованного русского, что составляет истинную славу и гордость нашей родины», и одновременно возмущались грубо-деспотическим отношением правительства к «самым общекультурным стремлениям общества»².

¹ Дело 1 марта 1887 г., с. 379.

² Там же, с. 379, 381.

Поэтому никакое красноречие Ф. М. Керенского, разъяснявшего в начале 1887 года министерские циркуляры о запрещении гимназистам и студентам принимать участие в публичных чествованиях, подобных добролюбовской демонстрации в Петербурге, не могло поколебать его решимости при первом же удобном случае тоже продемонстрировать признательность «своим учителям» жизни. Точно так же он отреагировал на сообщение директора о правительственном запрете учащимся вступать в студенческие землячества, а без разрешения начальства — и в дозволенные законом общества.

Но Ульяновых волновали не только, и даже не столько, реакционные меры в области народного образования и культуры, сколько остатки крепостничества, угнетение нерусских национальностей, произвол, казнокрадство и взяточничество власть имущих, безнравственность и поборы духовенства, бесчеловечная эксплуатация крестьянства помещиками и кулачеством, рабочих и их семей — фабрикантами и полное гражданское бесправие всех тружеников.

Глубокий экономический кризис, разразившийся в начале 80-х годов во многих странах мира, захватил и Россию. После сильных неурожаев и голода 1880—1884 годов последовали сравнительно удовлетворительные сборы зерновых. Но в условиях всеобщего кризиса резко упали цены на хлеб, что повлекло снижение покупательной способности крестьян, обострение нищеты трудящихся и застой промышленного производства.

Тысячи крестьянских хозяйств ежегодно приходили в упадок. Многие бедняки сдавали свои наделы «мироедам», а сами становились их батраками или уходили на заработки в Заволжье, а то и переселялись в Сибирь.

Тяжелым было и положение рабочих: 12—14-часовой трудовой день, отсутствие элементарной техники безопасности, низкие расценки, штрафы за малейшие провинности, антисанитарные условия быта. Даже начальник местной жандармерии в обзоре за 1887 год счел нужным доложить в Петербург, что фабриканты, «пользуясь своим правом, сильно эксплуатируют» наемных работников, «заставляя их брать в своих лавках различные продукты и разные для обихода вещи», но те «терпят это, так как волею или неволею им нужно же кормиться и содержать семью, но бывают и жалобы с их стороны, которые кончаются у мировых судей»¹. На подоб-

¹ ЦГАОР, ф. ДП, 3-е дел-во, оп. 84, д. 89, ч. 46, л. 4.

ных «обзорах» стоял гриф «секретно», но эксплуатация тружеников города и деревни ни для кого не была тайной. И Владимир Ульянов, как мы видели, 15 апреля 1887 года в классном сочинении «О причинах благосостояния народной жизни» не удержался от того, чтобы не выразить своего сочувствия угнетенным классам.

Чувства глубочайшей горечи рождались у каждого, кто читал официальные данные о том, что средняя продолжительность жизни в России равна лишь 25 годам, тогда как в Англии она достигала 53 лет. Врач В. П. Кармазинский, с сыном которого дружил в гимназические годы Владимир Ульянов, докладывая в 1887 году городской думе о недостатках медицинского обслуживания в Симбирске, с болью отмечал, что «из всех родившихся детей до 1 года умирает 36 процентов в год... до 5 лет доживает только половина родившихся», а рабочего возраста достигает 46 человек из ста¹. Главной причиной высокой смертности врач считал тяжелые условия жизни рабочего люда.

Картины обнищания можно было встретить и не выезжая из Симбирска. Вот одна из них, запечатленная 12 июня 1887 года на страницах самарской газеты: «На всех главных улицах города, во всякое время года, осаждают прохожих целые толпы оборванных крестьян обоего пола, просящих милостыню: это все погорельцы».

Особенно безотрадной и бесправной была участь национальных меньшинств, составлявших почти треть населения Симбирской губернии. Царизм, придерживаясь деспотического правила «разделяй и властвуй», всячески разжигал национальную рознь и поощрял любые методы обрусения чувшей, мордвы и татар. Великодержавный шовинизм, культивируемый правительством, с юных лет возмущал Владимира Ильича. И даже много лет спустя в письме «К вопросу о национальностях или об «автономизации» он привел свои «вожские воспоминания о том, как у нас третируют инородцев, как поляка не называют иначе, как «полячишкой», татарина не высмеивают иначе, как «князь», украинца иначе, как «хохол», грузина и других кавказских инородцев, — как «кавказский человек»². Но в гимназические годы он гордился, что Илья Николаевич так много трудился над тем, чтобы вооружить знаниями многочисленных «инородцев». И сам, «идя по стопам отца», полтора года занимался

¹ Журналы Симбирской городской думы за 1887 год. Симбирск, 1888, с. 214.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 359.

с учителем чувашской школы Н. М. Охотниковым, как бы личным примером призывая на борьбу с национализмом великорусских держиморд.

Честный человек не мог мириться с этими и другими видами угнетения, с невыносимыми условиями, в которых жил и трудился народ. Легальных возможностей борьбы против эксплуататоров почти не имелось. Из этих фактов Александр Ульянов сделал один вывод, а Владимир Ульянов — другой, и весной 1887 года он отверг терроризм. К этому выводу подводила схватка народовольцев с царизмом.

Приведение в исполнение народовольцами своего приговора царю 1 марта 1881 года ошеломило Россию. В последующее пятилетие печать неоднократно сообщала об убийствах губернаторов, чинов прокуратуры, жандармерии, полиции, сыскальной службы. Но реакционные правящие круги не выполнили требований революционеров о предоставлении народу земли и воли, еще более обнаглели.

В малоэффективности террора как метода политической борьбы убеждали и события после 1 марта 1887 года. Владимир понимал, что брат и его товарищи надеялись запугать Романовых. Но после покушения царь не отказался от прежнего внутриполитического курса. И не потому, что был храбрым. На сохранении неограниченного самодержавия настаивали катков и победоносцевы, помещики, крупные промышленники и финансисты, влиятельные отцы церкви.

Уже 8 марта князь В. П. Мещерский в своем «Гражданине» зывал к мракобесам: «...да послужит это дважды проклятое число 1-е марта для нашей русской школы днем глубокого раздумья». Князь призывал сделать все, чтобы «самый малый процент молодежи тянулся в гимназии и в университеты», а наибольший — «оставался на своих местах».

Его единомышленник, член совета при министре народного просвещения Н. А. Любимов, в газете «Свет» предложил для этой цели ликвидировать подготовительный и первые два класса в классических гимназиях.

Эти и другие требования апологетов самодержавия благосклонно воспринимались царем. В марте началось «очищение» столичного университета от «неблагонадежных» студентов. Вскоре вышло распоряжение, на основании которого в него закрывался доступ выпускникам гимназий провинциальных учебных округов.

В мае произошла «чистка» и в других высших учебных заведениях страны. Из Казани, например, были высланы

в Симбирск бывшие одноклассники Александра Ульянова Н. Войцеховский, Д. Гончаров, Н. Тимонов.

Реакция губительно сказалась и на женском образовании. Уже пять лет назад был прекращен прием на женские врачебные курсы. В 1886 году был издан такой же запрет в отношении высших «Бестужевских» женских курсов. А весной 1887 года в Симбирск поступило известие о закрытии приема и на высшие женские курсы в Казани. Теперь в России не оставалось высшего учебного заведения, куда бы могла поступить после окончания гимназии Ольга Ульянова. Что оставалось делать девушкам, мечтавшим о дальнейшем образовании, потерявшим право приобрести диплом учителя или врача, благодаря реакционным установкам «тащить и не пущать»? Обзоратель июньской книжки журнала «Вестник Европы» за 1887 год, не имея возможности резко осудить бесчеловечные узаконения, сделал это полуиносказательно: «Зато в Париже сейчас из 103 слушательниц медицинских лекций 76 слушательниц русских, а француженок только 8».

В апрельском номере «Вестника Европы» за 1887 год сообщалось о том, что в «верхах» обсуждается новый проект о семиклассных реальных училищах. До сего времени их выпускники имели право на поступление в институты. Теперь предполагалось преобразовать эти училища в пятиклассные — с тем чтобы закрыть дорогу их питомцам в любое высшее учебное заведение.

В июне министр народного просвещения И. Д. Делянов издает печально знаменитый циркуляр, вошедший в историю как циркуляр «О кухаркиных детях», согласно которому в несколько раз повышалась плата за обучение в университетах, а детям «кучеров, лакеев, поваров, мелких лабачников и т. п.» даже за деньги почти преграждался доступ в средние учебные заведения. С этой же целью были закрыты приготовительные классы в классических гимназиях; плата за учение в них тоже резко возросла.

Много толков в Симбирске вызвало распоряжение царя о том, чтобы с 1887 года кадетские корпуса комплектовались преимущественно «малолетними из дворянского сословия». Военный министр, зная о постоянной финансовой поддержке Симбирской городской думой местного кадетского корпуса, в ответ на ее ходатайство оставить прежний порядок приема пообещал оказать содействие в получении царского разрешения в отношении детей чиновников и купцов, но с непременным условием, чтобы прием «малолетних из прочих неприлежательных сословий был прекращен». Городская дума

вновь просила о сохранении прежнего порядка, но — безуспешно¹.

Значит, те немногие из детей мещан, которые с помощью городской думы раньше получали здесь среднее образование (далеко не все кадеты становились в дальнейшем военными), теперь лишились и этой редкой возможности.

Обзоратели «Вестника Европы» и «Русских ведомостей» с тревогой сообщали читателям о стремлении сторонников «жесткого» курса правительства урезать и без того скудные права земского самоуправления, пересмотреть пореформенное законодательство и судопроизводство, передать полноту власти в уездах местному дворянству, разжечь национальную вражду.

После дела 1 марта реакция в стране усилилась. Но даже самые верные ее сторонники не верили в возможность искоренения крамолы только насильственными мерами.

Обер-прокурор святейшего синода К. П. Победоносцев, имея в виду многочисленные аресты, проводившиеся в Петербурге в начале марта 1887 года, писал: «Нельзя выследить всех их, нельзя вылечить всех обезумевших. Но надо допросить себя, отчего их так много, обезумевших юношей...»²

Симбирский помещик Д. И. Воейков, возвращавшийся в высших правительственных сферах, в письме к М. Н. Каткову высказывал беспокойство: «Многочисленные аресты и суровые меры несколько не изменяют существа дела, понятного всякому зрячему человеку. Нынешние руководители не понимают существа опасности и не знают, где следует бороться с нею, а лучший из царей нынешнего века доведен до того, что он вынужден считать себя ежеминутно в опасности и обещает никуда не ездить с наследником...»³

«Последнее покушение 1 марта сего года доказало, — сообщал свое мнение другой симбирский сановник К. П. Победоносцеву, — что наша так называемая крамола не ослабеваает, что революционное состояние школы усиливается... Смута умственная произведена тридцатилетнею пропагандою в литературе, в школе, в обществе, в жизни».

Политические события в России весной 1887 года вызвали оживленные отклики в Европе. Фридрих Энгельс, имея в виду и выступление группы Александра Ульянова, в пись-

¹ Журналы Симбирской городской думы за 1887 год. Симбирск, 1888, с. 3.

² К. П. Победоносцев и его корреспонденты, т. 1. М. — П., 1923, с. 652.

³ ГБЛ, отд. рук., ф. М. Н. Каткова, к. 23, л. 47.

ме от 21 марта к дочери К. Маркса Лауре Лафарг высказал мысль, что народовольцы «в конечном счете достигли своей цели», так как царь «ползает на коленях перед революцией»¹. Предвидя наступление в России скорого кризиса, Ф. Энгельс в письме к Ф. А. Зорге вновь указывает на «последние покушения», которые, «кажется, переполнили чашу...»². Эти выводы были сделаны вскоре после появления в печати трусливого заявления царского правительства о том, что в России еще, дескать, не «настало время введения конституционного правления»; что правительство даже «тщательно изучает государственный социализм, успешно осуществляемый в Германии князем Бисмарком», а народовольцы-де не понимают этого и вынуждают русского императора предпринимать «дорогостоящие меры предосторожности для обеспечения его личной безопасности».

Примечательно, что в сочувственных отзывах европейской печати о деле 1 марта 1887 года, как правило, особо выделяется личность Александра Ильича.

«Мужество людей вроде Ульянова и его товарищей, — указывал Г. В. Плеханов в своем очередном «Обзрении» в «Социал-демократе», — напоминает нам мужество древних стоиков: вы видите, что при данных взглядах на вещи, при данных обстоятельствах и при данной высоте своего нравственного развития эти люди не могли действовать иначе»³.

Французская рабочая газета «*Cri du peuple*», рассказывая 13 июня 1887 года своим читателям о мужественном поведении А. Ульянова и П. Шевырева перед казнью, подчеркивала, что они «оказались достойными того великого дела, за которое умирали»⁴.

Консервативная лондонская «Таймс» в сообщении от 4 мая того же года выделила только одного революционера: «Все подсудимые вели себя на суде благоразумно и спокойно, — свидетельствовал буржуазный репортер, — за исключением Ульянова, который произнес очень смелую и дерзкую речь, выразив в ней сожаление по поводу того, что заговор не удался». Яркая речь А. Ульянова на суде привлекла внимание английской «Дейли ньюс», швейцарской «Социал-демократ» и некоторых других газет.

Но самым эмоциональным публичным откликом на под-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 36, с. 536.

² Там же.

³ Плеханов Г. В. Соч., изд. III, т. III. М. — Л., 1928, с. 259.

⁴ Красный архив, 1926, т. 2, с. 222—223.

виг Александра Ильича стала поэма «Ульянов», появившаяся 15 октября 1887 года в журнале «Пешедшвит» — органе Польской социалистической партии «Пролетариат», выходившем в Женеве и Париже. Ее автор — предположительно одна из деятелей польского социалистического движения Ц. В. Войнаровская — живо воссоздала сцены бесстрашного поведения Александра Ильича, показала его непоколебимую уверенность в победе борцов за народное счастье. Рисуя картину казни, поэтесса пишет: «Спокойствием его чело сияло... Студент Ульянов умирал мужественно, уверенный, что придет час мщения».

Несмотря на ошибочность пути борьбы, избранного старшим братом и его товарищами, Владимир Ильич высоко ценил героизм народovolьцев. «Они проявили величайшее самопожертвование и своим героическим террористическим методом борьбы вызвали удивление всего мира. Несомненно, эти жертвы пали не напрасно, несомненно, они способствовали — прямо или косвенно — последующему революционному воспитанию русского народа»¹. Владимиру Ильичу стоило большой внутренней борьбы идейно высвободиться из-под влияния предшествующих революционеров и пойти по другому пути². Верная дорога ему была подсказана марксизмом.

ИДЕИ МАРКСИЗМА ПРОНИКАЛИ В СИМБИРСКУЮ ГЛУШЬ

Высказывание В. И. Ленина, что Россия около полувека, с 40-х и до 90-х годов, жадно искала «правильную революционную теорию», целиком относится и к его родному краю.

Еще в 40-х годах один из просвещенных людей своего времени Г. М. Толстой, владевший имением в Казанской губернии, но частенько гостивший в семье декабриста В. П. Ивашева в Ундорах и имевший в Симбирске немало друзей, познакомился с К. Марксом. А по возвращении из-за границы на родину восторженно рассказывал о нем близким знакомым. Когда один из них, симбирянин П. В. Анненков,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 315.

² Крупская Н. К. О Ленине, с. 84.

отправлялся в Европу в марте 1846 года, Г. Толстой дал ему для передачи К. Марксу теплое письмо:

«Дорогой друг! Я рекомендую Вам г-на Анненкова. Это человек, который должен понравиться Вам во всех отношениях. Его достаточно увидеть, чтобы полюбить. Он Вам расскажет обо мне. Я не имею теперь возможности высказать Вам все, что хотелось бы, так как через несколько минут уезжаю в Петербург.

Будьте уверены, что дружба, которую я питаю к Вам, вполне искренняя. Прощайте. Не забывайте вашего истинного друга Толстого»¹.

Весной 1846 года Анненков был принят Марксом в Брюсселе. Более того, ему посчастливилось быть одним из немногих русских, с кем Маркс вел личную переписку. Встречи с Марксом и Энгельсом оставили у Анненкова неизгладимое впечатление, и он вспоминал о них в очерке «Замечательное десятилетие», появившемся в апрельской книжке «Вестника Европы» за 1880 год. Ульяновы регулярно читали этот либеральный журнал и, конечно же, не могли не обратить внимание на живо написанные мемуары писателя-земляка.

В феврале 1850 года в Симбирске был арестован друг и соратник А. И. Герцена Н. П. Огарев. Его, как и Н. М. Сатина и А. А. Тучкова, власти обвинили в «причастности к коммунистической секте». В марте следующего года Н. Г. Чернышевский почти всю дорогу от Петербурга до Симбирска рассуждал с Д. И. Минаевым (поэтом и отцом поэта-демократа) и Н. А. Гончаровым (учителем Симбирской мужской гимназии, братом знаменитого романиста) о «коммунизме, волнениях в Западной Европе, революции, религии»². И. Н. Ульянов в 70-х годах не раз встречался с Д. И. Минаевым и Н. А. Гончаровым в Карамзинской общественной библиотеке, так как все трое были членами ее комитета. И не только с ними.

Неподалеку от квартиры Ульяновых на Стрелецкой улице (где теперь находится площадь имени 100-летия со дня рождения В. И. Ленина) в начале 70-х годов проживал В. А. Головинский, которого Илья Николаевич хорошо знал. Этот петрашевец в 1849 году читал «Нищету философии» К. Маркса.

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., Политиздат, 1967, с. 127.

² Чернышевский Н. Г. Литературное наследие, т. 1. М. — Л., 1928, с. 543.

Выше говорилось, что в селе Каменка Курмышского уезда Симбирской губернии долгие годы именован О. С. Левашевой — члена Русской секции I Интернационала — управлял самый близкий друг И. Н. Ульянова Владимир Иванович Захаров. О. С. Левашеву знали К. Маркс и члены его семьи. Недавно стало известно, что она, проживая в Каменке, продолжала поддерживать связи со своими товарищами по Интернационалу. Вот что писал Н. И. Утин К. Марксу 17 декабря 1876 года: «Элиза (Е. Л. Тумановская, героиня Парижской коммуны. — Ж. Т.) явилась к Виктору (Бартемеу. — Ж. Т.) и попросила его обратиться за границей к ее старым друзьям, через посредство г-жи Ольги (О. С. Левашевой. — Ж. Т.), чтобы достать ей 3000 рублей... Эти деньги нужны, чтобы уплатить адвокату, который пожелал бы защитить ее мужа...

Я считаю, — продолжал Утин, — что нужно помочь, и я не был бы достоин называться твоим сыном, если бы думал иначе... Я могу выделить тысячу франков и постараюсь доставить ей; Ольга последует моему примеру и пошлет ей, вероятно, две тысячи»¹.

Илья Николаевич знал о революционном прошлом Захарова и Левашевой, как и то, что они по-прежнему считались политически неблагонадежными людьми. Он не раз бывал в 70—80-х годах в Каменке, посещал народную школу, размещавшуюся в доме хозяйки, и в своих «Отчетах» отмечал весьма полезную помощь Левашевой и Захарова в просвещении крестьянских детей. О чем шли разговоры между ним и каменскими поднадзорными, можно только догадываться, но не исключено, что какие-то подробности о Карле Марксе, как вожде Интернационала и человеке, он мог услышать из уст Ольги Степановны Левашевой.

Помощник Ильи Николаевича районный инспектор народных училищ В. И. Фармаковский на протяжении ряда лет следил за социалистической литературой и со своих, либерально-религиозных, позиций выступал в столичной печати со статьями на тему «Коммунизм и христианство». Вот отрывок из статьи, который характерен для понимания Фармаковским марксизма. «Основатель и вождь новейшей интернациональной партии рабочих Карл Маркс, — писал он в 1875 году, — является проповедником в религиозном, политическом и социальном отношениях, самого крайнего радикализма. В философии он проповедует крайний мате-

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия, с. 335, 336.

риализм, в политике — демократическую анархию, в общественном устройстве — социализм, в религиозной области — безусловный атеизм»¹.

Лечащий врач Ульяновых А. А. Кадыян в начале 70-х годов изучал в Женеве работу секции I Интернационала, сочувственно высказывался о борьбе парижских коммунаров. Интерес к социалистической литературе и практике социал-демократического движения А. А. Кадыян сохранил и в последующие десятилетия.

Народный учитель В. А. Калашников незадолго до того, как Илья Николаевич пригласил его помочь в подготовке своих детей Александра и Анны к поступлению в гимназии, получил от студента Казанского университета В. А. Белилина связку книг по социальным вопросам, в том числе «Труд и капитал по Марксу, в изложении Чернышевского», и, по его словам, «в свободное время, особенно по ночам в уединении, прочитал их все от корочки до корочки»².

В 1876 году Карамзинская общественная библиотека, членом комитета которой состоял И. Н. Ульянов, приобрела первое русское издание первого тома «Капитала» К. Маркса (книга эта выдавалась читателям до 1885 года). Имелся в фондах симбирской «публички» книга В. В. Берви-Флеровского «Положение рабочего класса в России», получившая положительный отзыв К. Маркса, комплекты «Современника», «Отечественных записок», «Русской мысли» и других журналов, где печатались статьи и рецензии о трудах основоположника научного социализма.

Идеи марксизма проникали в Симбирск через революционных народников, охотно заимствовавших у К. Маркса и Ф. Энгельса критику капитализма. В середине 70-х годов первый том «Капитала» К. Маркса был отобран при обыске у сына учителя Симбирской классической гимназии С. М. Чугунова. Его гимназический товарищ П. П. Викторов летом 1874 года убеждал работников сухопной фабрики в ненормальности капиталистической эксплуатации, доказывая, «что земля должна быть отобрана у помещиков и отдана крестьянам». Небезынтересно, что 27 марта 1881 года студент П. Викторов во время публичной защиты И. Иванюковым докторской диссертации в Московском университете выступил с резкой критикой, приводя при этом «по памяти длинные цитаты из Маркса», и доказывал, что «социализм на-

учный стоит в неразрывной связи с революционным» и «всякий социальный прогресс добит революцией»¹.

В 1875 году в Сызрани вел пропаганду среди железнодорожных рабочих студент-революционер А. Л. Теплов — будущий знакомый В. И. Ленина. При аресте жандармы изъяли у него 32 брошюры, в их числе были и издания, в которых излагались истории Интернационала и Парижской коммуны, объяснялась суть капиталистической эксплуатации. Часть этой литературы А. Теплов получил из рук В. И. Засуллич, с которой встречался в Пензе незадолго до своего ареста.

В 70-х годах в Септилевском уезде служил земским врачом В. И. Воронцов. Он принимал, по словам жандармов, «за аксиому коммунистическое учение, что земля должна принадлежать всем людям», а рабочие для улучшения своего положения должны «устраивать стачки» и создавать «общественные лавки и магазины». Этот факт отнюдь не означает, что молодой врач был марксистом. Более того, в 80—90-х годах В. И. Воронцов, приобретший известность под псевдонимом «В. В.», уже в роли идеолога либерального народничества, будет вести борьбу против российских марксистов. Уничтожающую критику воронцовских статей и исследований дал в своих первых трудах В. И. Ленин.

Симбирский помещик Б. П. Мачеварянов не раз сетовал в письмах к приятелям по поводу того, что через «Отечественные записки» и «Дело» молодежь знакомится с западноевропейскими идеями «нигилистов, социалистов, демократов». Другой местный консерватор В. П. Юрлов в газетной заметке нападал на передовую печать за пропаганду понятий «о равенстве, братстве и чуть ли не коммунизме». Юрлов утешал себя тем, что основатели этих, по его мнению, «эфемерных» идей, «слава богу, живут далеко за пределами нашего отечества».

Но никакие заклинания противника марксизма не могли приостановить его распространения, и с каждым годом рос интерес симбирян к популярной теории. Это пугало как реакционеров, так и либеральствующих земцев, что нетрудно заметить на страницах симбирских газет. Так, в «Волжском вестнике» от 31 января 1879 года анонимный противник «социал-демократических и коммунистических теорий» подверг пространной критике только что появившееся в петербургском «Вестнике Европы» изложение книги Франца Меринга «Социальное движение в Германии». Столичный публицист

¹ Христианское чтение. СПб., ч. 2, с. 142.

² Юбилейный сборник, с. 45.

¹ История Москвы. Том IV. М., АН СССР, 1954, с. 382.

не видел опасности в том, что немецкие социалисты могут на ближайших выборах увеличить число своих сторонников с пятисот тысяч до миллиона: расширение сферы влияния маловероятно в среде ремесленных и мануфактурных рабочих. К тому же многие из «завербованных» не расположены к насильственной борьбе.

«Таким образом, автор статьи «Социальное движение в Германии», — негодует симбирский критик, — находит, что социалисты, коммунисты и анархисты не опасны для общества и правительства, что им можно предоставить полную свободу организовываться и открыто вербовать миллионную армию приверженцев». Вывод его свелся к тому, что против распространившейся по всей Европе «зловредной пропаганды» необходимы «совместные и солидарные действия всех европейских держав». У себя же в России, по мнению симбирянина, надо дать «случайному сельскому пролетариату» кусочек земли, и «тогда можете быть уверены, что он станет недоступен никаким искушениям утопистов».

Любопытно, что даже священник-реакционер, выступая 6 апреля 1880 года в «Симбирской земской газете» со статьей «О причинах упадка крестьянского земледельческого хозяйства и устранении этих причин», счел нужным для усиления своей аргументации в пользу земских сельскохозяйственных школ сослаться на К. Маркса, который, по его словам, сказал, что «юридические и политические формы суть только надстройка над экономическими формами».

Другой автор в газетной заметке с сожалением отмечал факт образования «сельского пролетариата» и призывал «всеми средствами укреплять и расширять общинное землевладение», которое, по его мнению, могло помочь избежать «коммунизма».

Задумывался над идеями марксизма и практической деятельностью западноевропейской социал-демократии близкий знакомый Ульяновых писатель В. Н. Назарьев. Из наброска статьи, написанной в Симбирске в 80-х годах, видно, что Назарьев интересовался трудами К. Маркса и материалами социал-демократических съездов в Германии. Однако и этот высокообразованный либеральный деятель не сумел четко разграничить взгляды теоретиков научного социализма и воззрения вульгарных материалистов и нередко отождествлял их.

В это же время на положении ссыльного в Симбирске проживал видный революционер-народник А. С. Бутурлин, с которым И. Н. Ульянов встречался на заседаниях комитета

Карамзинской библиотеки. А. С. Бутурлин серьезно изучал «Капитал» К. Маркса, и именно к нему, как «социалисту и знатоку политической экономики», обращался в 80-х годах за разъяснениями сын Льва Толстого Сергей Львович¹.

Имя основателя научного социализма настолько часто встречалось в русских газетах и журналах, что после его кончины 5 марта 1883 года многие редакции, в том числе и «Симбирских губернских ведомостей», посчитали необходимым хотя бы кратко сообщить о смерти, по официальной правительственной трактовке — «известного писателя-социалиста Карла Маркса»².

Члены семьи Ульяновых, как и другие передовые симбиряне, прочитав это сообщение, отчетливо представляли, чем именно заслужил мировую популярность К. Маркс, и, конечно, знали, что он не имеет ничего общего с А. Ф. Марксом — издателем петербургского еженедельника «Нива». И если, например, один из родственников автора антикрепостнического романа «Старое старится, молодое растет» Г. Н. Потанина сообщал 22 сентября 1884 года ему в Симбирск, что чуть было не был удален из Казани за то, что изобличил на диспуте «набитого дурака» (Щеглова В. Е. — Ж. Т.) в нахальной клевете на Лассалья и Маркса, то старый писатель отлично понимал, какого Маркса защищал его адресат³.

Студенты-симбиряне, вращаясь в революционных кругах столичных и университетских городов, имели больше возможностей для ознакомления с социалистической теорией, чем у себя на родине. Они везли в Симбирск или передавали туда «с оказией» литературу по социальным проблемам.

«Капитал» К. Маркса и другие труды по научному социализму изучали члены симбирского студенческого землячества в Петербурге. Особенно углубленно занимался ею Александр Ульянов. По свидетельству И. Н. Чеботарева, он читал «Наши разногласия» Г. В. Плеханова и назвал это остро полемическое произведение «интересной книгой»⁴.

Александр Ильич тщательно изучал «Капитал», познакомился с рядом произведений Энгельса и подготовил к нелегальному изданию статью К. Маркса «К критике гегелевской

¹ Валкин М. Х. Александр Сергеевич Бутурлин. Ульяновск, 1961, с. 62.

² Симбирские губернские ведомости, 1883, № 16, 10 марта.

³ ЦГАЛИ, ф. 381, оп. 2, д. 2, л. 48.

⁴ Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г., с. 244.

философии права. Введение». В работе по переводу статьи Маркса на русский язык участвовала и Анна Ильинична¹.

В Петербурге А. Ульянов не раз встречался с Е. Г. Бартеновой — одной из учредительниц Русской секции I Интернационала. От нее, как и от супругов Жаклар, знавших К. Маркса, Александр Ильич слышал об основоположнике научного социализма то, что не мог бы прочитать ни в одной из книг².

В ходе обысков у молодежи, причастной к нелегальной гимназической библиотеке, действовавшей под руководством кружка В. Аверьянова в 1884—1885 годах, в руки жандармов попало немало гектографированных революционных изданий, среди которых были: «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, «Энгельс. Социализм исторический и научный», «Рабочее движение и социальная демократия» П. Б. Аксельрода, члена плехановской группы «Освобождение труда»³.

В описи вещественных доказательств, составленной симбирскими жандармами, значится и гектографированная брошюра под названием «Сочинение Аверьянова». Эта объемистая, в 143 страницы, тетрадь на титульном листе имела и другое название: «Синтез экономической политики. Прибавления к лекциям профессора Иванюкова. Петрово-Разумовское. 1880».

Труды И. И. Иванюкова были широко распространены в России. В своей докторской диссертации «Основные положения теории экономической политики с Адама Смита до настоящего времени» либеральный профессор утверждал, что «целая бездна разделяет научный социализм от социализма революционного».

Какие же «Прибавления» к лекциям Иванюкова смог сделать Аверьянов? «Было бы слишком розово мечтою представлять себе возможности перехода капитала из рук частных собственников-рантье в руки общества трудящихся путем мирных уступок и соглашений. Надеяться на это социалистам нечего». Далее автор выразил уверенность, что революционный взрыв не только возможен в ближайшем будущем, но и неизбежен. Поэтому социалисты должны готовиться к предстоящим боям: вести пропаганду среди трудящихся, укреплять свою «боевую организацию», искать себе

«естественных союзников». Русские революционеры, призывает он, должны проявить «в пропаганде в среде народа и в организации народных сил столько же энергии и столько же искусства, сколько они высказали и высказывают в настоящее время в борьбе с русским императорством и в организации своих сил для этой борьбы».

Мысли, содержащиеся в «Прибавлениях», оказались настолько зрелыми для начала 80-х годов, когда еще складывалась группа «Освобождение труда», что, естественно, не верилось в принадлежность их симбирскому юноше. Позже выяснилось, что приписываемое жандармами Аверьянову «Сочинение» является сокращенным вариантом книги Альберта Шеффле «Квинтэссенция социализма» и «Прибавлений» к ней П. Л. Лаврова. По воспоминаниям кузнеца-революционера П. А. Фадеева, эту брошюру кружок Аверьянова размножал на двух гектографах.

Анна Ильинична, просматривая в 1929 году список книг, которые читались Ульяновыми в Симбирске, оставила в нем «Квинтэссенцию социализма» Шеффле с примечаниями Лаврова, причем гектографированное издание.

В издававшемся в 1885—1886 годах рукописном журнале «Дневник гимназиста» бывшие соученики Владимира Ульянова рассуждали о «социализме и коммунизме». По свидетельству А. Коринфского, которое приводилось выше, Владимир Ульянов с интересом читал все книжки гимназических рукописных журналов. Но есть основания полагать, что он оказывал влияние на подготовку некоторых материалов.

Как видим, идеи марксизма находили в далеком Симбирске своих приверженцев, в том числе и в гимназической среде. Реакционеры со страхом и ненавистью вынуждены были признавать довольно широкое их распространение.

Важную роль в усилении внимания передовой молодежи к идеям научного социализма сыграл рост пролетарского движения в России. С 1881 по 1886 год в стране произошло более 48 стачек, в которых участвовало до 80 тысяч рабочих. Крупнейшей из них была морозовская стачка ткачей, о которой много говорилось в печати. О ней, конечно, шла речь и в семье Ульяновых.

Трудно сказать, что именно из приводимых выше фактов точно было известно Владимиру Ульянову. Но несомненно, что многое.

Взглянем, например, на второй том «Жизни европейских народов» Е. Н. Водовозовой издания 1881 года, то есть на ту книгу, которую Владимир получил вместе с похвальным

¹ Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г., с. 244.

² Хайт Г. Маркс в семье Ульяновых. — Огонек, 1968, № 19, с. 21.

³ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 87, д. 10278, л. 6.

листом в награду 30 мая 1883 года при окончании четвертого класса. На первой же странице «Списка источников», использованных писательницей, значится: «Маркс. Капитал. СПб. 1872»!

Эта строка из «Списка», составленного Е. Водовозовой для того, «чтобы избавить от библиографических затруднений тех, которые пожелают подробнее ознакомиться с изложенными в книге фактами, является одной из первых печатных рекомендаций главного труда основоположника научного социализма, которые были известны Владимиру Ульянову.

Следует отметить, что «Капитал» К. Маркса и «Положение рабочего класса в Англии» Ф. Энгельса оказали влияние на Е. Водовозову при освещении ею нищеты и бесправия трудового народа, критики «полной безумной роскоши» жизни аристократов, бабковских воротил и предпринимателей. В третьем томе «Жизни европейских народов», который Владимир Ульянов несомненно читал, писательница с симпатией подчеркивала успехи германских социалистов и выражала твердую уверенность в том, что «ослабить силу социализма можно только существенными улучшениями в народном быте».

Обдумывая весной 1887 года пути своего участия в революционной борьбе, Владимир Ульянов вновь перечитывает «Что делать?» Н. Г. Чернышевского, произведения других русских революционных демократов, осмысливает итоги просветительской деятельности своего отца и героической борьбы старшего брата, свои наблюдения над окружающей действительностью.

Эти напряженные поиски в конце концов вылились в твердое решение, ставшее историческим: «Мы пойдем не таким путем».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пресловутая «великая реформа» 1861 года в Симбирской губернии была проведена на более тяжелых условиях, чем в соседних районах Поволжья. Симбирское крестьянство на протяжении всей пореформенной эпохи боролось против грабительских условий своего «освобождения» от крепостного ига. Эта борьба была стихийной, разрозненной, но в сочетании с общероссийским подъемом освободительного движения она способствовала образованию революционных ситуаций 1859—1861 и 1879—1881 годов. И даже после разгрома «движения в народ», героической «Народной воли», в эпоху зверской реакции, классовая борьба и общественное движение в Симбирской губернии продолжались.

Более того, в 80-х годах XIX века симбиряне шли в авангарде студенческого движения ряда университетских городов. Так было в Петербурге, где возглавляемое Александром Ульяновым поволжское землячество являлось одним из самых боевых в столице. Так произошло и в Казани, где Владимир Ульянов и его земляки оказались в числе руководителей знаменитой студенческой сходки-демонстрации 4 декабря 1887 года.

Этого не могли не заметить руководители министерства народного просвещения и департамента полиции. Полицейский историк Н. А. Грифцов, составивший по заданию царского правительства «Записку о мужских и женских гимназиях и реальных училищах, в коих обнаружено влияние противоправительственной пропаганды», заявил, что в 1881—1887 годах «центром брожения среди молодежи в Казанском округе является Саратов и до некоторой степени Симбирск, причем вредное влияние на местные учебные заведения оказывают не столько Казанский университет, сколько воспитанники высших учебных заведений Клева, Москвы и Петербурга»¹.

¹ ЦГАОР, ф. 102, 3-е дел-во, оп. 85, д. 427, л. 85.

Министерство народного просвещения не согласилось с этим выводом «Записки», так как было убеждено, что «главным и самым опасным разносителем заразы (т. е. революционных идей. — Ж. Т.) является административная ссылка»¹.

Защищая в этой полемике честь своих ведомств, чиновники обходили молчанием объективные причины антиправительственных настроений учащейся молодежи. И все-таки, учитывая активное участие студентов-сибиряков в декабрьских волнениях 1887 года, инспектор Казанского учебного округа А. В. Тимофеев вынужден был признать, что, «если окончившие курс в гимназии, тотчас по выходе из нее, оказываются нравственно несостоятельными, это значит, что гимназия не достигла своей цели в деле воспитания их... Нельзя объяснить причины этого печального явления дурными влияниями со стороны, по выходе учеников из гимназии: если бы гимназия давала прочные нравственные начала своим ученикам, то едва ли могли бы так скоро и легко пошатнуться эти начала. И нельзя не прийти к заключению, что эти начала были слабы и шатки — вследствие слабого воздействия педагогической корпорации на учащихся»².

Ф. М. Керенский отверг это серьезнейшее обвинение и подчеркнул в объяснительной записке, что не видит «хотя бы малейшего повода к ответственности за то безрассудство, с каким ошалевшие юноши, бессильные для отпора губительных внушений, попали в Панургово стадо»³. Полагая, что университетская молодежь мечется «повсюду по причинам, далеким от гимназий», он вместе с тем заявил, что Владимир Ульянов «мог впасть в умонеступление вследствие роковой катастрофы, потрясшей несчастное семейство, и, вероятно, губительно повлиявшей на впечатлительного юношу»⁴.

Керенский, как видим, обходит вопрос об объективных истоках ранней революционности Владимира Ульянова, и мы решительно отвергаем его версию. Глубоко верным является объяснение Н. К. Крупской, которая подчеркивала: «Большую роль при этом сыграло то, что Владимир Ильич к этому времени уже о многом самостоятельно думал, решил уже для

себя вопрос о необходимости революционной борьбы... Судьба брата обострила лишь работу его мысли, выработала в нем необычайную трезвость, умение глядеть правде в глаза, не давать себя ни на минуту увлечь фразой, выработала в нем величайшую честность в подходе ко всем вопросам»¹.

Российская действительность, с ее симбирскими иллюстрациями тягостных остатков крепостничества и отвратительных пороков развивающегося капитализма, рождала у каждого мыслящего честного человека ненависть к строю, основанному на эксплуатации громадного большинства населения своей родины. Замечательная семья Ульяновых, вобравшая в себя лучшие традиции русской демократической культуры, подготовила Владимира к поиску ответов на злободневные вопросы, которые ставила сама жизнь. Поистине дух революции витал в доме на Московской улице. И в этом главные причины того, что семнадцатилетний юноша непоколебимо решил посвятить все свои силы и знания долгой и полной опасностей борьбе за светлое социалистическое будущее своего народа, всех трудящихся планеты.

¹ ЦГИА, ф. 733, 1887, оп. 165, д. 552, л. 2.

² ЦГА ТАСР, ф. 92, оп. 1, д. 17112, л. 84—85.

³ Выражение «Панургово стадо» из романа Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» Керенский употребил для характеристики симбиряков, якобы слепо, вслед за «злостными личностями», принявших участие в студенческих волнениях.

⁴ ЦГА ТАСР, ф. 92, оп. 1, д. 9804, л. 194.

¹ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. М., 1963, с. 14.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Падение крепостного права	7
В год рождения Ленина	23
«Хождение в народ»	33
Вторая революционная ситуация	47
Когда Ильичу было одиннадцать	56
Наступление реакции	65
Революционное подполье	71
«По духу братья мы...»	84
Под покровом «благополучия»	107
Симбирск 1887 года	118
Дело 1 марта	134
В эти трудные дни	142
«Мы пойдем не таким путем»	153
Идеи марксизма проникали в симбирскую глушь	163
Заключение	173

Жорес Александрович
Трофимов

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ СИМБИРСК
МОЛОДОГО ЛЕНИНА

Редактор С. Волошин
Художник В. Подорский
Художественный редактор В. Иванов
Технический редактор Л. Андропова
Корректор И. Дудуева

ИБ № 1002. Сдано в набор 25.11.83. Подписано в печать 06.07.84.
НГ90495. Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 1. Гарнитура
«Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 9,24. Усл.
кр.-отт. 10,08. Уч.-изд. л. 10,251. Тираж 10 000. Цена 65 коп.
Заказ 2513.
Приволжское книжное издательство. Саратов, пл. Революции, 15.
Ульяновское отделение.

Производственное объединение «Полиграфист» управления
издательств, полиграфии и книжной торговли Саратовского
облисполкома. Саратов, пр. Кирова, 27.